

ISSN 0207-3676

ОБЩЕСТВО

и ЭКОНОМИКА

1

2023

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№1, 2023

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Временно исполняющий обязанности
главного редактора журнала –
зам. главного редактора **П. Кохно**

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П.Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Сухарев. Денежно-кредитная политика экономического роста в России: тормозящий накопительный эффект	5
Сергей Черных. Методы «мягкой силы» в политике и экономике	27
Сергей Капканщиков. Избыточное подоходное расслоение россиян как угроза экономическому росту и социальной безопасности	37
Елена Шестакова. Повторение пройденного или новый взгляд на проблему: пенсионное обеспечение в государствах Восточной Азии.....	63
Татьяна Ладыженская, Ольга Костина. Влияние цифровой экономики на управление имуществом государства: проблемы и перспективы внедрения в регионах	80
Дания Тазетдинова. Определение среднего класса в рамках экономического подхода	98
Константин Ушаков. Демографические тенденции освоения ресурсов территорий Крайнего Севера: Республика Коми	105
Даниил Фролов, Алексей Дмитриев, Сергей Волков, Ольга Акимова. Характеристика деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций СОНКО по формированию институтов развития старопромышленного региона (на примере Волгоградской области)	111

CONTENTS

O. Sukharev. Monetary policy for economic growth in Russia: accumulative slowing effect	5
S. Chernykh. Soft power methods in politics and economics	27
S. Kapkanschikov. Excessive income inequality in Russia as a threat to economic growth and societal security	37
Ye. Shestakova. Adhesion to well-established practices or a new look at the problem: pension systems in the states of East Asia	63
T. Ladygenskaya, O. Kostina. The impact of the digital economy on the management of state property: problems and prospects for implementation in the regions	80
D. Tazetdinova. The definition of the middle class within the framework of the economic approach	98
K. Ushakov. Demographic trends in the development of the resources in the territories of the Far North: the Republic of Komi	105
D. Frolov, A. Dmitriev, S. Volkov, O. Akimova. The specific features of the formation of development institutions by socially oriented non-profit organizations in old industrial regions (exemplified in the case of the Volgograd region)	111

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 22.00.03 – экономическая социология и демография (социологические науки); 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.4.7 – социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2023

Олег Сухарев

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия);
профессор кафедры теории и методологии государственного и муниципального управ-
ления факультета государственного управления Московского государственного универ-
ситета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
(e-mail: o_sukharev@list.ru)

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ: ТОРМОЗЯЩИЙ НАКОПИТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Исследование посвящено проведению оценки влияния денежно-кредитной политики на экономический рост в России в 2000–2020 гг. с отдельным анализом основных направлений денежно-кредитной политики в 2022 году, сформулированных с перспективой до 2025 года. Целью выступает демонстрация тормозящего эффекта денежно-кредитной политики, а также выявление концептуальных противоречий, заложенных в основные правоустанавливающие документы. Методологию составляет теория экономического роста и экономической политики, эмпирико-статистический и регрессионный анализ. Применение обозначенной методологии позволяет получить основной результат: денежно-кредитная политика, направленная на снижение инфляции, и достигая в общем-то этой цели, тем не менее на изучаемом отрезке времени способствовала торможению экономического роста в России, никак не обеспечивая сбалансированный и устойчивый рост. Таким образом, относительно низкая ценовая динамика не была условием для устойчивого роста. Для денежно-кредитной политики в России в 2000–2022 гг. был характерен негативный эффект, то есть элиминирование чувствительности основных макроэкономических целей развития к инструментам денежно-кредитной политики. Это блокировало новые факторы роста. Выходом является изменение основных принципов и постулатов денежно-кредитной политики в России.

Ключевые слова: экономический рост, денежно-кредитная политика, ключевая процентная ставка, инфляция, темп роста ВВП, денежная масса, таргетирование, основные направления денежно-кредитной политики, накопительный эффект.

DOI: 10.31857/S020736760023986-3

Денежно-кредитная политика является важнейшим инструментом в проведении политики экономического роста [1, 4–6, 8]. Существует богатейшая научная литература, включая современные исследования, о влиянии денежно-кредитной политики на отдельные параметры и сегменты экономики, или о связи денежно-кредитной, бюджетной и иных видов политики [9–18]. Причём целый пласт работ посвящён оценке влияния денежно-кредитной политики на экономический рост [2–3, 5–7]. Особо следует отметить совсем небольшое число работ, в которых изучаются представления об оптимальной денежно-кредитной политике, предполагающей более строгое таргетирование инфляции с предотвращением гистерезиса выпуска, то есть без потерь потенциального объёма производства [11]. Представления об оптимальной политике

варьируются в зависимости от рассмотрения исходных факторов и изменяющейся ситуации. Например, если имеет место шок ликвидности, то оптимальной будет совсем иная денежно-кредитная политика [9], допускающая таргетирование номинального ВВП, а не только инфляции, несмотря на сложности такой политики таргетирования. Кстати, таргетирование номинального ВВП делает политику в целом системной, а денежно-кредитную политику подчиняет этим системным направлениям действий, расширяя горизонт её влияния.

На базе традиционных экономических теорий вполне допустимо выстроить «нетрадиционную»¹ денежно-кредитную политику [10], учитывающую в рамках стереотипных кейнсианских моделей монетарной политики² финансовые рынки, институты и производство. Состояние всего финансового механизма в экономике весьма сильно будет влиять на действенность применяемых инструментов денежно-кредитной политики.

Современные модели денежно-кредитной политики, учитывающие такое влияние, показывают, что центральным банкам следует стремиться не к стабильности цен любыми путями (посредством валютного курса и процентной ставки), а приводить экономику к финансовой устойчивости и стабильности, что и будет способствовать росту текущего объёма производства. Такой итог виден даже на стандартной имитационной модели NCM-DSGE, в которую добавлено влияние финансового механизма [10]. Он обеспечивает трансформацию целеполагания денежно-кредитной политики, подбора и реализации её инструментов, видоизменяет и её принципы. Но полностью не раскрывает того, как связаны инструменты денежно-кредитной политики с целями политики экономического роста и другими видами политики (инструментами), «устаёт» ли экономика от проводимой по одной и той же интеллектуальной схеме денежно-кредитной политики, возникает ли эффект насыщения (накопления действия)? Подобные работы не вскрывают и противоречивой логики проводимой в конкретных обстоятельствах рассматриваемой страны денежно-кредитной политики.

Стандартные исследования, выполненные в монетаристском духе, обычно ограничиваются учётом или измерением шоков, генерируемых денежно-кредитной политикой в макроэкономике [16], влиянием денежного предложения на рост цен или сетевые взаимодействия [15].

¹ Классические варианты денежно-кредитной политики не учитывали указываемые ниже обстоятельства, которые добавляются в известные модели, трансформируя их не только на уровне математики, но и экономической логики.

² В статье понятие денежно-кредитная и монетарная политика употребляется в едином понимании, без каких-либо различий, которые могут встречаться в иных исследованиях, где понимается «монетарная», следовательно, сугубо денежная (без кредитной составляющей) политика. Такое противопоставление этих понятий нам не кажется целесообразным и принципиальным. Здесь данные понятия используются лишь для удобства речевого изложения, в них вкладывается равнозначный смысл.

Связь денежно-кредитной и бюджетной политики на различных отрезках времени (кратко-, средне- и долгосрочном) составляет задачу для точного установления режима проведения двух политик одновременно, в зависимости от решаемых макроэкономических задач [18]. Поиск компромисса между инфляцией и производством составляет отдельное направление в изучении влияния политики центральных банков на экономический рост и структурные изменения [12]. В последние годы преобладает модельный подход, вместо эмпирического метода, хотя последний является ценным инструментом при выстраивании денежно-кредитной политики. В его рамках, например, исследуется связь процентных ставок с ростом номинального ВВП некоторых стран в сопоставлении [13], что даёт полезный эмпирико-аналитический материал для коррекции проводимой денежно-кредитной политики. Ограничения модельного подхода известны и связаны с допущениями, вводимыми для получения модели, затем – с интерпретацией полученных на моделях результатов в сопоставлении с эмпирическими данными.

Как справедливо отмечается в работе Лиу Д., Сана У. и Чанга Л. [14], структурные моменты денежно-кредитной и фискальной политики в литературе исследуются незначительно. Они к тому же слабо вписываются и в структурные модели роста, которые, в отличие от неоклассических факторных моделей роста, включают различные инструменты проводимой политики. Подобные исследования и постановка задач могут пролить свет не только на целесообразность различных режимов денежно-кредитной и фискальной политики, расширяя или даже пересматривая композицию и выводы модели Манделла-Флемминга, или продвинутой модели Обстфельда-Рогоффа, но и показать длительное превосходство фискальной политики над денежно-кредитной по влиянию на рост.

Расширение принципа Тинбергена [19] в рамках доктрины «распределённого управления»³ предпринято в работе [7] применительно к денежно-кредитной политике. Она в обобщённой модели Тинбергена представляет собой самостоятельный инструмент, но в то же время сама выстраивается из ряда неоднородных инструментов, по-разному влияющих на цели развития (рост ВВП, инфляция, занятость и др.). В свою очередь, целевые функции могут показать различную чувствительность к этим инструментам денежно-кредитной политики, что нельзя не учитывать при реализации политики роста. Данная постановка задачи представляет собой, по существу, «структурную денежно-кредитную политику». Причём формирование и реализация такой политики должны осуществляться с учётом накопительного эффекта, выступающего своеобразным верификатором изменения силы воздействия проводимой политики и применяемых её инструментов [7].

³ Подробнее см.: Сухарев О.С. Распределенное управление как расширение принципа «цели-инструменты» экономической политики // Управленческие науки. 2021. №11(1). С.6–19. Идея институционального расширения этого принципа опубликована автором более 2 десятилетий назад.

Классическая денежно-кредитная политика может вполне быть пригодна к тому, чтобы сдерживать инфляцию, даже если инфляция вызвана немонетарными факторами⁴. Однако при этом устойчивость финансового механизма и связанная с ним стабильность могут оказаться недостижимыми. Модельный вариант принципа «цели-инструменты» Тинбергена вполне объяснял то, что разные цели одновременно не всегда достигаются одним инструментом [19]. Это вытекало в значительной степени из формируемых математических уравнений и правил их решения. На практике как раз одним инструментом вполне реально достигать двух, иногда и больше целей. Многое зависит от того, какие инструменты применяются и как они соотносятся с целями и между собой. Следовательно, денежно-кредитная политика, если иметь в виду правило «цели-инструменты», может обеспечить ценовую стабильность, но не дать финансовой устойчивости. В работе [17] показано, что правило Тинбергена действует, но обоснование этого даётся на модели DSGE, которая на уровне допущений непротиворечива. В работах [3, 7] показано, что абсолютно не учитывается эффект накопления действий денежно-кредитной и иных видов политики, то есть своеобразная «усталость» экономики от вводимых мер и применяемых инструментов, либо в силу необоснованности политики, либо бесполезности её такого применения.

Сказанное предопределяет **цель настоящего исследования**, сводимую к определению разрывов на уровне целей, принципов и инструментов денежно-кредитной политики, проводимой в России в период 2000–2020 гг. и 2022 гг. с перспективой на 2023–2025 гг., работавшей весь предшествующий период на сдерживание экономического роста и развития российского хозяйства [1]. **Методологию исследования** составляет сравнительный и эмпирический анализ, теория экономической политики и роста. Основные позиции для критического анализа почерпнуты из документа Центрального Банка РФ «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год, и период 2024 и 2025 годов», выпущенного в августе 2022 года [5]. Предпринятый ниже анализ позволяет выявить логические и теоретические разрывы в выстраивании денежно-кредитной политики в России. Тем самым **первая задача** сводится к критическому переосмыслению осуществляемых прогнозных оценок, с акцентом на пересмотр цели и принципов денежно-кредитной политики, не отвечающих новым обстоятельствам развития. **Вторая задача** сводится к формированию общих выводов для

⁴ Инфляцию могут вызывать две базовые группы факторов – монетарные и немонетарные. Причём на каком-то отрезке времени могут оказаться сильнее какие-то из них, например, немонетарные факторы. В таком случае применение инструментов денежно-кредитной политики, которые сугубо относятся к монетарному регулированию инфляции и должны влиять на монетарные факторы, будет примерно столь же «полезно», сколь и лечение воспалённого аппендицита препаратами, снижающими аритмию сердца. Вместе с тем за счёт сжатия экономики вполне удастся снизить инфляцию, иногда даже весьма ощутимо. Только желать или ожидать более-менее быстрого экономического роста в таком случае вряд ли возможно.

выстраивания денежно-кредитной политики экономического роста с учётом её накопительного эффекта⁵.

Перейдём к последовательному решению этих двух задач для достижения общей поставленной цели.

1. Денежно-кредитная политика в России: адекватность цели и инструментов.

Согласно позиции денежных властей, в России всегда проводилась выверенная денежно-кредитная политика, основной целью которой являлось снижение инфляции. Причём это выступало условием для обеспечения экономического роста, который, как следует из соответствующих документов ЦБ РФ, не мог происходить нужным темпом при относительно высокой инфляции [5].

Данная идея присутствовала год от года и постоянно повторялась в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики, выступая объектом критики экономистов⁶, имеющих альтернативные взгляды на монетарную политику экономического роста [1–3, 6]. Конечно, никто не оспаривает негативное влияние высокой инфляции на сбережения граждан, доходы, кредитование и хозяйственные планы. Однако подавление инфляции ужесточением денежно-кредитной политики без глубокого понимания её причин и следствий, а также структуры ценовой динамики, может наоборот способствовать не только сохранению условий для будущей ценовой нестабильности, но и сильно сдерживать развитие. А это само по себе закладывает основу для последующей негативной динамики цен, так как снижает конкурентоспособность экономики, порождает ценовые диспропорции, работает на нецелесообразное распределение кредита и т.д. Таким образом, структурное содержание денежно-кредитной политики не учитывается. Неявно считается, что структура экономики имеет значение, а вот на структуру применяемых при этом способов воздействия мало кто обращает внимание [3]. Во всяком случае, в аналитических кругах уже сложился устойчивый стереотип – пренебрегать значимостью структуры применяемых инструментов и содержанием проводимой политики. Разумеется, такой подход абсолютно игнорирует обратные связи, которые сильно детерминируют функционирование современной экономики.

Институциональная основа денежно-кредитной политики в России также во многом способствует такому исходу. В частности, в Конституции и Федеральном законе о Центральном Банке утверждается, что его основная функция сводится к обеспечению устойчивости рубля, а цель денежно-кредитной

⁵ Накопительный эффект инвестиционной политики, например, отлично демонстрируется на примере «инвестиционного тоннеля». См.: Сухарев О.С. «Инвестиционный тоннель» российской экономики и необходимость выхода из него // Общество и экономика. 2022. С. 12–30. Представления о накопительном эффекте экономической политики и, в частности, денежно-кредитной политики, введено в работе: Сухарев О.С. О необходимости Госплана — новых аналитических и организационных подходов для развития российской экономики // Инвестиции в России. 2022. № 1. С. 7.

⁶ Таких экономистов в России немало, критикующих относительно высокую ключевую процентную ставку и сдерживающую рост денежно-кредитную политику. Здесь не приводятся все работы такого рода, так как статья не имела обзорной цели.

политики — к поддержанию этой устойчивости посредством стабильных цен. Делается оговорка, что ценовая стабильность означает устойчиво низкую инфляцию, и она нужна для обеспечения сбалансированного и устойчивого экономического роста [5. С. 7].

Из этих установок следует, что экономический рост заданного темпа, к тому же устойчивый и сбалансированный, достигается только при низкой инфляции. При этом в подобных нормативных документах отсутствует расшифровка и общее представление о сбалансированном росте и отвечающем ему темпе, а также — о соответствии или связи темпа роста с динамикой цен. Тем самым автоматически, на уровне базового института, неоправданно и теоретически необоснованно исключается вариант, когда экономика растёт, причём динамика может быть вполне устойчивой и сопровождаться при этом ростом цен. В свою очередь, и рост цен может быть устойчивым, а сама его величина не подпадать под обозначение «низкий темп роста цен — низкая инфляция». Кстати, именно такая динамика наблюдалась в период 1999–2008 гг. в России, когда темп роста в России превосходил темп роста многих развитых стран на всем указанном интервале. А инфляция при этом была довольно высока, хотя и понижалась, если сравнить начало и конец периода. Рост базировался на сырьевых факторах и динамике мировых цен. Но только исчерпание указанных факторов, но и, по существу, проводимая сдерживающая денежно-кредитная политика подавления инфляции привела к свёртыванию такого роста. Однако она показала, что отнюдь не низкая ценовая динамика может быть если и не условием, то, по крайней мере, атрибутом устойчивого экономического роста. Этот вывод можно считать доказанным, и он подтверждается эмпирическим анализом на периоде 2000–2020 гг. (см. рисунки 1–4 [3; 7]).

На Рис. 1 отражена связь инфляции и коэффициента монетизации российской экономики в 2000–2020 гг. Инфляция понижалась по мере роста монетизации экономики. Снижение инфляции сопровождалось снижением ключевой процентной ставки на данном интервале времени, что отражает рисунок 2.

Неуклонный рост денежной массы не был никак связан со снижением темпа экономического роста, что подтверждает рисунок 3. Интервал 2011–2020 гг. Вместе с тем, темп роста зависел от темпа роста денежной массы по индикатору M_2 . (рисунок 4)

Темп роста ВВП связан с темпом роста денежной массы в России (Рис. 4). Поэтому замедление темпа роста денежной массы вызывало на различных отрезках рассматриваемого интервала снижение темпа роста. Динамика денежной массы поддерживала темп роста экономики России. Увеличение денежной массы происходило со снижением ключевой процентной ставки и понижением инфляции. Денежно-кредитная политика, ограничивающая прирост денежной массы, вне всяких сомнений, тормозила темп роста российской экономики, что подтверждает проведенный эмпирический анализ.

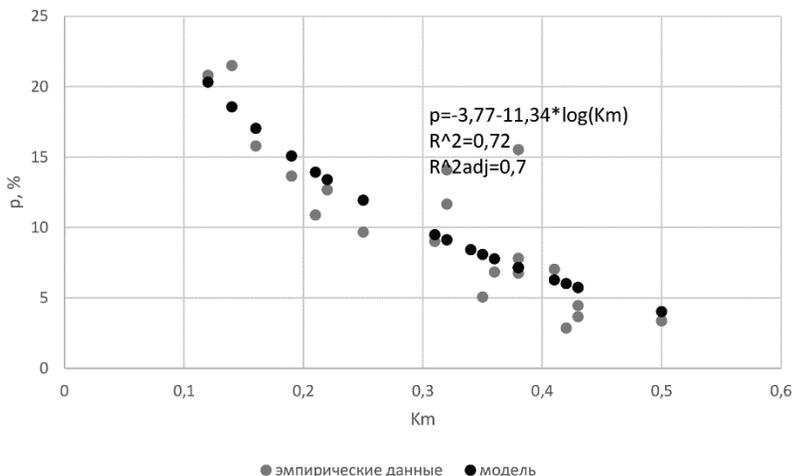

Рис. 1. Инфляция (p) и коэффициент монетизации (Km), Россия, 2000–2020 гг.

Источник: составлено автором по данным:

https://gks.ru/bgd/regl/b04_17/IssWWW.exe/Stg/d010/i010080r.htm ,

<https://fedstat.ru/indicator/31>

[https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vkFOBqDq/ВВП%20годы%20\(с%201995%20г.\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vkFOBqDq/ВВП%20годы%20(с%201995%20г.).xls)

http://www.cbr.ru/vfs/statistics/ms/ms_m21.xlsx

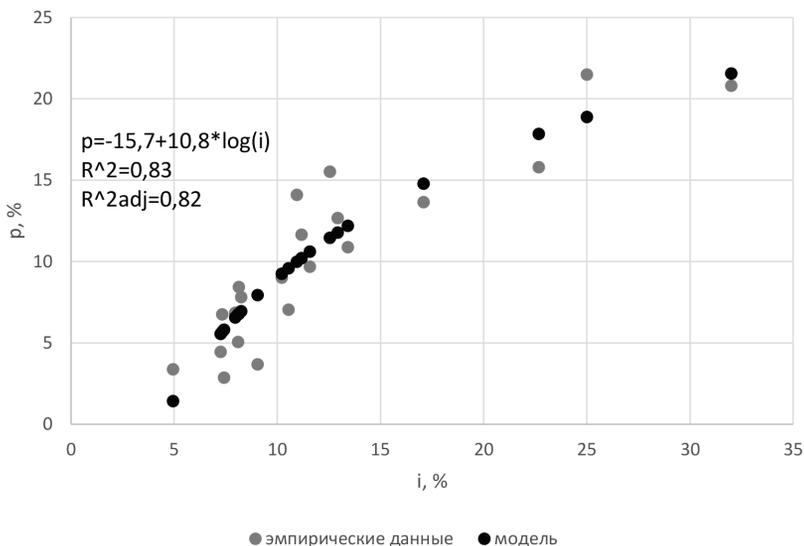

Рис. 2. Инфляция и ключевая процентная ставка, Россия, 2000–2020 гг.

Источник: составлено автором по данным:

https://gks.ru/bgd/regl/b04_17/IssWWW.exe/Stg/d010/i010080r.htm ,

<https://fedstat.ru/indicator/31074>

https://cbr.ru/hd_base/keyrate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=17.09.2013&UniDbQuery.To=30.07.2021 , https://cbr.ru/statistics/idkp_br/refinancing_rates1

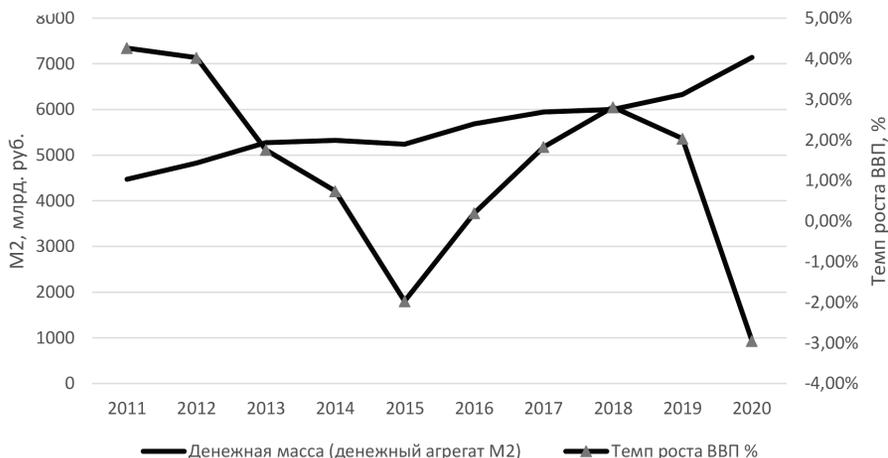

Рис. 3. Денежная масса M_2 в ценах 2000 года и темп роста ВВП РФ, 2011—2020 гг.

Источник: составлено автором на основе:

[https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vkFOBqDq/ВВП%20годы%20\(с%201995%20г.\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vkFOBqDq/ВВП%20годы%20(с%201995%20г.).xls)

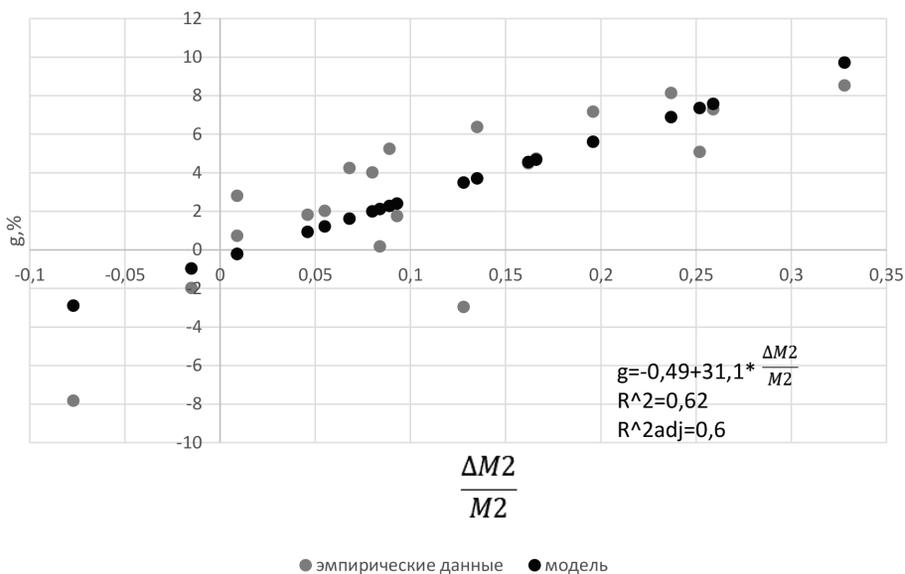

Рис. 4. Темп роста ВВП и денежной массы, Россия, 2000—2020 гг.

Источник: составлено на основе: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/ms/ms_m21.xlsx

[https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vkFOBqDq/ВВП%20годы%20\(с%201995%20г.\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vkFOBqDq/ВВП%20годы%20(с%201995%20г.).xls)

Таким образом, можно однозначно заключить, что в целом для периода 2000—2020 гг. снижение инфляции сопровождалось снижением темпа роста экономики России. Это не означает автоматического заключения, что экономический рост однозначно должен сопровождаться высокой инфляцией,

но определённой повышательной динамикой цен он наверняка должен сопровождаться. И подавление этой динамики посредством денежно-кредитной политики, влияющей исключительно на монетарную составляющую инфляции, будет торможением самого роста. Понижалась инфляция – понижалась ключевая ставка, и росла денежная масса. Эти эмпирически незыблемые результаты развития экономики России вбирают в себя итог проводимой денежно-кредитной политики на исследуемом интервале времени.

Обобщая эмпирический анализ, можно заключить, что темп роста российской экономики не зависел от инфляции, хотя очень грубо можно считать, что меньшему росту отвечала и меньшая инфляция. Таким образом, итогом проводимой денежно-кредитной политики стало отсутствие приемлемой величины устойчивого роста при низкой инфляции.

События 2022 года, ввода санкций и развёртывание мировой рецессии, обеспечили отрицательный темп роста российской экономики при значительном увеличении ценовой динамики. Сам по себе такой вариант является худшим для развития экономики. Центральный банк применил жесткую денежно-кредитную политику, выражающуюся в резком увеличении ключевой процентной ставки (до 20%), вводе ограничений на перемещение капитала, остановку торгов на Московской бирже (ограничение валютных спекулянтов), вводе налога на обменные операции, иные регуляторные воздействия на банки и поддержку заёмщиков и т.д. Эти меры предотвратили большой обвал валютного курса (хотя девальвация валюты почти в 2 раза произошла, сменившись последующей ревальвацией также более чем в 2 раза⁷), но они не смогли сдержать весьма существенное ускорение инфляции, которую удалось купировать только благодаря ощутимому сжатию экономики. При этом денежные власти не смогли предотвратить в рамках санкций арест 50% валютных резервов России. Тем самым стране был нанесен серьёзный финансовый ущерб, сужающий в дальнейшем потенциал преодоления кризиса и перспективного роста.

Главное, что основные установки денежно-кредитной политики прошлого периода сохраняются в текущем режиме и переносятся на будущее до 2025 года.

К ним можно отнести следующие основополагающие позиции:

– прошлые принципы денежно-кредитной политики признаются эффективными, позволяющими адаптироваться российской экономике к форс-мажорным условиям 2022 года [5];

– рост ассоциируется только со снижением инфляции, а ценовая стабильность выступает определяющей целью, причём связанной с устойчивостью рубля;

⁷ Это и даёт представление о волатильности валютного курса (рубля), тем самым в общем-то указывая, что основную конституционную функцию на этом этапе регулятор не исполнил. Если брать для оценки его деятельности более значительный интервал времени, то ситуацию можно считать стабилизированной к лету 2022 года, хотя последствия для экономики только развёртываются во второй половине 2022 года.

– таргетирование обозначается основным ориентиром и инструментом в решении основной задачи, причём таргет⁸ принимается равным 4%, а обоснование этой величины базируется только на некоем опыте 47 рассмотренных стран; цель денежно-кредитной политики сводится к достижению установленного таргета, причём по разным сценариям к 2024 или 2025 году.

– слишком низкая процентная ставка не отвечает сложившейся макроэкономической ситуации в России [5. С. 8] и приводит к исключительно негативным последствиям для ценовой динамики и экономики;

– воздействие на спрос и цены осуществляется посредством ключевой процентной ставки [5. С. 4], которая рассматривается в виде основного инструмента.

Кроме приводимых пяти позиций, интерес представляет утверждение, что экономика России будет адаптироваться под новое равновесие, в котором активность начнёт восстанавливаться за счёт новых средств производства, повышения квалификации работников и роста эффективности капитала [5. С. 4]. Инфляция будет понижаться, в том числе вследствие проводимой денежно-кредитной политики. В зависимости от условий и задаваемых ключевых параметров выводятся три сценария развития: базовый, ускоренной адаптации, и глобального кризиса. Для них указывается свой темп роста ВВП, ключевой процентной ставки, инфляции. Вводятся они по цене на нефть, в зависимости от которой «прогнозируется» изменение платежного баланса, а в зависимости от процентной ставки – изменение инвестиций и потребления. Данная сценарная композиция, как видно, не учитывает множество факторов и сама по себе статична. Кроме того, она формируется при условии заведомо не соблюдаемых связей между ценами, темпом роста и валютным курсом (которые априорно определены и установлены, включая и цели монетарной

⁸ Выбор таргета объясняется тремя условиями: особенностями ценообразования; структурной экономики РФ; опытом таргетирования других стран с поправкой на недостаточность развития рыночных механизмов, в частности, в России [5. С. 27]. Однако в документах ЦБ РФ не указывается, что значит неразвитость рыночных механизмов, какова она может быть, как она влияет на денежно-кредитную политику и величину таргета, какова зависимость таргета и неразвитости механизма? Также не поясняется связь со структурой и особенностями ценообразования. Тем самым все причины смотрятся как поверхностные, не объясняющие принятие решения по величине таргета и отсутствие диапазона. Кроме того, установление таргета на длительном интервале времени абсолютно пренебрегает изменением связи между ценовой динамикой и структурой экономики, в частности, соотношением совокупного спроса и предложения. Стремление к таргету, исчисляемому неким индексом инфляции, без учёта динамики структуры цен, порождает ряд отраслевых диспропорций, обеспечиваемых разницей ценовой динамики по различным секторам экономики. Денежная кредитная политика, воздействующая на цены, в условия, когда они растут не по монетарной причине, вносит вклад в добавочные секторальные ценовые искажения, тем самым подгоняя структуру экономики согласно поставленной цели в виде таргета по инфляции. Казалось бы, стратегия таргетирования, признаваемая ЦБ РФ лучшей [5. С. 3], должна изменять величину таргета в некоем диапазоне в зависимости от реальных изменений, по крайней мере, на относительно большом отрезке времени, но этого не происходит. При этой стратегии неважно, что будет с экономикой и её структурой, лишь бы достичь намеченной общей цели в 4%, не изменяемой длительное время вне зависимости от чего бы то ни было.

политики), не учитывает усилий по замещению импорта и другие институциональные модификации экономики.

Хотя в базовом документе говорится о денежно-кредитной политике с учётом структурных изменений экономики России, но не предъявляется никаких построений, которые показали бы, как адекватно учесть их [5]. Остаётся без ответа не только их содержание и связь с денежно-кредитной политикой, но и причины, а также, что самое важное, – возможности управления ими, в том числе при помощи различных инструментов самой монетарной и других видов политики. Тем самым налицо высокий уровень несогласованности проектировок и прогнозов в рамках денежно-кредитной политики и всех целей развития экономики и иных видов политики.

Документ [5] является ярким отражением идеологической предвзятости и нежелания научного поиска и коррекции научных взглядов на монетарную политику. Так, утверждается, что денежно-кредитная политика должна способствовать развитию внутренних источников финансирования экономики и что их возникновение обеспечит именно ценовая стабильность при реализации соответствующей монетарной политики. Это работает против ухудшения качества жизни и роста социального неравенства. Однако путь к стабильным ценам, предполагающий относительно высокую ставку процента, сокращает потребление и инвестиции, то есть, в свою очередь препятствует улучшению качества жизни, а индексируя доход финансовым спекулянтам, работает на увеличение неравенства. Таким образом, присутствуют прямые логические и экономические противоречия, обнажающие предвзятость решений в области денежно-кредитной политики. Когда отмечается, что денежно-кредитная политика не компенсирует снижение потенциала экономического развития, то упускается, что она может вполне работать на снижение этого потенциала либо не дать агентам воспользоваться имеющимся потенциалом. Якобы слишком низкая процентная ставка стимулирует спрос, толкает цены вверх, что при ограниченном предложении увеличивает инфляцию и потери в экономике. Рост ключевой ставки ограничивает инвестиции [5. С. 8–9]. Здесь при формально верном объяснении делается нарочитая ошибка: не принимается во внимание рост предложения при активизации инвестиций в силу низкой ставки процента. Кроме того, экономическая политика должна задействовать различные методы стимулирования предложения. Но относительно высокая ставка процента сразу снижает инвестиции, а также потребление, стимулируя не производительную, а спекулятивную деятельность в экономике на высоком проценте.

Таким образом, не доказано, что такое слишком низкая ставка и была ли она в российской экономике когда-либо; очевидно и непонимание негативной роли относительно высокой ставки процента, которая и подрывает потенциал экономического развития России. Сведение различных инструментов

денежно-кредитной политики только к процентной ставке, а задачу регулятора – только к обеспечению стабильности валютного курса, к которой привязывается ценовая стабильность, сильно искажает подлинные задачи такого экономического роста, в рамках которого происходит процесс замещения импорта. Это должно снижать импортную зависимость, снижать потенциал импортированной инфляции и нарушать связку валютного курса и ценовой динамики. Конечно, не выдерживает критики, как было отмечено, связь низкой инфляции и экономического роста, когда первое ставится в условие для второго. Это нарушает композицию возможных усилий в рамках политики экономического роста и обнажает бессилие денежно-кредитной политики его обеспечить на продолжительном отрезке времени, что и подтверждает статистика по России 2000–2020 гг. Иными словами, краткосрочный и долгосрочный эффекты денежно-кредитной политики сугубо отличаются. Короткий эффект может элиминироваться длительным результатом, когда экономика становится слабо чувствительной к проводимой по одной и той же схеме денежно-кредитной политики, без её структурного варианта. Когда в экономике какая-либо политика не может изменить ситуации в длительном периоде, это можно обозначить как «накопительный эффект», причём он может быть положительным, когда это влияние возрастает, либо отрицательным, когда оно отсутствует либо нечувствительность усиливается [3].

Рассмотрим монетарную политику, способствующую росту экономики, при условии положительного накопительного эффекта такой политики. Учитывая, что в России было обнаружено наличие отрицательного накопительного эффекта денежно-кредитной политики [3], предложения по противоположной политике будут вытекать из предпринятого выше критического анализа целей и принципов денежно-кредитной политики, а также эмпирического анализа её результатов.

2. Денежно-кредитная политика стимулирования экономического роста и накопительный эффект.

В «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики» в 2022 году с перспективой на 2023–2025 гг. признаётся лимитирующий характер структурных трансформаций [5. С. 7–9]. Однако вопрос о том, как именно структурные изменения повлияют на денежно-кредитную политику, то есть какой она должна быть, чтобы управлять этими изменениями в нужном для экономики и общества направлении, остаётся без ответа. Точнее, ответ присутствует и сводится к тому, что принципы и цели денежно-кредитной политики, проводимой при отсутствии подобных структурных трансформаций, должны действовать и в условиях, когда они происходят [5. С. 9]. Само изложение в указанном документе выводит структурные изменения из поля инструментов монетарной политики. Хотя признаётся важным создание внутренних источников развития, для чего нужна низкая инфляция,

но при этом нигде не указывается, как относительно высокие процентные ставки будут тормозить именно это развитие. Количественные расчёты таких вариантов также отсутствуют. Ценовая стабильность якобы должна выступать условием трансформации экономики [5. С. 5], но ведь сама трансформация нарушает эту ценовую стабильность, поскольку изменения структуры связаны с пропорциями цен и их влиянием: сдвиги нарушают сложившиеся пропорции, обеспечивая асинхронную по секторам экономики ценовую динамику. Выходит, экономические условия изменились, что признаётся, но подходы в области денежно-кредитной политики – нет [5. С. 9]. Это по-прежнему: таргетирование, плавающий валютный курс и его стабилизация посредством влияния на ценовую динамику с помощью ключевой процентной ставки, решения по которой принимаются на основе сомнительных макроэкономических прогнозов текущего или в лучшем случае среднесрочного характера с сильно ограниченным числом релевантных параметров.

При этом вопрос, что является причиной повышения цен на товары и услуги при вводе таргета, отходит на второй план. Поскольку имеется функция у ЦБ РФ, постольку он её выполняет, и не важно, чем именно вызван всплеск инфляции.

Нужно отметить, что такой корифей в области инфляции и валютного курса, как Густав Кассель, полагал, что неверно считать высокую процентную ставку причиной удорожания и затруднения производства⁹. Объяснение учётной политики давалось такое: высокий процент должен отвечать скудости капитала¹⁰. Тогда не будет торможения использования производительных сил общества, то есть свёртывания производства. Когда процент не отражает стоимости капитала, то никакого подобного равновесия быть не может. Более того, если стабилизация валюты зависит от монетарной политики, обеспечивающей экономику деньгами, то ограничения на создание денег, в том числе высокий процент, будут создавать значительные трудности развитию и вынудят отменить учётную политику¹¹. Вместе с тем именно Г. Кассель, несмотря на свои либеральные взгляды относительно процентной ставки, считал, что причиной инфляции является не только рост денежной массы, но и падение производства, а также дефицитное финансирование субъектов в периоды инфляции [6]. Конечно, при этом требуется учитывать механизм мультипликации затрат, формируемый монополизмом экономики и другие институциональные ограничения, вносящие вклад в инфляцию, а не в её торможение. Финансовые ограничения будут таким решением, которое, скорее, провоцирует, нежели предотвращает инфляцию. Процент, если является ценой за

⁹ Подробнее смотри: Кассель Г. Инфляция и валютный курс // М: Эльф-пресс. 1995. С.31–32.

¹⁰ Речь велась о «правильном выражении» этой скудости капитала. В этом и состоит проблема – в несоответствии процента реальной стоимости капитала, когда он никоим образом не отражает количество капитала (его скудость или избыток).

¹¹ Кассель Г. Инфляция и валютный курс // М: Эльф-пресс. 1995. С. 33.

предоставляемый капитал, будучи нормативно повышен, означает увеличение цены капитала, причём ничем не оправданное, не связанное с объёмом этого капитала, ведущее к росту издержек по обслуживанию кредита. Тем самым повышение процентной ставки – это взнос в инфляцию, а её торможение возникает на следующих интервалах времени за счёт сжатия экономики, сохраняет её инфляционную природу. Далее цикл «регулирование инфляции денежно-кредитной политикой – рост – инфляция» продолжается, тем более если повторяются и реализуются прежние установки денежно-кредитной политики.

Проектирование нового бюджетного правила в России в 2022 году, по существу, повторяет предшествующий подход – создание некоего фонда, куда выводятся из экономики деньги, в текущем режиме уже не работающие на развитие и рост. Если экономика растёт 1,5–2%, а реальные доходы населения много лет практически не увеличиваются, формирование такого фонда хотя и необоснованно, но хоть как-то можно понять, то в условиях снижения ВВП, скажем на 5%, что требует ресурсов для снижения спада, формирование данного фонда, на наш взгляд, не имеет объективных оснований. Имеющиеся ресурсы должны работать на экономику, противодействовать её спаду. Их вывод означает углубление спада, а в условиях военной обстановки может быть воспринят, как нанесение экономического поражения с вытекающими дальнейшими формулировками в отношении инициаторов такой политики.

Относительно экономического роста возможны два базовых режима [6. С. 22–24]. Во-первых, рост сопровождается ростом цен. Во-вторых, понижение ценовой динамики является условием для роста. Первое вытекает из шумпетеровских представлений о кругообороте, второе – из уравнения Фишера. Если ввести своеобразную денежную функцию $E(M_2) = g_p - g_{M_2}$, представляющую собой разность темпа (g_p) роста цен (инфляция) и темпа роста денежной массы (g_{M_2}), то для указанных двух типов роста можно получить ряд условий на данную функцию, чтобы экономика показывала увеличение продукта.

Тогда, отталкиваясь от уравнения Фишера¹², с учётом того, что скорость обращения – постоянная величина, можно прийти к $E(M_2) < 0$ – для фишеровского роста экономики; $E(M_2) > 0$ – для шумпетеровского роста. Введя чувствительность инфляции к денежной массе g_p/g_{M_2} , несложно получить режимы экономического роста, который отражает таблица 1 [6].

¹² Это уравнение во многом схематично и не верно, так как динамика цен может оказаться зависимой от динамики денежной массы. Из уравнения этого не следует напрямую. Если в экономике такая связь отсутствует или слаба, то при прочих равных можно использовать это уравнение для общих рассуждений.

Таблица 1

Режимы экономического роста – инфляция и денежно-кредитная политика

Тип роста	Режим роста	Денежно-кредитная политика
Шумпетеровский рост $E(M_2) > 0$	$g_{M_2} > 0$; $g_P > g_{M_2}$; инфляция	Темп роста денежной массы положительный (монетарная экспансия) для роста экономики и темп роста цен (инфляция) обгоняет темп роста денежной массы. Установление цели по инфляции (таргета), оказавшееся меньше темпа прироста денежной массы, нарушит условие роста экономики.
	$g_{M_2} < 0$; $g_P < g_{M_2}$; дефляция	Темп роста денежной массы отрицательный (монетарная рестрикция), а темп роста цен ниже должен быть относительно темпа роста денежной массы, чтобы экономика росла. Это неправдоподобный сценарий для современной экономики.
Фишеровский рост $E(M_2) < 0$	$g_{M_2} < 0$; $g_P > g_{M_2}$; инфляция, дефляция	Денежная масса сокращается (монетарная рестрикция), возможна инфляция при $g_P > 0$ и дефляция $g_P < 0$.
	$g_{M_2} > 0$; $g_P < g_{M_2}$; инфляция, дефляция	Денежная масса растёт (монетарная экспансия), темп роста цен ниже темпа роста денежной массы. Возможна инфляция при $g_P > 0$, дефляция при $g_P < 0$.

Из таблицы 1 следует:

- шумпетеровский тип экономического роста (инновационный) происходит при инфляции, монетарная политика должна быть экспансионистской;
- дефляционный вариант при монетарной рестрикции для шумпетеровского типа неправдоподобен;
- фишеровский тип экономического роста происходит при монетарных рестрикциях (темп роста денежной массы отрицательный – сокращение), но возможна инфляция и дефляция (видимо в зависимости от структуры экономики, начального состояния рынков и даже начальной величины монетизации);

– фишеровский тип роста наблюдаем и при монетарной экспансии, возможна инфляция и дефляция.

Таким образом, наличие связи динамики цен и роста по двум базовым подходам, описывающим варианты такой связи, не даёт однозначного результата по тому, какой именно должна быть денежно-кредитная политика, чтобы обеспечивать экономический рост. Она может сопровождаться и инфляцией, и дефляцией, либо таким мягким вариантом, как дезинфляцией, то есть замедлением инфляции, темпа роста цен, когда он продолжает оставаться положительным (цены растут).

Предпринятые выкладки в области теоретического анализа тем не менее, подтверждают, что, поскольку для российской экономики $E(M_2) < 0$ в среднем на рассматриваемом интервале времени, постольку фишеровский тип роста наиболее ей соответствовал (см. Рис. 5¹³). Согласно этой модели роста, возможны различные варианты денежно-кредитной политики. Решить задачу инновационного типа роста вне шумпетеровской модели практически невозможно, так как денежная функция должна быть больше нуля $E(M_2) > 0$, что при положительном темпе роста денежной массы будет означать инфляцию. Другое дело, если рост цен будет контролироваться денежными властями, то есть инфляция будет не столь высокой и стабильной. Именно такая идея заложена в доктрину таргетирования, однако, как должен выбираться и что самое важное – изменяться на относительно продолжительном отрезке времени сам таргет, остаётся пока вне области точных научных обоснований.

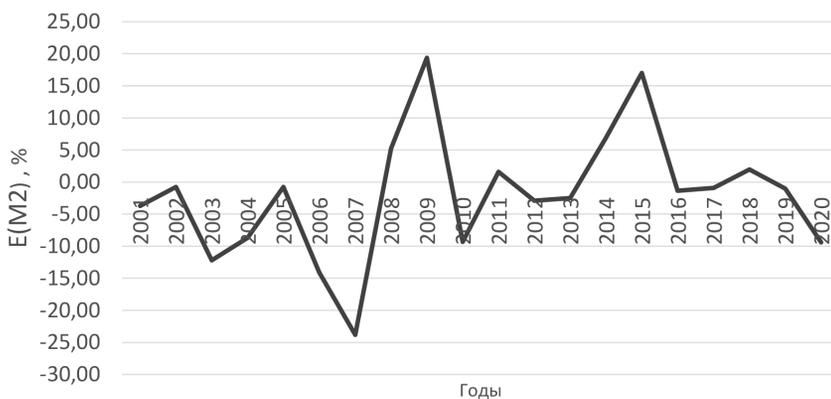

Рис. 5. Денежная функция $E(M_2)$ для российской экономики, 2000–2020 гг.

Источник: составлено на основе: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/ms/ms_m21.xlsx
https://gks.ru/bgd/regl/b04_17/IssWWW.exe/Stg/d010/i010080r.htm,
<https://fedstat.ru/indicator/31074>

¹³ Денежная масса приводилась к ценам 2000 года, темп роста цен (уровень инфляции) определялся по ИПЦ (в процентах), темп роста денежной массы как разница денежной массы текущего и предыдущего года, отнесённая к денежной массе предыдущего года, в процентах.

Если $E(M_2) < 0$ подавляющую часть рассматриваемого периода времени, то это говорит о том, что темп роста денежной массы в среднем выше темпа роста цен. Там, где $E(M_2) > 0$ (три точки: 2009 г., 2015 г., 2018 г.), темп роста денежной массы был отрицательный (2009 и 2015 гг.) и был ниже, чем темп роста цен (2018 г.). Отметим, что инфляция в 2017–2020 гг. была близка к таргету, но в отдельные годы имелось «перевыполнение таргета», в частности, в 2017 г. – инфляция 3,68%, в 2018 г. – 2,87%, 2020 г. – 3,38%. В 2019 году – 4,46% (по ИПЦ). Экономический рост в эти годы был не сильно выше 2% или ниже этой величины. Только в 2021 году, в результате стимулирования экономики в 2020 году, были заложены основы роста более высоким темпом, чем в предыдущие годы. Но и инфляция по итогам 2021 года была 8,4% (имелись оценки и в 8,9%), темп роста ВВП – 4,7%. Тем самым подтверждается ещё раз фабула настоящего исследования, что структура российской экономики такова, что наращение темпа роста будет сопровождать рост цен, а его подавление делать рост более скромным по величине темпа. Темп роста денежной массы положительный, а темп роста цен ниже темпа роста денежной массы – данная модель, исходя из теоретической таблицы 1, предполагает как инфляцию, так и дефляцию. Следовательно, снижение инфляции как фетиш денежно-кредитной политики даже не укладывается в логику фишеровской модели роста. Хотя задача определения приемлемой динамики цен сохраняет при этом своё значение. Но она не решается и в базовых документах по денежно-кредитной политике в России, даже не делается такой попытки.

Проведенный анализ также подтверждает, что низкая динамика цен как обязательное условие роста – это всего лишь один из возможных режимов роста, в рамках которого денежно-кредитная политика, обеспечивающая эту низкую ценовую динамику, может сдерживать сам экономический рост, как это подтверждается на эмпирических данных по России.

Кроме этого, важной характеристикой денежно-кредитной политики в России выступает не изменчивость применения её инструментов на относительно длительном интервале времени, включая незыблемость основных принципов и методов реализации. Во-первых, это является явным показателем негибкости и низкой адаптивности мер политики. Во-вторых, возникает отрицательный накопительный эффект экономической политики, когда она не в состоянии существенно изменить функционирование хозяйственной системы в силу весьма низкой чувствительности (либо ее отсутствия) экономики к одним и тем же применяемым инструментам и подходам. Для любого вида политики этот эффект может быть либо отрицательным, либо положительным¹⁴, когда сила воздействия инструментов политики увеличивается с течением времени. Это

¹⁴ Возможен и третий вариант – нейтральный, когда эффект слабо выражен, в случае нейтральной чувствительности экономики к инструментам данной политики, то есть инструменты не являются действенными априорно. В таком случае влияние не снижается и не увеличивается, а не обнаруживается, причём вне зависимости от промежутка времени.

может происходить в силу изменения чувствительности к инструментам со стороны экономики, либо в силу изменения содержания самих инструментов, которые, трансформируясь, находят точки влияния, обеспечивая его усиление и двигая экономику в нужном направлении. При этом достижение одной цели развития не оборачивается свёртыванием продвижения к другой цели развития. Например, когда имеется успех по снижению инфляции, но он оборачивается понижением темпа экономической динамики по ВВП.

Совместно с С.Ю. Глазьевым и О.Н. Афанасьевой [3] был подробно исследован (идентифицирован) отрицательный накопительный эффект денежно-кредитной политики в рамках неоклассической (фишеровской) её парадигмы для России. Если обобщить, то данное исследование дало следующие важные результаты:

– денежно-кредитная политика не обеспечивала главной цели макроэкономического развития – роста ВВП, демонстрируя его сдерживание;

– цель по инфляции достигалась не всегда даже при применении таргетирования, следовательно, денежно-кредитная политика, хотя и сдерживала инфляцию, но не обеспечивала точное достижение установленной цели (безотносительно к адекватности её постановки);

– денежно-кредитная политика с точки зрения её основных инструментов показала отрицательный накопительный эффект, то есть, низкую чувствительность или отсутствие таковой к монетарным инструментам со стороны целей макроэкономического развития [3, с. 23];

– снижение процентной ставки лучше влияет на темп роста (в сторону повышения), нежели на инфляцию (в сторону её ускорения), причём эмпирический анализ в настоящем исследовании это также подтверждает, как и слабую связь между инфляцией и экономическим ростом в рамках проводимой неоклассической денежно-кредитной политикой в России на указанном интервале;

– жесткая денежно-кредитная политика, скорее всего, создавала в России добавочные условия для будущей инфляции, поэтому недолгий эффект от её снижения скрадывал подлинное влияние такой политики на относительно длинном отрезке времени.

Одной из причин такого негативного влияния денежно-кредитной политики даже на инфляцию, что рельефно подчёркивает наличие отрицательного накопительного эффекта¹⁵, выступает единообразие применяемого метода – относительно высокой процентной ставки, якобы снижающей инфляцию. Вместе с тем высокая процентная ставка отсекает инвестиции в экономике, снижает потребление, формируя новое равновесие, если применять термины

¹⁵ Когда цель политики становится не чувствительной к предпринимаемым мерам и применяемым инструментам, либо даже ухудшается в силу такого применения одних и тех же или похожих решений на каком-то отрезке времени. Накопительный эффект политики, со всей очевидностью, выступает функцией времени. Его сила изменяется со временем, что требует дополнительных исследований, не входящих в задачу настоящей статьи.

ЦБ РФ [5], но, к сожалению, на более низком уровне. В результате таких действий конкурентоспособность и технологический уровень экономики понижаются, а возникающий на этом фоне девальвационный эффект при сильной привязке к импорту провоцирует рост цен. Это заставляет денежные власти повышать процентную ставку к прежним значениям. Такая денежно-кредитная политика не может разорвать указанный негативный цикл функционирования российской экономики от кризиса к кризису, позволяя не системно, но локально решать отдельные задачи развития до следующего повторения указанной цепочки через совсем непродолжительный отрезок времени. За это время, как правило, происходит торможение экономического роста и усиливаются условия для нового кризиса.

Однако указанная порочная цепочка, разрушительно действующая на экономику России, исполняет и ещё одну негативную функцию, не ориентируя банки на созидательное размещение имеющегося у них капитала. Высокий процент способствует росту сбережений и сокращению потребления. Вместе с тем он снижает инвестиции и стимулы к ним, обрезая спрос на кредитование. Таким образом, увеличенные сбережения могут направляться не в производительные инвестиции, а на финансовый, валютный и иные спекулятивные рынки, работая, в том числе, и на их обвал в условиях высокой нестабильности и волатильности. Снимая ограничения на движение капитала летом 2022 года, Центральный банк РФ не только обеспечил предотвращение дальнейшей девальвации рубля, которая была значительной в силу предпринятых ответных на санкции мер, но и открыл прежние возможности для финансовых спекулянтов. Поэтому снижение процентной ставки, оказывающее стимулирующее влияние на экономику, при этих условиях обеспечивало большее увеличение финансовых инвестиций, нежели инвестиций в реальный сектор¹⁶. Это вернуло девальвационное давление на рубль, несмотря на то что спрос и предложение определяются в 2022 году (в силу санкций) в основном поведением экспортёров и импортёров.

Денежно-кредитная политика, ориентирующаяся на экономический рост в стране, должна видеть связь динамики цен и роста, а также инвестиций и роста, причём отнюдь не финансовых вложений. Её главная задача — снабдить развитие реальных объектов хозяйства авансовым капиталом, включая и решение возникающих задач, связанных с замещением импорта и функционированием реального сектора национального хозяйства. Это требует коренного изменения базовых принципов и даже целей, пописанных в нормативных документах, на основе которых формируются основные направления единой

¹⁶ В ряде предшествующих работ автора было показано, что снижение процентной ставки в России при прочих равных, приводило всего к 2-кратному увеличению инвестиций в реальный сектор по сравнению с 8-кратным увеличением финансовых вложений. Такая модель развития экономики может быть обозначена как сугубо спекулятивная, с очевидной структурной деформацией.

государственной денежно-кредитной политики. Новые принципы и цели требуются такие, какие представлены в настоящем исследовании, а также вытекают из работы по учёту отрицательного накопительного эффекта денежно-кредитной политики [3, 5–6].

* * *

Подводя итог, сформулируем принципиальные положения, вытекающие из поведенного анализа.

Во-первых, проводимая денежно-кредитная политика стимулирования экономического роста не может сводиться к целям, которые не детерминируют полноценный рост. Более того, применение инструментов денежно-кредитной политики не может не зависеть от исходного уровня монетизации экономики, поскольку при коэффициенте монетизации, скажем, в 15%, это может быть одно применение, а при монетизации, например, в 100% или выше, явно иное наполнение инструментов монетарной политики, влияющих на рост. Является фактом, что в России в период 2000–2021 гг. происходила монетизация экономики, причём темп роста денежной массы обгонял темп роста цен. При этом увеличение денежной массы не являлось детерминантной инфляцией и способствовало поддержанию роста. Однако вопрос об интенсивности прироста денежной массы и распределении её по экономике, что не может не влиять на рост, оставался в стороне в результате сформированной, проводимой и по существу неизменяемой денежно-кредитной политики, которая по своей цели и принципам фактически оказывала тормозящее действие на рост. Присутствовал отрицательный накопительный эффект этой политики, то есть базовые макроэкономические цели оказывались слабо или совсем не чувствительны к инструментам монетарной политики.

Во-вторых, показано, что в России ориентировались на фишеровский подход в области экономического роста и монетарной политики, которые, несмотря на все условности, предполагает наличие инфляции при росте – то есть не обязательно её подавлять любыми средствами и устремлять к слабо обоснованной цели (таргету) в виде одного значения, и тем более её перевыполнять. Инновационный тип роста достигается подходом, который противоположен фишеровскому, предполагая не подавление инфляции, а сопровождающую рост инфляцию как имманентный его признак. Другая задача, пока не решённая наукой, сводится к тому, какой должна быть такая допустимая и имманентная инфляция. В эволюционной экономической теории она называлась «эволюционной инфляцией» и оценивалась как динамика цен, сопровождающая появление новаторов. Однако темп появления новаторов, их качество и динамика цен могут также быть в различных соотношениях для различных экономик. В теоретическом плане проблема здесь не снята, но отсутствие её решения

не означает автоматического оправдания политики подавления инфляции якобы для организации роста, который при таком подавлении не может достичь необходимой величины (по темпу, не говоря о качестве).

Таким образом, обобщая, следует отметить, что в базовых документах формирования денежно-кредитной политики в России допущены ряд установок, которые сомнительны как с точки зрения теории, так и практики реализации монетарной политики роста. Это требует кардинального изменения базового подхода на уровне целей, принципов и инструментов. Причём реализация доктрины «цели – инструменты» предполагает структурную логику рассмотрения влияния и учёт накопительного эффекта по совокупности действующих инструментов и отдельно по каждому из них. Это создаёт новое видение денежно-кредитной политики, составляющее перспективу её применения для развития национального хозяйства.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Битва за лидерство в XXI веке. Россия, США, Китай. Семь вариантов ближайшего будущего // М.: Книжный мир. 2017. 352 с.
2. *Глазьев С.Ю.* О механизмах реализации целей национального развития России в условиях смены технологических мирохозяйственных укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 66–70.
3. *Глазьев С.Ю., Сухарев О.С., Афанасьева О.Н.* Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление // Микроэкономика. 2022. № 2. С. 5–38.
4. *Микульский К.И.* Россия в поисках модели экономического роста // Общество и экономика. 2017. № 3–4. С. 5–15.
5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 года и период 2024 и 2025 годов // М.: Банк России. 2022. 159 с.
6. *Сухарев О.С.* Монетарная теория и макроэкономика: влияние и границы денежно-кредитной политики // Вестник Финансового университета. 2016. № 2. С. 16–28.
7. *Сухарев О.С., Афанасьева О.Н.* Распределение инструментов монетарной политики по целям развития // Общество и экономика. 2022. С. 5–28.
8. *Хеллман Э.* Загадка экономического роста // М.: Издательство Института Е.Т. Гайдара. 2011. 240 с.
9. *Filiani P.* Optimal monetary–fiscal policy in the euro area liquidity crisis // Journal of Macroeconomics. Vol. 70, 2021, 103364 <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2021.103364>
10. *Fontana G., Passarella M.V.* Unconventional monetary policies from conventional theories: Modern lessons for central bankers // Journal of Policy Modeling Vol. 42 (3). 2020. Pp. 503–519.
11. *Garga V, Singh S.R.* Output hysteresis and optimal monetary policy // Journal of Monetary Economics. Vol. 117. 2021. Pp. 871–886.
12. *Grauwe P., Ji, Y.* Structural reforms, animal spirits, and monetary policies // European Economic Review. Vol. 124. 2020, 103395 <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2020.103395>
13. *Leea K-S., Werner R.A.* Reconsidering Monetary Policy: An Empirical Examination of the Relationship Between Interest Rates and Nominal GDP Growth in the U.S., U.K., Germany and Japan // Ecological Economics. Vol. 146. April 2018. Pp. 26–34.
14. *Liu D., Sun W., Chang L.* Monetary–fiscal policy regime and macroeconomic dynamics in China // Economic Modelling. Vol. 95. 2021. Pp. 121–135.

15. *Mandel A., Veetil V.P.* Monetary dynamics in a network economy // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol.125, 2021. 104084 <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2021.104084>
16. *Mumtaz H., Theodoridis K.* Dynamic effects of monetary policy shocks on macroeconomic volatility // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 114. 2020. Pp. 262–282.
17. *Peña R.* Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule // *Latin American Journal of Central Banking*. Vol. 2 (1). 2021. 100026 <https://doi.org/10.1016/j.latcb.2021.100026>
18. *Sawyer M., Passarella M.V.* A Comprehensive Comparison of Fiscal and Monetary Policies: A Comparative Dynamics Approach // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 59. 2021. Pp. 384–404.
19. *Tinbergen J.* *Economic Policy: Principles and Design* North-Holland. 1956. 276 p.

Oleg Sukharev (e-mail: o_sukharev@list.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief researcher, of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS (Moscow, Russia ; Professor, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

MONETARY POLICY FOR ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA: ACCUMULATIVE SLOWING EFFECT

The study is devoted to assessing the impact of monetary policy on economic growth in Russia in 2000–2020, with a separate analysis of the main directions of monetary policy in 2022, formulated with a perspective up to 2025. The purpose is to demonstrate the inhibitory effect of monetary policy, as well as to identify the conceptual contradictions embedded in the main legal documents.

The methodology is based on the theory of economic growth and economic policy, empirical-statistical and regression analysis.

The application of the methodology allows us to come to the conclusion that over the period under study, monetary policy aimed at reducing inflation, while achieving this goal, in general, contributed to the slowdown of economic growth in Russia, in no way ensuring balanced and sustainable growth.

Thus, relatively low price dynamics was not a condition for sustainable growth. Monetary policy in Russia in 2000–2022 was characterized by a negative effect, that is, the elimination of the sensitivity of the main macroeconomic development goals to monetary policy instruments. This blocked new growth factors. The way out is to change the basic principles and postulates of monetary policy in Russia.

Keywords: economic growth, monetary policy, key interest rate, inflation, GDP growth rate, money supply, targeting, main directions of monetary policy, accumulative effect.

© 2023

Сергей Черных

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
(г. Москва, Россия)
(e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

МЕТОДЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ

Устоявшееся определение «мягкой силы» (англ. *soft power*) – это форма политической власти, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. В статье анализируются теоретические и методологические подходы к возможности использования не только в политике, но и в экономике методов «мягкой силы», которые, по мнению автора, могут стать частью управленческой политики, направленной на использование публичных (открытых, доступных и коллективных) методов воздействия.

Ключевые слова: «мягкая сила», политика, экономика, государственное управление, цифровизация.

DOI: 10.31857/S020736760023987-4

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, говорится, что современный мир переживает период трансформации, связанной с увеличением количества центров мирового развития, укреплением позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров, формированием новой архитектуры, правил и принципов мироустройства. С учетом этого с позиций обеспечения государственной, общественной и экономической безопасности в нашей стране согласно данной Стратегии, в частности, требуется:

- расширение равноправного многостороннего сотрудничества, укрепление и развитие универсальных международных институтов в целях снижения глобальной напряженности, укрепления международной безопасности, выработки механизмов взаимодействия и согласования интересов разных центров развития, определения общих подходов и правил поведения в экономической и торговой сферах (пункт 24);
- развитие институтов гражданского общества, поддержка общественно значимых инициатив, развитие взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности (пункт 47.5);
- укрепление экономического суверенитета, повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутренних угроз, создание условий для экономического роста РФ, темпы которого будут выше мировых (пункт 66).

Сложность и глобальность стоящих перед Россией стратегических целей, чрезвычайная актуальность внешнеполитических и внутренних социально-экономических вопросов остро ставят проблему переосмысления концепции государственного управления, перехода на новую, публичную траекторию ее развития, предполагающую активное участие общества в постановке и реализации политических и социально-экономических задач, согласовании и принятии управленческих решений. Возможно, публичная парадигма в государственном управлении не в полной мере соответствует современным реалиям, связанным с реализацией мобилизационных мер в экономике, но эти меры, на наш взгляд, носят тактический, а не стратегический характер. Мы же говорим о стратегии, которая, как известно, отличается от тактики более длительной продолжительностью во времени и более существенной масштабностью поставленных задач.

Одним из инструментов реализации концепции публичного управления представляются методы «мягкой силы». Некоторые предпосылки для использования в рамках публичного управления «мягкой силы» были рассмотрены в статье [1]. Здесь мы продолжим данный анализ, который, как представляется, во многом будет носить полемические аспекты.

Политика. Американский политолог Дж. Най — автор термина «мягкая сила» — не дает четких ее определений, тем не менее сущность этого феномена он описал достаточно точно: «иногда вы можете получить нужный результат без применения угроз или подкупа». Та или иная страна может получить необходимые ей результаты в мировой политике уже только потому, что другие страны, позитивно воспринимая ее ценности, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости, желают следовать её примеру. «Мягкая сила», — пишет Дж. Най, — это умение делать так, чтобы другие захотели тех же результатов, что и вы хотите, умение вовлекать и объединять людей, а не принуждать их. «Мягкая сила» — это способность формировать предпочтения других, которые, как правило, связаны с нематериальными активами, такими как привлекательная личность, культура, политические ценности и институты, а также политика, которая рассматривается другими как легитимная и имеющая моральный авторитет. Кроме того, «мягкая сила» — это способность привлекать к себе сердца и чувства и способность формировать желания и потребности других (цит. по [2]).

«Мягкая сила» практически тождественна так называемой публичной дипломатии, под которой понимается «механизм коммуникации одного государства с обществом другого — через использование широкого спектра социально-гуманитарных и информационных ресурсов» с целью создания позитивного имиджа субъекта публичной дипломатии, формирования позитивных настроений по отношению к его политике на стороне объекта [3. С. 90].

Некоторые исследователи считают, что в эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции методы «мягкой силы» и публичной дипломатии становятся важным ресурсом внешнеполитической мощи только стран, претендующих на «мировое господство». Но это противоречит тезису Дж. Ная о том, что страны могут обладать политической привлекательностью, которая больше, чем их военный или экономический вес, так как их национальные интересы подразумевают наличие привлекательных целей, например таких, как экономическая помощь или миротворческая деятельность [4]. Здесь, на наш взгляд, прежде всего следует выделить такие страны, как Швейцария, Австрия, Финляндия и Швеция. Именно благодаря методам «мягкой силы», прежде всего связанным с имиджем королевы Елизаветы II, успешно «держится на плаву» Содружество наций – добровольное межгосударственное объединение 54 суверенных государств, в которое входят Великобритания и почти все ее бывшие доминионы, колонии и протектораты.

Что касается России, то, резюмируя высказывания российских авторов по поводу «мягкой силы», можно констатировать, что она в основном воспринимается как «недостойное» (манипулятивное) средство реализации чуждых зарубежных интересов, прежде всего политических, и надо этому серьезно противиться [1. С. 9]. При этом речь практически не идет о применении данных методов самой страной, то есть Россия выступает в основном как объект «мягкой силы», а не как субъект. Об этом свидетельствует и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой много говорится о противодействии внешним угрозам и вызовам. Справедливости ради следует отметить, что в этом документе есть положение о повышении роли РФ в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве, укреплении позиций русского языка как языка международного общения (пункт 101.18). Более или менее удачные попытки применения Россией «мягких» методов наблюдаются в соседних странах, в первую очередь в Центральной Азии, где Россия на этом поле конкурирует и с Казахстаном, старающемся укрепить свою ведущую роль в данном регионе, и с Турцией, вынашивающей идеи пантюркизма, и с Китаем, столкнувшись с необходимостью реализации здесь своих интересов для решения внутренних проблем. Нельзя забывать и о такой организации, как НАТО, для которой присутствие в регионе наиболее предпочтительно через «апликацию «мягкосиловых» форматов» [3. С. 90]. При этом потенциальные объекты применения «мягкой силы» прекрасно видят все социально-экономические и политические проблемы потенциальных «доноров».

Мы согласны с мнением, что применительно к России, с одной стороны, «наблюдается ярко выраженная субъектность государства в вопросе проведения внешней политики, а также определенная возможность оказания политического влияния как на близлежащие страны, так и на страны дальнего зарубежья...». С другой стороны, можно отметить «наличие внешнего влияния со

стороны иностранных государств, направленного на ограничение попыток реализации финансово-экономического и социального потенциала государства» [5. С. 213]. На наш взгляд, второе все же существенно перевешивает первое, а оба эти направления сейчас подвергаются существенному сжатию из-за санкций «недружественных» стран и российских антисанкций. В западном информационном пространстве достаточно быстрыми темпами стираются исторические, культурные, дипломатические и научные российские достижения. В качестве симметричного ответа Россия заявляет о выходе из большинства глобальных проектов, обеспечивающих воздействие «мягкой силы» Запада, например, из Болонского соглашения, что ведет к качественному пересмотру отечественных подходов к образованию.

В настоящее время использование только сырьевых, финансовых и примитивных пропагандистских инструментов для сохранения или привлечения какой-либо страны в зону своего влияния явно недостаточно. Об этом свидетельствуют и ситуация в Содружестве независимых государств (СНГ), где Россия играет ключевую роль, и проблемы в деятельности Россотрудничества («Русского дома»), призванного быть главным инструментом по укреплению положения страны в мире и развитию элементов «мягкой силы». Современный арсенал таких элементов должен включать в себя передовое образование, медицину, производственные технологии, права человека, демократическое устройство, уважение к окружающим и другие гуманитарные факторы. Как справедливо отмечалось в одной газетной статье, «примитивный силовой контроль может быть эффективным лишь на короткой дистанции времени, но ни в коем случае не на длинных временных горизонтах» [6]. Другими словами, «жесткая» тактика может принести успех, «жесткая» стратегия – никогда.

Проблемы с применением «мягкой силы» Россией связаны, как мы думаем, не в последнюю очередь с проблемами у страны и ее руководства на идеологическом фронте. Наличие официальной государственной идеологии подразумевает, что выбранная обществом власть придерживается тех принципов, стремится к достижению тех целей, которые соответствуют ее идеологии. В данном контексте многообразие недопустимо: «система государственного управления в условиях идеологического плюрализма или отсутствия идеологии как таковой абсурдна. Идеологический плюрализм в корне ломает целостность государственной политики» [7. С. 114]. Конституционно закрепленное отсутствие какой-либо государственной идеологии (см. ст. 13, п. 2 Конституции РФ) делает принципы и цели государственной политики аморфными и непостоянными, что для потенциальных объектов «мягкой силы» неприемлемо с точки зрения перспектив развития.

С другой стороны, «гибкость власти – это исходный импульс любой грамотной политики – как внутренней, так и внешней» [3]. Поэтому методы «мягкой силы», как мы уже отмечали, сопрягаются с так называемыми гибкими

методами управления (Agile), основанными на взаимодействии, сотрудничестве и готовности к изменениям в условиях цифровых преобразований [1. С. 11]. Цифровизация политики – объективный процесс, связанный с самыми современными механизмами ангажирования политических интересов и взглядов с помощью интернета, в первую очередь через социальные сети. «Мягкая» интернетовская сила может разбудить «жесткие» политические и социальные движения. Поэтому усиление значимости цифровых форматов в мировой политике заставляет государства задействовать различные имеющиеся у них инструменты для снижения рисков конфронтации в новом пространстве общественных отношений, которое не поддается полному контролю.

Экономика. Современная отечественная экономическая модель, не смотря на всю «жесткость», отнюдь не исключает применения метода «мягкой силы», правда весьма избирательно и своеобразно. Например, включение в 2009 г. ряда крупных российских предприятий в правительственный Перечень системообразующих компаний привело к образованию у них устойчивых конкурентных преимуществ, приносящих институциональную ренту. При этом непосредственно государство не расходовало финансовые ресурсы для их поддержки, а лишь поощряло к этому крупные банки с государственным участием и использовало административный ресурс для быстрой и успешной антикризисной реструктуризации. «Мягкая» господдержка крупного бизнеса в рамках произведенного разделения компаний по приоритетности оказалась устойчивой в течение последующего десятилетия, закрепив лидирующие позиции избранных и загнав надолго остальные компании в институциональную ловушку (подробнее см. [8]).

Здесь мы подходим к важной проблеме, связанной с инвестициями. Сохранение в России доли инвестиций в основной капитал на уровне 17% ВВП (для сравнения в Китае 40% ВВП, а объем ВВП в КНР примерно в 6,5 раза больше, чем в РФ) дает мало шансов на экономический рост и не может обеспечить должное социально-экономическое развитие. При этом частный бизнес не желает увеличивать свою инвестиционную активность и причина этого – отсутствие эффективных, в том числе «мягких», инструментов стимулирования предпринимателей к осуществлению инвестиций. К таким инструментам, в частности, можно отнести:

- обеспечение защиты частной собственности всеми возможными, имеющимися у государства;
- введение налоговых, таможенных и административных льгот при инвестировании в основные фонды, человеческий капитал, импортозамещение и исследования / разработки;
- развитие конкурентной среды во всех отраслях, усиление борьбы с монополизацией.

Думается, что одним из наиболее эффективных методов «мягкого» воздействия на инвестиционную деятельность являются налоговые послабления. К сожалению, этот метод у нас недостаточно эффективно используется. Как считают эксперты, с 1992 по 2020 гг. «использование различающихся по своим характеристикам налоговых льгот на протяжении всего периода не оказывало существенного воздействия на динамику инвестиций» [9. С. 66]. Известно, что налоговая политика определяется органами государственного управления исходя из установленных ими целей. Если цели государства заключаются в увеличении доходной части консолидированного бюджета за счет налогов, то будет выбран вариант сверхжесткой налоговой политики, что и происходит в настоящее время. Если же цели государства заключаются в защите интересов не только предприятий-налогоплательщиков, но и общества в целом, то такая политика должна быть более мягкой. Однако это отнюдь не отрицает определенной жесткости, в частности, в плане внесения изменений в систему налогообложения доходов физических лиц.

На необходимость изменения системы взимания налога на доходы физических лиц с учетом дифференциации по различным факторам (размер общего душевого дохода, бездетность, количество детей и т.д.) указывает целый ряд известных специалистов (см., напр., [10. С. 23–24]). Основной аргумент против подобной реформы – риск сокрытия высоких доходов с целью ухода от налогообложения и, соответственно, рост теневого сектора экономики. Однако надо учитывать имеющиеся в условиях развития цифровых технологий возможности контроля за денежными потоками, который, например, осуществляется по отношению к недобросовестным заемщикам. Здесь мы опять возвращаемся к гибким методам управления в условиях цифровизации.

Цифровая трансформация неразрывно связана с организацией цифровых платформ – современных цифровых форм взаимодействия между отраслевыми поставщиками и потребителями с целью минимизации транзакционных издержек (например, при поиске партнеров, товаров, услуг, организации платежей, заключении контрактов, контроле исполнения договоренностей, оценки репутации отраслевых участников и т.д.). Создание цифровых платформ позволяет государству на «мягкой» основе стимулировать развитие конкуренции на рынке за счет прозрачных информационных условий выбора контрагентов и заключения контрактов, выхода «из тени» тех хозяйственных субъектов, которые ранее не были представлены на рынке. При этом эксперты выделяют несколько сценарных подходов, каждый из которых имеет свои преимущества, недостатки и риски, обусловленные целями формирования платформ, их типами и используемыми технологиями [11]:

- государство утверждает все основные правила взаимодействия на платформе и определяет оператора платформы, который в соответствии с установленными требованиями обеспечивает развитие системы, созданной за бюджетные средства,

формирует модель (технологию) входа на платформу и контроль за соответствием требованиям участников;

- государство делегирует право устанавливать правила на платформе оператору, при этом создает механизмы антимонопольного регулирования и обеспечивает контроль за их соблюдением;
- создается государственно-частное партнерство, в котором право владения и эксплуатации платформы в дальнейшем может быть перераспределено между государством и бизнесом.

Таким образом, в зависимости от сценария развития платформы государство делегирует предприятиям отрасли большую или меньшую часть своих полномочий по созданию, обеспечению и регулированию их деятельности. Независимо от выбранного сценария и конкретного рынка, должен быть сформирован комплекс нормотворческих инициатив, направленных не только на регулирование отдельной цифровой платформы, но и всей отрасли (сферы) в связи с формированием в ней таких платформ.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации предусматривается совершенствование системы государственного управления и стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития страны (пункт 106). В настоящее время особенно актуальным становится обеспечение оптимального соотношения традиционного государственного управления на макроуровне с антикризисным прямым вмешательством в экономику, прямого администрирования с развитием новых инновационных форм и технологий государственного управления, в том числе и в рамках использования элементов «мягкой силы».

В этой связи, на наш взгляд, представляет интерес анализ роли иерархических и сетевых форм организации в условиях кризисного нарушения структурной устойчивости социально-экономической системы [12]. Отмечается, что внутрисистемные связи, базировавшиеся на равновесии отношений власть-подчинение и отношений взаимодействия, взаимного дополнения и взаимного поддерживания, в условиях нестабильности сдвигаются в сторону первых. При этом иерархический принцип организации потенциально всегда несет в себе угрозу сбоя информационных и управленческих сигналов, направляемых от верхних уровней иерархии к нижестоящим. Поэтому «методологически необходимо найти такой организационный ответ на разрушение сложившихся ранее системных связей, чтобы предотвратить одновременное разрушение горизонтальных связей и взаимодействий, на которые опирается структурная устойчивость» [12. С. 38]. Думается, что такой организационный ответ как раз и лежит в плоскости «мягкой силы» в государственном управлении, с помощью которой можно достичь диалектического единства иерархических и сетевых экономических структур.

Еще один аспект. Если мы говорим о креативной экономике, под которой подразумеваются отрасли «с преобладанием творческого труда и высокой добавленной стоимости, опирающиеся на капитализацию и коммерциализацию прав интеллектуальной собственности» [13. С. 222], то здесь использование методов «мягкой силы», на наш взгляд, объективно необходимо. Это связано с главным ресурсом креативной экономики – человеческим капиталом, действующим в творческой среде, представители которой с неприятием воспринимают язык жесткости. Эффективное использование этого капитала зависит от многих условий и факторов, среди которых наиболее важную роль играют сложившаяся система организации работы, наличие механизмов стимулирования, свобода творческого самовыражения. Кадровый голод в целом в экономике, и в особенности в сфере креативной деятельности, усугубляется неблагоприятной демографической ситуацией, причиной чему является не только естественное сокращение рождаемости, но и продолжающееся негативное влияние «демографической ямы». Представляется, что применение «мягкой силы» при управлении процессами в креативной экономике может сыграть существенную роль в решении назревших в данной сфере проблем, прежде всего связанных с воспроизводством человеческого капитала.

Отметим также, что под креативной экономикой как правило подразумеваются отрасли, связанные с культурой и искусством [13]. Вероятно, сюда же следует включить научную сферу и творчество в области цифровых технологий, где дефицит высококвалифицированных специалистов – ключевые проблемы, решить которые невозможно жесткими методами.

Сферы креативной экономики не только требуют к себе «мягкого» подхода, но и сами выступают элементом «мягкой силы», что выражается в уже упомянутой выше публичной дипломатии, которая в настоящее непростое время должна всемерно способствовать налаживанию межгосударственных диалогов и международных отношений, что, в конечном счете, позитивно скажется и на российской экономике. Пока же траектория ее развития, как показывает анализ, остается на пути экстенсивного роста. Правительственные планы и программы, всякого рода «дорожные карты», несмотря на провозглашаемые цели перехода к интенсивному (неоиндустриальному, научно-технологическому и т.п.) развитию строятся таким образом, что способствуют, скорее, воспроизводству сложившейся деформированной экономической структуры, а консерватизм, в свою очередь, порождает жесткость, которая эффективна, как уже отмечалось, только на достаточно коротких отрезках времени.

Итак, «мягкая сила» – это особая управленческая политика, направленная на использование открытых, доступных и привлекательных методов воздей-

ствия, инструментов и технологий для достижения стратегических целей и задач как в политике, так и в экономике. Методы «мягкой силы», как представляется, именно то, что позволяет сделать правильный выбор из двух альтернатив: «либо подчиниться силе инерции, бездумно двигаться по проложенной колее, либо решительно отладить по-новому модель нашего общества» [14].

До нашего времени остро дискуссионным остается вопрос о том, что первично – политика или экономика, политика определяет экономику или наоборот. Дискуссия ведется вокруг ленинского тезиса о политике как концентрированном выражении экономики. Марксистская теория гласит, что экономика служит базисом для политики. Вместе с тем политика обладает большой степенью самостоятельности, решая широкий спектр проблем, выходящих за рамки экономики. Но делать это непросто без крепкого экономического фундамента, который, по нашему мнению, в стратегической перспективе должен строиться на использовании методов «мягкой силы». Такое использование на уровне экономического базиса, на наш взгляд, даст толчок к активизации применения Россией «мягкой силы» и на международной арене. Без такой активизации при одновременном отказе от «жесткой силы» не будет успешным, например, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), где Российская Федерация, точно также как в СНГ, играет ведущую роль.

При управлении экономическими процессами «мягкую силу» следует использовать государству, активно взаимодействующему с различными формами организации гражданского общества. При этом не важен масштаб государственного участия в экономике, а важна эффективность институтов государственного управления, использующих в своей практике «мягкое» воздействие, оказывающее организующее позитивное влияние на хозяйствующих субъектов за счет побудительных мотивов к развитию экономики и общества.

Литература

1. *Смотрницкая И.И., Черных С.И.* К концепции развития публичного управления в России // Общество и экономика. 2021. № 11. С. 5–17.
2. *Леонова О.Г.* Дж. Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhozef-nay-i-myagkaya-sila-popytka-novogo-prochtheniya>
3. *Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р.* «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 90–100.
4. *Неймарк М.А.* «Мягкая сила» в мировой политике – 3-е изд. // М.: ИТК «Дашков и К», 2019. 272 с.
5. *Потурухин В.Д.* Россия и Китай как претенденты на статус геополитических центров силы в контексте теории международных отношений // Россия и современный мир. 2022. № 2. С. 205–216.
6. *Любимов И.* Если кого-то нельзя купить. Почему Россия не смогла привлечь Украину с помощью «мягкой силы» // Новая газета. 23.02.2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/23/esli-kogo-to-nelzia-kupit>

7. *Шуайпова П.Г., Мищенко М.С.* К вопросу о конституционном запрете на государственную идеологию // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2–4. С. 113–115.
8. *Блохин А.А., Кривова Е.С.* Роль «мягкой» господдержки в развитии крупного бизнеса // Мир новой экономики. 2021. № 4. С. 29–40.
9. *Лыкова Л.Н.* Налоговые льготы для поддержки инвестиций: российская история и современное состояние // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 66–79.
10. *Нигматулин Р.И., Нигматулин Б.И., Аганбеян А.Г. и др.* Пандемия 2020. Экономический кризис в России. Что надо делать // М.: ГЕОТАР-Медиа, 2020. 32 с.
11. *Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б. и др.* Как цифровые платформы трансформируют госуправление / TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. 29.11.2019. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
12. *Дерябина М.А.* Иерархическая и сетевая организация в условиях новой нормальности // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 5. С. 35–48.
13. Горячая тема. Круглый стол «Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития» // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2. С. 208–248.
14. *Миккульский К.И.* Вопросы к нашему будущему // Общество и экономика. 2020. № 12. С. 6–8.

Sergey Chernykh (e-mail: serge-cherenn@yandex.ru)

Doctor of Economic Sciences, professor,

Chief Scientific Associate of Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

SOFT POWER METHODS IN POLITICS AND ECONOMICS

The well-established definition of "soft power" is a form of political power that involves the ability to achieve desired results on the basis of voluntary participation, sympathy and attractiveness, as opposed to "hard power", which implies compulsion. The article analyzes theoretical and methodological approaches to the possibility of using not only in politics, but also in economics soft power methods, which, in the author's opinion, can become part of the management policy aimed at using public (open, accessible and collective) methods of influence.

Keywords: soft power, politics, economy, public administration, digitalization.

DOI: 10.31857/S020736760023987-4

© 2023

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,

зав. кафедрой экономической теории

Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск, Россия)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

ИЗБЫТОЧНОЕ ПОДОХОДНОЕ РАССЛОЕНИЕ РОССИЯН КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ И СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье аргументируется тезис о социально ущербном росте российской экономики в XXI веке в связи с тем, что он сопровождается усилением дифференциации населения по уровню текущих доходов и накопленного богатства. Проводится качественный анализ сложившегося в современной России социально-экономического неравенства в единстве с его количественной характеристикой. Раскрываются объективные и субъективные факторы подоходного расслоения экономических субъектов и особенности такого расслоения в различных странах. Неравенство в распределении доходов, с одной стороны, расценивается в качестве вероятного ускорителя экономического роста, с другой – раскрывается механизм его тормозящего воздействия на динамику ВВП. Характеризуя нормальное и избыточное подоходное расслоение как ускоряющее и, напротив, тормозящее экономический рост, автор, по аналогии с кривой Лаффера, предлагает оригинальную кривую подоходного расслоения, на основе которой обосновывается комплекс взаимосвязанных предложений по возвращению избыточной дифференциации россиян в пределы нормальности, чтобы гарантировать устойчивое хозяйственное развитие и надежную социальную безопасность в России.

Ключевые слова: социально ущербный экономический рост, нормальное и избыточное расслоение, коэффициент дифференциации доходов, индекс Джини, длинноволновой цикл, кривая подоходного расслоения, нормальная и запретная зоны кривой подоходного расслоения.

DOI: 10.31857/S020736760023988-5

В течение всего постдефолтного периода, вплоть до сегодняшнего дня, качество роста российского ВВП, в рамках которого хозяйственное оживление перемежается с периодически наступающими спадами, трудно назвать сколько-нибудь высоким. Не случайно в литературе он получил критическое обозначение «роста без развития». Подобная нелицеприятная характеристика обусловлена, в частности, доминированием в нем экстенсивных, преимущественно сырьевых, природоемких и ресурсорасточительных факторов. К тому же поистине качественный рост по определению является сбалансированным, не допускающим чрезмерной дифференциации населения по уровню текущих доходов и накопленного богатства, а значит, предполагающим запуск все новых и новых социальных программ по мере укрепления экономической мощи страны. Иначе говоря, в ходе такого «роста с развитием» позитивные результаты восходящей динамики национального продукта последовательно распространяются не на какие-то конкретные социальные группы, предприятия, отрасли, регионы, а в той или иной степени на них всех, кардинальным образом

не ущемляя интересы подавляющего большинства субъектов экономической системы. «Именно экономическое развитие, включающее не только производственное, но и социальное измерение (можно добавить «сбалансированное»), должно быть целью экономической политики любого государства» [7. С. 27]. Развитие, резонно замечают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, – это «далеко не только рост ВВП или (что несколько лучше) индекса человеческого развития и иных синтетических показателей, а прежде всего качественная характеристика, отражающая меру прогрессивности той или иной общественной системы» [4. С. 12].

В этом плане восстановительный рост национальной экономики, обозначившийся при выходе России из глубин трансформационного спада, имел отчетливо социально-ущербный характер, поскольку он протекал на фоне как минимум не снижающегося (а при достоверном подсчете даже нарастающего) подоходного и поимущественного неравенства, когда подавляющую часть позитивного эффекта от него перетягивали на себя наиболее состоятельные хозяйственные субъекты. Как отмечал еще два десятилетия тому назад Г.И. Ханнин, при том, что доля Москвы в численности населения России составляла всего 6%, москвичи присваивали около 25% всех доходов [23. С. 102], что явно не соответствовало их реальному вкладу в развитие отечественной экономики и выступало ярким проявлением институциональных несовершенств сложившегося в ней механизма распределения доходов. С момента подобной оценки прошло немало лет, и сегодня в московской агломерации проживает уже 8,5% населения нашей страны, а банковские вклады ее жителей составляют 35% общероссийских. Беспристрастная статистика фиксирует факт (усиленно скрываемый пролиберальной властью) усвоения выгод от наращивания ВВП почти исключительно далеко не бедными лицами, составляющими около 20% от численности трудоспособного населения России, которые за годы рыночной трансформации добились серьезного увеличения своих реальных доходов в среднем на 25%. В то же время нынешние доходы наименее обеспеченных 20% россиян сократились с 1990 г. на 18%. Поэтому статистическая информация, показывающая, что средний уровень заработной платы в июне 2022 г. достиг вполне приемлемой отметки в 66,5 руб. в месяц, свидетельствует, скорее всего, лишь о нарастающем подоходном неравенстве. Известно, что за 1999–2019 гг. частное состояние всех россиян в долларовом выражении возросло в 16 раз – до 1,6 трлн долл. Однако для подавляющего их большинства рост номинального размера доходов зачастую всего лишь не отставал от темпов удорожания продовольственных товаров и жилищно-коммунальных услуг, включаемых в минимальную потребительскую корзину.

Так что наряду с кризисами последних десятилетий и восьмилетним неуклонным падением уровня жизни россиян, значимой угрозой экономическому росту и социальной безопасности выступает чрезмерное неравенство располагаемых ими доходов и накопленного имущества. Понятно, что чем

большая доля реальных и финансовых активов концентрируется в руках малочисленной элиты, тем меньшая их доля достается тем нашим согражданам, которые находятся на противоположном полюсе крайне деформированного социального организма. Трудно спорить с Б.Г. Ивановским, полагающим, что бедность в Евросоюзе, риск наступления которой существует у четверти населения (а именно у 123 млн европейцев), связана не с кризисом, а именно с подоходным и имущественным расслоением населения, довольно невысоким, кстати говоря, сравнительно с современной Россией [17. С. 69–70]. Не случайно громадная поляризация личных доходов названа Р.С. Гринбергом наиболее значимой проблемой российской экономики – наряду с примитивизацией ее структуры [9. С. 8]. Ее обострение предопределяет также отчетливо неравный доступ представителей различных социальных групп к качественным услугам образования, здравоохранения и культуры, эффективным, хорошо оплачиваемым рабочим местам, а также – существенные отличия их жилищных условий.

Безусловно, трансформация планово-регулируемой советской экономики, с имманентной ей тенденцией к уравнительному распределению доходов, в экономику рыночную, для которой типичным выступает распределение доходов по факторам производства, не могла не сопровождаться усилением подоходной дифференциации. Однако скорость нарастания подобной поляризации в кризисные 1990-е гг. поистине впечатляла. При этом специфика отечественной разновидности социального перекоса между бедностью и богатством состояла в том, что одни россияне оказались бедняками («нищобродами» в уничижительной трактовке своих финансово успешных сограждан) совершенно незаслуженно, коль скоро после запуска рыночных реформ в большинстве своем они продолжали трудиться по прежним специальностям с привычным уровнем интенсивности, а подавляющее большинство других превратились в богачей крайне необъяснимо, в объективно несочетаемой с наращиванием сколько-нибудь крупных активов обстановке переходного кризиса, неуклонно сокращавшего национальный доход Российской Федерации. Активно перенимая весьма противоречивый опыт США, где неравенство в очередной раз стало отчетливо нарастать после прихода в 1980-е гг. к власти Р. Рейгана, резко сократившего степень прогрессивности шкалы подоходного налогообложения, российские пролиберальные власти развернули процесс решительной замены прежней советской традиции радикального сближения доходов подавляющего большинства населения (в сочетании, впрочем, с серьезными источниками личного обогащения для партийно-хозяйственной номенклатуры) на ее прямой антипод.

Важнейшим фактором стремительного изменения масштабов подоходного расслоения россиян явилось настойчивое стремление радикальных реформаторов реализовать не градуалистский, а «шоковый» вариант перехода к рыночной

экономике. Резкое усиление распределительной несправедливости в ходе драматического размена фиаско государства на фиаско рынка стало прямым следствием тотальной либерализации цен и последовавшей за ней гиперинфляции, обесценившей сбережения домохозяйств; хаотично проведенной антинародной приватизации, в значительной степени лишившей их прежней общенародной собственности и доступа к рентным источникам доходов; разрушительной конверсии военно-промышленного комплекса, спровоцировавшей примитивизацию национальной экономики и скачок безработицы; жесткой политики ограничения доходов, четко нацеленной на торможение инфляции; снятия прежних барьеров на пути к запредельной дифференциации трудовых заработков и целого ряда других направлений рыночной трансформации по-российски. В результате столь кардинальных перемен доля трудовых доходов, призванных обеспечивать существование подавляющего большинства населения, в структуре национального дохода России существенно сократилась при адекватном увеличении удельного веса прибыли, ренты и процента. Становление же сильного социального государства, призванного устранять наиболее очевидные язвы несправедливого распределения, переносилось в неопределенное будущее как в связи с затянувшейся стагнацией национального хозяйства, так и по причине целенаправленного формирования олигархически-бюрократической модели, в которой общественное благосостояние заведомо не рассматривается в качестве приоритетной макроэкономической цели.

Социальная поляризация граждан продолжала усиливаться в XXI в. вследствие установления пропорциональной шкалы налогообложения доходов в комбинации с регрессивным механизмом уплаты страховых взносов работодателей. Относительному социально-экономическому равенству в немалой степени препятствовали также высокие по европейским меркам темпы инфляции, которая в качестве налога на бедных еще более отдаляла их от более удачливых в хозяйственном плане соотечественников; структура государственных расходов в России, которая и по сей день явно не соответствует критериям социального государства (средства на социальные нужды, выделяемые из казны, слишком часто достаются в конечном счете далеко не самым обездоленным гражданам); доминирование социально ущербных косвенных налогов над налогами прямыми; нефтяной бум во всемирном хозяйстве, доходы от которого растекаются по нашей стране чрезвычайно неравномерно. В последнее десятилетие мощным фактором усиления расслоения является резкое замедление среднегодового экономического роста в рамках автономной рецессии, когда имущество, накопленное в прошлом, приобретает непропорциональное значение, неуклонно усиливая долю богатей в ВВП.

Как результат, децильный коэффициент дифференциации доходов, зафиксировав пиковое значение в 16,7 раза в 2007 г., составил в 2019 г. 15,6 раза (при

пороговом значении социальной безопасности 8–10). А в Москве, где протекала наиболее масштабная трансформация отношений собственности и проживает большинство отечественных миллиардеров, коэффициент фондов еще выше. По разным оценкам, он колеблется в диапазоне от 40 до 50 раз, и ситуация здесь крайне напоминает салон самолета, в котором, как известно, нет среднего класса, а существуют лишь бизнес-класс и эконом-класс. Как отмечают В.А. Ильин и М.В. Морев, социальное расслоение в Российской Федерации, связанное с дифференциацией текущих денежных доходов, уже в 2015 г. достигло взрывоопасного уровня царской России времен революции 1905 г. [8. С. 50]. Конечно, усиливающиеся различия в благосостоянии различных групп населения являются в последние десятилетия неким глобальным трендом, не сугубо российской, а общемировой проблемой, которая обстоятельно исследована, например, в таких фундаментальных трудах, как «Цена неравенства» лауреата Нобелевской премии 2001 г. Дж. Стиглица и «Капитал в XXI веке» Т. Пикетти. Однако российская дифференциация выглядит особо тревожной даже на фоне целого ряда развивающихся стран, не говоря уже о странах развитых, где коэффициент расслоения варьируется от 11,7 в Италии, 10,5 в Великобритании, 7,4 во Франции, 6,4 в Германии, 6,1 в Норвегии, 5,8 во Франции и 4,9 в Японии [16. С. 33]. И тем не менее что весьма показательно, 8 из 10 европейцев в число основных вызовов для Евросоюза наряду с безработицей и миграцией включают социальное неравенство [17. С. 69].

Сочетание вопиющей бедности одних с вызывающим богатством других россиян выразилось также в том, что индекс Джини, характеризующий индекс концентрации доходов населения, резко возрос с 0,24 в 1990 г. до 0,409 уже в 1994 г. и сохранялся на отметке 0,413 в 2019 г. при том, что в ЕС этот коэффициент находится в диапазоне 0,25–0,30 [19. С. 21], а оптимальный его уровень – 0,25–0,26 [21. С. 68]. Конечно, нашей стране, заметно превысившей европейские рекорды подоходной дифференциации населения, еще далеко до ее мирового рекорда, который в 2003 г. был отмечен в Намибии, где коэффициент Джини оказался равным 0,707. В мировом рейтинге справедливости в распределении доходов Россия, опережая страны третьего мира, в то же время сильно проигрывает европейским странам, особенно тем из них, где сформировалась модель социально ориентированной экономики. В настоящее время на одном полюсе расслоения населения находятся ЮАР (0,63), Намибия (0,59), Суринам (0,58), Замбия (0,57), а на другом – Словения, Чехия, Словакия и Беларусь (0,25). Едва ли можно оптимистично расценивать и факт схождения российского децильного коэффициента с американским, который столь же высок – примерно 15 раз. Известно, что уровень благосостояния граждан Российской Федерации более чем в 2,5 раза ниже, чем жителей США (в 2022 г. ВВП по ППС на душу населения составил в этих странах примерно 30013 и 76027 долл. соответственно), а в этом случае российская проблема абсолютной бедности выглядит куда более рельефно.

Впрочем, не следует абсолютизировать официальные оценки поляризации россиян. В условиях «статистической какофонии, царящей в современных исследованиях, посвященных измерениям неравенства» [10. С. 50], они нуждаются в серьезном уточнении, причем сразу в двух противоположных направлениях – в сторону уменьшения и в сторону увеличения.

С одной стороны, при исчислении сложившегося подоходного расслоения населения необходимо учитывать тот факт, что само понятие «доход» является весьма разнородным. Во-первых, личный доход может серьезно отличаться от дохода располагаемого, ведь общеизвестно, что в мировой практике более обеспеченные слои населения платят налоги по повышенным ставкам (правда, к России с ее плоской шкалой личного подоходного налога это замечание почти не относится), а менее обеспеченные стабильно получают трансферты. Поэтому куда более точным является измерение неравенства не до, а после запуска национальной перераспределительной системы. Во-вторых, следует четко отделять текущий доход от дохода пожизненного, размеры которого, по мнению Нобелевского лауреата 1985 г. Ф. Модильяни, зачастую существенно меняются в зависимости от того, на какой фазе жизненного цикла располагаются те или иные доходополучатели. Если в зрелые годы они обычно максимизируют свой текущий доход, то в молодости и в старости те же люди могут далеко не впечатлять своими хозяйственными успехами, тем самым серьезно сглаживая временные статистические колебания доходов. Так, в Швеции различия между богатыми и бедными домохозяйствами по критерию пожизненного дохода оказываются на 35–40% меньше их отличий по текущему годовому доходу [11. С. 120]. В-третьих, есть основания для оценки масштабов неравенства, сложившегося в стране, не по доходам тех или иных социальных групп, а по расходам, т.е. по уровню их фактического потребления. И хотя очевидно, что покупательная активность миллионеров оказывается на несколько порядков выше потребительских расходов бедняков, однако подобное несоответствие выглядит уже не столь ужасающим. Если траты первых урезаются сбережением немалой части текущих доходов, то спрос со стороны вторых обычно расширяется посредством займов и отсутствием сбережений. В-четвертых, нельзя не учитывать тот факт, что Россия обладает гигантской территорией, а потому существенно более высокий уровень жизни в некоторых субъектах Федерации представляет собой некую компенсацию за проживание в неблагоприятных природно-климатических условиях Дальнего Востока и Крайнего Севера, без которой негативные миграционные потоки в центральные регионы страны оказались бы еще более мощными [11. С. 102]. Не случайно, учитывая многие из перечисленных выше обстоятельств, Р.И. Капелюшников подверг развернутой критике методологию расчетов Ф. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Зюкмана, использованную ими в книге 2017 г. «От советов до олигархов» и позволившую представить Россию как страну с огромным неравенством в доходах и богатстве, одном из наиболее высоких в современном мире [10].

С другой стороны, действительный уровень подоходной дифференциации населения России существенно расходится с правительственными оценками в сторону повышения: во-первых, из-за того, что потребительская корзина наиболее обеспеченных семей растет в цене как минимум вдвое медленнее соответствующей корзины социально уязвимых домохозяйств, что связано с генеральным общемировым трендом последних лет – стремительным подорожанием продовольствия в рамках глобальной аграрной инфляции; во-вторых, в связи с тем, что российская система налогообложения, в основе которой лежат, как известно, не прямые, а косвенные налоговые изъятия, объективно ущемляет интересы бедняков, направляющих на потребление (а вовсе не на сбережения) несравненно большую часть личных располагаемых доходов; в-третьих, в оценках Росстата до сих пор далеко не полностью отражается доля теневых доходов, особенно получаемых представителями отечественного бизнес-сообщества; в-четвертых, если выйти за узкие рамки текущего сугубо подоходного расслоения граждан России и оценить их нарастающую поляризацию по величине накопленного имущества, то с легкостью можно обнаружить, что здесь расхождение становится намного выше тысячекратного. Действительно, параметры социально-экономического неравенства в текущих доходах и накопленных активах могут существенно различаться. «Сдвиги в распределении национального богатства, – подчеркивают В.Г. Клинов и А.А. Сидоров, – отличаются большей интенсивностью, чем сдвиги в доходах. Накопление богатства связано с нормой сбережения и превращением сбережений в инвестиции» [14. С. 35]. Например, если расслоение населения скандинавских государств по доходам явно не выглядит чрезмерным, то их имущественная дифференциация крайне высока, так как доля верхнего дециля по этому показателю превышает 60%, что объединяет эти страны с такими социально конфликтными государствами, как Мексика, Тайвань и Чили [4. С. 21]. «Существует группа стран, – отмечает П. Капелюшников, – отличающихся чрезвычайно низким неравенством в распределении доходов, но при этом сверхвысоким неравенством в распределении богатства: Дания и Швеция» [11. С. 120]. Впрочем, в таких наиболее несправедливых по распределению богатства странах, как США, Швейцария, Индия, Турция и ЮАР, доля имущества верхнего дециля и вовсе зашкаливает, превышая отметку в 70%.

В современной же России серьезное неравенство наблюдается и в подоходном, и в имущественном отношении. Получающие сверхвысокие доходы россияне, наращивая свои сбережения при крайне низком перераспределяющем эффекте пропорциональной шкалы подоходного налогообложения, обретают возможность еще дальше оторваться в богатстве от остальных своих сограждан за счет дополнительных инвестиционных доходов. В результате, по данным швейцарского банка Credit Suisse, 10% самых обеспеченных наших сограждан владеют 82% всего богатства (в то время как в Соединенных Штатах – лишь 76%). В этих условиях сам образ жизни наиболее состоятельных россиян начинает все более

напомянуть американский, где дети элиты обучаются в лучших частных школах и в восьми старейших вузах (так называемой «лиге плюща», объединяющей Гарвардский, Принстонский, Йельский, Колумбийский и др. частные университеты); фиксируется неуклонный рост числа избирательных браков с наследованием крупнейших состояний, в том числе — в виде стремительно дорожающих в последние десятилетия объектов недвижимости и произведений искусства; на высокооплачиваемую работу в ведущие компании целенаправленно принимаются представители высшего среднего класса. Элитарное образование наследников крупных российских состояний, которые входят в соответствующие семейные кланы, обладающие стабильными рентными источниками неуклонного наращивания доходов, столь же надежно гарантирует их преимущества на рынке труда и в сфере частного бизнеса. Даже в периоды, когда отечественная экономика падает в объятия очередного кризиса, российская политико-экономическая элита продолжает стремительно обогащаться. В таких условиях трудно всерьез рассчитывать на своевременное и осознанное торможение взрывоопасной тенденции к поляризации. Блокировка социальных лифтов, превращающаяся, по сути, в демагогию слоган «Россия — страна возможностей», активное противодействие правящей касты процессу движения вверх своих потенциальных конкурентов обусловлены ее острым нежеланием делиться накопленным богатством и властными полномочиями. Между тем национальная экономика, в которой закрываются возможности карьерного роста и реализация интеллектуального потенциала рядовых граждан, обречена на неуклонную деградацию. Вновь отчетливо формирующееся в современной России сословное общество с перекрытыми социальными лифтами заведомо нестабильно. И Крымская война в середине XIX в., и гибель Российской империи в 1917 г. доказали убийственную нежизнеспособность системы, в которой до предела обострены имущественные конфликты. Поэтому в погоне за повышением усредненных показателей доходов россиян правительству нельзя упускать из виду нарастающие социальные проблемы беднейшей части населения.

Надо признать, что количественные очертания оптимального распределения доходов существенно различаются в зависимости от фазы длинноволнового кондратьевского цикла, на которой находится в данный период та или иная страна. Так, на восходящей, ресурсоемкой волне, когда, как отмечает В. Клипов, происходит эксплуатация преимущественно конструкторской ветви научно-технического прогресса, наблюдается высокая степень занятости трудовых ресурсов [15. С. 137]. В результате нарастающего спроса на высококвалифицированную рабочую силу и, соответственно, стремительного роста реальной заработной платы, происходит заметное ослабление неравномерности в распределении факторных доходов, и подоходное расслоение населения, особенно при пожизненном исчислении (с учетом пожизненных расходов), временно приближается к норме. Е.В. Балацкий фиксирует тот факт, что «в фазе активного экономического роста

себя лучше чувствуют страны с более равномерным распределением доходов за счет стимулирования потребительского спроса и поддержки за счет этого производства» [1. С. 69]. Бывает, что в этот благоприятный период, когда отчетливо проявляется прямая связь «экономический рост – сокращение неравенства», находящимся обычно во властных структурах правым партиям целесообразно даже несколько усиливать дифференциацию населения по уровню текущих доходов для дальнейшего стимулирования его трудовой и предпринимательской активности. Закономерно приходя к власти в обстановке ускоряющейся инфляции и решительно противодействуя ее дальнейшему нарастанию, политики, отстаивающие либеральные ценности свободной рыночной экономики, склонны наращивать социально-экономическое неравенство в интересах наиболее состоятельных граждан.

Известно, что подобное сокращение масштабов неравенства наблюдалось в мире в 1930–1970-х гг., причем в немалой степени из-за того, что социальные достижения плано-регулируемой экономики заставляли правительства развитых стран Запада сглаживать проявления такого фиаско рынка, как чрезмерное доходное расслоение. Имела значение и рекордно разрушительная Вторая мировая война, подготовка и развертывание которой, как, впрочем, и последующее восстановление экономики, требовали повышения налогообложения населения, особенно тех его социальных групп, которые располагали немалыми доходами и имуществом. Сокращение дифференциации было обусловлено также бурным бескризисным развитием мировой экономики в первые послевоенные десятилетия, а также стремлением политических элит целого ряда развивающихся стран осуществлять модернизацию, направленную против нищеты значительной части их населения. Инфляционно опасный, достигаемый во многом за счет политики количественного смягчения и нарастания государственной задолженности, десятилетний рост всемирного хозяйства в период после глобальной рецессии 2008–2009 гг. тоже сопровождается некоторым сближением располагаемых доходов, доля беднейшего населения хотя и медленно, но сокращается (даже в наиболее дифференцированных по этому показателю государствах Африки и Латинской Америки). Однако социально-экономическое неравенство граждан все же никуда не делось. И по сей день всего 85 наиболее состоятельных людей обладают таким же богатством, как и половина населения Земли; 1% самых богатых земель владеют активами в 110 трлн долл., что в 65 раз больше богатства, принадлежащего беднейшей половине человечества [4. С. 20]. В таких условиях, как утверждает О.Н. Пряжникова, для того, чтобы 1 млрд беднейших жителей Земли смог присвоить 10% глобальных доходов, при нынешних темпах сокращения их разрыва потребовалось бы 800 лет [17. С. 99]. Впрочем, главной угрозой социальной стабильности в современном обществе, выступает вовсе не отрыв 1% (и тем более на 0,1%) богатейших жителей страны, на что делает акцент Т. Пикетти, отстаивающий фактически интересы привилегированного слоя

среднего класса, а неуклонно усиливающийся разрыв между последним, доля которого составляет около 20%, и остальным населением.

Если же имеет место переход к нисходящей волне экономической конъюнктуры, когда эксплуатируется технологическая ветвь научно-технического прогресса, и наблюдается интенсивный процесс высвобождения ресурсов (включая трудовые), то сокращение спроса на труд влечет за собой снижение уровня его оплаты. При этом в структуре национального дохода падает доля заработной платы и адекватно нарастает доля прибыли, что свидетельствует об усилении несправедливости в распределении. Именно это наблюдалось в мире на рубеже XIX–XX вв. (вплоть до конца 1920-х–начала 1930-х гг.), когда перекосы в распределении текущих доходов достигли в мире исторически наивысших показателей. В годы Великой депрессии безработица приняла поистине экстремальные значения, а «при прочих равных условиях мера социального неравенства тем значительнее, чем выше уровень безработицы и слабее меры социальной защиты безработных» [4. С. 29]. Но усиление разрыва между доходами от собственности и труда, нарастание накопления в ущерб потреблению обеспечивают продуцирование инвестиций и тесно связанных с ними технологических перемен, улучшающих со временем состояние общехозяйственной конъюнктуры.

Нечто подобное вновь происходило, начиная с последней четверти XX в., когда доля доходов в форме прибыли возросла в крупных развитых странах с 15–25% до 25–35% за счет адекватного сокращения удельного веса доходов в виде заработной платы примерно на те же 10 п.п. По данным Института экономической политики США, в течение 40-летнего периода 1979–2019 гг. заработки 90% населения этой страны оставались, по сути, неизменными, в то время как доходы 1% богачей удвоились. Заработная плата рабочих и служащих поднялась за этот период всего на 12%, а топ-менеджеров крупных корпораций – на 940%. Итогом таких перемен явилось изменение социальной структуры в направлении все более отчетливой поляризации общества и вымывания среднего класса, который все более решительно сбрасывается с прежнего исторического пьедестала. Причем в наиболее успешных развивающихся странах экономический рост приводит, напротив, к формированию широкого среднего слоя населения, что, в свою очередь, через наращивание потребительского спроса и развитие внутреннего рынка становится ускорителем дальнейшего увеличения ВВП.

Нарастание подоходного расслоения является не только прямым следствием крушения так называемой «мировой системы социализма», но и результатом отставания системы образования от скорости технологического прогресса, что побуждает фирмы к активному переманиванию специалистов и, как результат, к нарастанию разрыва в заработках работников различной квалификации. Вследствие разделения профессий на передовые и привлекательные в финансовом отношении и традиционные (представители первых наращивают свои доходы, в то

время как доходы представителей последних в лучшем случае остаются неизменными) увеличивается доля и наиболее обеспеченных, и наиболее бедных слоев с размыванием среднего класса. На каждом конкретном рынке труда и шире, в каждой стране появляются некие становящиеся богачами «суперзвезды», которыми, по характеристике Р. Капелюшникова, признаются «люди, обладающие редкими и уникальными способностями, ценность которых возрастает по мере увеличения размера рынков, где этим способностям находится применение» [11. С. 124]. Немаловажным фактором усиления распределительного неравенства является, по оценке специалистов Лондонской школы экономики, распространение интернета, выгоды от которого в виде наращивания объема доступной информации, оперативного совершения сделок в режиме онлайн и т. п., куда в большей степени достаются обеспеченным и, соответственно, образованным людям [17. С. 39].

Немалый вклад в дальнейший подрыв социальной стабильности в современном мире внес глобальный пандемический кризис, который привел к увеличению разрыва между нараставшими в этот драматический период доходами от собственности меньшинства и стагнирующими трудовыми доходами большинства жителей планеты. Этот и без того пугающий разрыв обусловлен усвоением выгод от сверхмягкой государственной монетарной и фискальной политики не социально уязвимыми, а обеспеченными категориями населения; не лицами наемного труда, а, прежде всего, разнообразными финансовыми спекулянтами. Рост вынужденных сбережений наиболее состоятельных слоев в обстановке эпидемии сделал их отрыв от остальной части общества еще более разительным. Будучи вложенными в неуклонно дорожавшие в этот период недвижимость и ценные бумаги, эти немалые средства наверняка принесут им в долгосрочной перспективе стабильный дополнительный доход, в то время как правительственные трансферты в направлении бедняков способны гарантировать последним только кратковременный доход, обесцениваемый нарастающей инфляцией.

Между тем наибольший хозяйственный прогресс в XXI в. обозначился в странах, чьи власти сумели найти наилучшее соотношение между темпами роста ВВП и справедливостью в распределении доходов. Это относится, например, к Норвегии или Японии, где заработок министра финансов или президента фирмы после уплаты налогов лишь в 3–5 раз превышает оплату труда школьного учителя, инженера, торгового работника или врача. Западноевропейские топ-менеджеры получают больше управляемых ими работников в 5–10 раз, но все же не в сотни, а порой и тысячи раз, как это принято в современной России. А вот пролиберальным властным структурам нашей страны достичь столь благоприятной для экономического роста пропорции явно не удалось (да и, надо признать, они не очень к этому стремились). В результате в стране отчетливо возобладал повышательный тренд в индикаторах несправедливости, а пропорция между 20% наименее и 20% наиболее состоятельными

россиянами обрела следующие очертания: 6,2% и 47,4%. Это, правда, не довело еще дифференциацию населения до уровня ЮАР (3% и 63%), Чили (3% и 61%), Мексики (4% и 58%), однако представило Россию весьма непривлекательно в соотношении, например, с такими государствами Вышеградской группы, как Словакия (12% к 31%), Чехия (10% к 37%), Венгрия (9% к 37%) [21. С. 68]. До момента вступления в силу в 2022 г. персональных западных санкций финансовые активы 500 богатейших россиян составляли 640 млрд долл., что значительно больше по нынешнему обменному курсу, чем суммарные депозиты всех физических лиц в банковской системе нашей страны.

Отсутствие законодательного регулирования максимально допустимого разрыва между заработками руководителей и подчиненных делает российский механизм распределения доходов более похожим на американский, где типичный представитель «золотого процента» в 2010 г. оказался, по оценке Дж. Стиглица, богаче среднего американца в 225 раз. И несмотря на то что ВВП в расчете на душу населения в 2010 г. оказался здесь на три четверти выше, чем в 1980 г., доходы большинства мужчин, работающих полное рабочее время, за прошедшие 30 лет либо не изменились, либо сократились [15. С. 136]. И это вполне закономерно, если принимать в расчет тот факт, что и в дальнейшем доходы половины населения Земли (т.е. свыше 3,6 млрд человек) оказывались равными доходам все меньшего числа главных богачей нашей планеты: в 2010 г. — 388 человек, в 2014 г. — 85 человек, а в 2016 г. — уже всего 62 человек, среди которых больше всего американцев. Таков результат сложившейся в этой внешне процветающей стране запредельной дифференциации населения по уровню доходов и накопленного богатства. 2016 год стал в мире поистине переломным в плане избыточного глобального расслоения: исследование британской благотворительной организации Oxfam, подготовленное к Всемирному экономическому форуму в Давосе, показало, что совокупное состояние 1% богачей впервые превысило состояние остальных 99% землян.

Еще полвека тому назад в экономической науке однозначно доминировало неоклассическое представление о чрезвычайно благоприятном влиянии подоходного и имущественного неравенства на динамику ВВП. Оно оправдывалось тем обстоятельством, что мощная перераспределительная система, формируемая правительством, включает в себе серьезную угрозу как для трудовой мотивации со стороны наемных работников, так и для предпринимательской активности представителей бизнеса. Надо признать, что этот пролиберальный тезис и сегодня не вышел из моды. «На малом временном интервале, — отмечают В.М. Гончаренко и А.Б. Шаповал, — перераспределение доходов от богатых к бедным оказывает отрицательный эффект на благосостояние, поскольку демотивирует успешных работников, получающих высокую заработную плату, эффективно трудиться» [6. С. 13]. При нарастании же дифференциации, появлении некоей социальной пирамиды, стимулы к труду и расширению бизнеса

у благополучной части общества также нарастают. К тому же осознание несоответствия между уже достигнутым и потенциально возможным индивидуальным статусом побуждает людей к всестороннему развитию их человеческого капитала. По результатам проведенного Ф.С. Картаевым и М.С. Самсоновой эконометрического моделирования ими сделан вывод об исключительно благотворном влиянии любого уровня подоходного расслоения россиян на темпы инфляции, поскольку «увеличение неравенства доходов населения в российских регионах сдерживает рост общего уровня цен, а сокращение неравенства выступает проинфляционным фактором» [13. С. 15]. Наконец, в научных постулатах до сих пор незримо представлен взгляд Нобелевского лауреата 1971 г. С. Кузнеця, раскрывшего в 1955 г. в статье “Экономический рост и неравенство доходов” противоречивую зависимость между уровнем ВВП на душу населения и неравенством, о неизбежности стихийного сближения доходов людей по мере трансфера производственных ресурсов из менее доходных звеньев национального хозяйства в более доходные. И действительно, если на первых этапах индустриализации, когда наблюдалось активное перераспределение рабочей силы и капитала из аграрного сектора в промышленный (в США этот процесс протекал в XIX в.), обозначалось резкое усиление неравенства, то в 1913–1948 гг. в этой стране обозначился обратный процесс, чему способствовала во многом случайная комбинация Великой депрессии и сменившей ее Второй мировой войны – факторов, приведших к заметному ослаблению подоходного расслоения американцев.

Впрочем, тезис С. Кузнеця, поддержанный затем Нобелевским лауреатом 1969 г. Я. Тинбергеном относительно неизбежности «растекания» эффекта от повышения ВВП от богатых и бедным в дальнейшем не получил сколько-нибудь убедительного эмпирического подтверждения. В результате возвращения подоходного расслоения граждан на рекордные отметки 1910–1920 гг. становились все более популярными представления государственников о преимущественно отрицательном воздействии неравенства на экономический рост. Кейнсианцы не только решительно отвергают тезис о неравенстве как предпосылке роста ВВП, но и признают его сугубо тормозящее воздействие на хозяйственную динамику. Интенсивно развивающаяся теория человеческого капитала доказывала, что неспособность значительной части бедного населения реализовать свой интеллектуальный потенциал неминуемо уводит страну с авансцены хозяйственного развития. Общепризнанные успехи скандинавской модели экономической системы убедительно продемонстрировали принципиальную возможность сочетания наименьшего для развитых стран разрыва в текущих доходах населения с интенсивным внедрением научно-технических достижений и быстрым расширением ВВП, удлинением продолжительности таких периодов в результате всестороннего развития личности. Резкое сокращение индекса Джини в Казахстане в период 2001–2013 гг. с 0,35 до 0,26 в немалой

степени объясняет опережающие сравнительно с российскими темпы экономического роста этой страны и, соответственно, повышения заработной платы. Нечто подобное наблюдается в последние годы и в Беларуси. И, напротив, нынешнее замедление экономического роста в КНР в немалой степени связывается именно с чрезмерной подоходной поляризацией китайского общества. Так что сильное неравенство в доходах, с позиции кейнсианцев, вовсе не является условием экономического роста.

Экспертами Международного валютного фонда был выявлен тот факт, что увеличение на 1 п.п. в структуре национального дохода доли населения с низкими и средними доходами в обстановке неполной занятости ресурсов влечет за собой ускорение экономического роста страны на 0,4 п.п. И, напротив, точно такое же повышение доли наиболее состоятельных слоев вызывает закономерное торможение динамики ВВП на 0,1 п.п. Известно, что резкий скачок в подоходном расслоении в США в 1920-е гг. явилось одним из важнейших факторов наступления глубочайшего в истории XX века кризиса 1929–1933 гг. Нынешняя общемировая ситуация в области подоходного неравенства очень напоминает ту, которая сложилась столетие тому назад. Не случайно директор-распорядитель МВФ Кристилина Георгиева полагает, что в случае, если разрыв между богатыми и бедными в мире будет и впредь нарастать, то новая Великая депрессия станет неизбежной. И, действительно, сильное неравенство в распределении доходов воспроизводит ситуацию, называемую парадоксом бережливости, когда неуверенность граждан в завтрашнем толкает их на рост предельной склонности к сбережению, что в обстановке невысокой конъюнктуры обрекает общество на кризисный спад потребительской активности, закрытие множества предприятий, массовую безработицу, падение доходов граждан, а значит, и сокращение сбережений в обозримом будущем. А. Шевяков выводил в связи с этим следующую закономерность: «Чем выше неравенство, тем большая доля совокупного дохода населения направляется на накопления» [25. С. 19]. Чрезмерная подоходная дифференциация через взрывной рост средней склонности к сбережению не может не препятствовать трансформации сбережений в инвестиции и, как результат, достижению наилучшей нормы накопления в стране.

По мере усиления неравенства, отмечает Р. Капелюшников, «медианный избиратель оказывается относительно беднее, что побуждает его требовать от государства введения более обширных перераспределительных программ, но они подрывают стимулы к инвестированию, а меньшие инвестиции оборачиваются замедлением экономического роста» [11. С. 129]. Если же власти никак не откликаются на требования населения, в то время как доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума превышает 8%, а децильный коэффициент — 10 раз, то возрастает риск погружения страны в пучину обострения социальных конфликтов на экономической почве, политической нестабильности,

нарастания протестных настроений по поводу распределения доходов, расширения теневой экономики и организованной преступности. Не случайно минимум треть взрослых жителей США как страны с общепризнанным чрезмерным подоходным расслоением, по данным ФБР, имеют сегодня судимость, которая, в свою очередь, еще более усиливает расслоение, поскольку имеющим ее намного труднее найти работу. Мощным триггером регулярно нарастающих расовых волнений в этой стране также является вопиющее социально-экономическое неравенство. И если государство не будет активно вмешиваться в сложившийся механизм первичного распределения доходов и богатства, то неизбежными становятся процессы, подобные миграционным погромам в Европе, протестам «желтых жилетов», захвату Белого дома представителями оппозиции, ковидным бунтам.

Но властям нашей страны, стремящимся к поддержанию социально-политической стабильности, следует всегда иметь в виду, что в современной России оно имеет не менее отчетливые очертания. Запредельно высокий уровень несправедливости, разрушительно воздействуя на социальную сплоченность, существенно ограничивая жизненные перспективы людей и вводя их в состояние тяжелой депрессии (при котором ценность самой жизни стремительно утрачивается), провоцирует нарастание этнической преступности в многонациональном российском обществе. При этом, как отмечают П. Михай и И. Селеньи в своей вышедшей в 2020 г. книге «Получатели ренты: прибыли, заработки и неравенства (верхние 20%)», нарастающая поляризация общества усиливает социально-политическую нестабильность в нем не всегда, а только при двух предпосылках: во-первых, когда нарастающее обогащение элиты сочетается с падением реальных доходов подавляющей части общества; во-вторых, когда источником усиливающегося неравенства выступает не прибыль, которая все же зависит от предпринимательских качеств бизнесменов, а разнообразные виды рентного дохода. И надо признать, что оба эти условия как раз выполняются в современной России в обстановке длительного неуклонного падения уровня жизни и продолжения реализации налогового маневра, в результате чего все большая часть рентного дохода отечественных недропользователей проходит мимо государственного бюджета. В столь взрывоопасной ситуации, на дальнейшее разворачивание которой делают ставку разжигатели санкционной войны против нашей страны, становится неизбежным радикальное перераспределение расходов федеральной казны от инвестиционных целей, госзакупок и трансфертов – в пользу затрат на финансирование армии, полиции, тюрем и иных сфер непроизводительного труда. Не секрет, что чрезмерное расслоение влечет за собой также увеличение государственных и частных затрат на обеспечение прав собственности, защиту имущества и личную безопасность его владельцев. В результате одной из наиболее интенсивно расширяющихся

профессий в России становятся охранники — люди, занятые не самым эффективным (хотя и далеко не безопасным) видом трудовой деятельности. Опасность массового ощущения социальной несправедливости состоит в том, что оно легко трансформируется в неустанный поиск виновного — как внутри страны (среди «инородцев», «олигархов»), так и за ее пределами (ненависть ко всему «западному»).

Статистика фиксирует тесную связь подоходного расслоения и с коэффициентами рождаемости, смертности, естественного прироста и убыли населения: очевидно, оно препятствует созданию соответствующих демографических предпосылок устойчивого роста реального ВВП. Усиление неравенства при прочих равных условиях сокращает продолжительность жизни в стране на 5–10 лет. Исследования Дж. Гэлбрейта, посвященные экономическим проблемам с 1715 г. до наших дней, показали, что в 81% войн победили те страны, доходы населения в которых были распределены более равномерно, чем в странах побежденных. В немалой степени именно в неожиданном для наступающих немцев упорном сопротивлении советских военнослужащих, сформировавшихся в обстановке справедливого в целом распределения доходов, кроется причина устойчивости советской обороны в тяжелый начальный период Великой Отечественной войны, в то время как серьезнейшее подоходное расслоение среди французов, наоборот, способствовало общей растерянности и пораженчеству, приведшим к быстрой капитуляции этой крупной страны в 1940 г. И, действительно, невысокая степень имущественной дифференциации серьезно укрепляет боевой дух солдат. В условиях обострения гибридной войны Запада против России данное обстоятельство нельзя не учитывать властям нашей страны. Если результаты проводимых ими реформ идут на пользу крайне немногочисленной части населения, то неизбежный всплеск общественного недовольства не только обесценивает результаты реформирования, но и неотвратимо расшатывает основу социально-политической стабильности в стране, активно формирует внутреннего врага («пятую колонну»), не говоря уже об этической стороне проблемы неравенства.

Как видим, при определенных условиях подоходное расслоение населения способно оказывать отчетливо негативное влияние на динамику национального продукта — особенно в случае превышения им определенного количественного рубежа. В этой связи трудно переоценить значимость предложенного в свое время А. Шевяковым в журнале «Общество и экономика» методологического подхода, состоящего в разделении дифференциации домохозяйств по уровню их текущих доходов на нормальное и избыточное. Нормальным он признавал такую часть общего неравенства, которое соответствует ситуации, когда все доходы граждан, оказавшиеся ниже прожиточного минимума, были подтянуты до него, причем при сохранении всех остальных доходов на прежнем уровне [24. С. 86]. В случае поддержания приемлемого состояния подоходного расслоения у боль-

шинства хозяйственных субъектов заметно укрепляются стимулы к экономической деятельности, что не может не сказаться крайне позитивно на динамике как национального продукта, так и уровня общественного благосостояния.

Если социально оправданная подоходная дифференциация людей еще не способна устранить принципиального равенства их потенциальных возможностей, то дифференциация избыточная делает реализацию жизненных возможностей различных доходных групп существенно отличной. Это резко усиливает социально-политическую конфликтность, доходящую порой до вооруженных столкновений между полюсами богатства и бедности. Понятно, что данное обстоятельство ни в коей мере не благоприятствует восходящей динамике ВВП, которая сдерживается не только отмеченным выше острым дефицитом потребительских расходов в обстановке массовой бедности и невысокой продолжительности жизни, но и ухудшением состояния социально-культурного комплекса, а также «распространением практики лоббирования, направленной на предотвращение перераспределения доходов; ростом коррупции в государственных органах власти» [18. С. 52]. «Чем выше неравенство, тем ниже совокупный потребительский спрос при одних и тех же доходах населения», – справедливо подчеркивал А. Шевяков [25. С. 17].

Получается, что в ходе формирования и реализации своей социально-экономической политики власти, заказывая соответствующие экономические исследования, не должны допускать ни излишнего выравнивания доходов граждан, ни их запредельной дифференциации, в противном случае экономический рост начинает затухать. Иначе говоря, зависимость динамики ВВП (Q) от степени подоходного расслоения населения (N) может быть, по нашему мнению, выражена следующей кривой параболической формы:

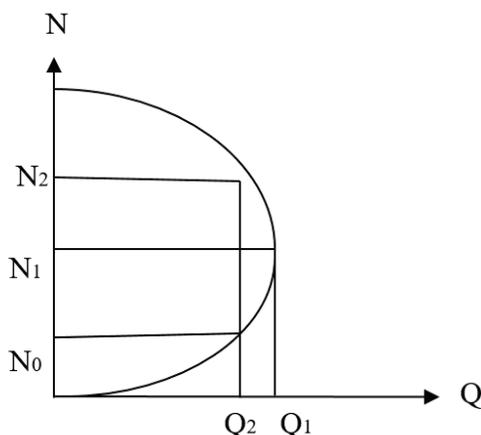

Рис. 1. Зависимость динамики ВВП (Q) от степени подоходного расслоения населения (N)

Источник: составлено автором.

Данную кривую вполне можно обозначить как обратную функцию С. Кузнеца, коль скоро она описывает не сформулированную этим ученым прямую (хотя и крайне противоречивую) зависимость экономического роста и индекса неравенства доходов, а обратную (тоже далеко не прямолинейную) связь рассматриваемых индикаторов. Понятно, что в обстановке предельно невысокого подоходного расслоения населения, фондовый коэффициент которого находится на отметке не выше N_0 , а соотношение доходов 10% наиболее состоятельных домохозяйств и 10% их наименее обеспеченных сограждан выражается пропорцией 3:1 и ниже, всякая экономическая активность в стране начинает закономерно замираться если, конечно, речь не идет о той или иной разновидности командно-административной системы, в рамках которой отлаженный механизм централизованного планирования в условиях острого дефицита экономической свободы доказывает свою способность нейтрализовать опасность демотивации деятельности хозяйственных субъектов, проистекающей от доминирования уравнилельных тенденций в сфере распределения. Но если неравномерность в распределении первичных и производных доходов начинает нарастать, что характеризуется повышением децильного коэффициента от N_0 до N_1 , то скорость нарастания реального ВВП (например, с прежних 2% до, скажем, 6–8% в год) также увеличивается, что помимо повышения среднего уровня жизни населения существенно пополняет государственную казну и усиливает ее вклад в преодоление несовершенств первичного распределения факторных доходов. Именно такой процесс протекал в мире в период становления индустриального общества, когда объективная потребность в нарастании несправедливости влечет за собой временное подавление таких столь ценных в людях свойств, какими являются сострадание, способность поделиться с ближним, заняться активной благотворительностью. Именно на этом, во многом аморальном, фоне происходило формирование класса алчных предпринимателей, склонных к масштабному инвестированию своих доходов и ускорению экономического развития страны.

Но неумолимо приближаясь к точке N_1 , отделяющей нормальную зону подоходной дифференциации граждан от зоны запретной, та или иная страна начинает все более отчетливо ощущать отмеченные выше остро негативные последствия распределительной несправедливости (интенсификация парадокса бережливости, деградация человеческого капитала, подрыв социально-политической стабильности, угроза утраты территориальной целостности и т.п.), учет которых в регулирующей деятельности государства призван положить некий количественный предел дальнейшему отрыву богатых от бедных. В такой ситуации требуются жесткие правительственные меры по ограничению масштабов расслоения граждан. В противном случае темпы роста ВВП начнут неминуемо снижаться вплоть до обретения ими после точки N_2 даже отрица-

тельных характеристик. Как отмечают К.П. Юрченко и И.Н. Савельева, «неравенство в доходах, приемлемое и даже необходимое на начальной стадии экономического подъема, но только после длительного упадка, должно сокращаться, иначе оно становится фактором замедления экономического роста» [27. С. 30]. Подобное замедление, имеющее черты сходства с тем торможением хозяйственной динамики, которое случается из-за уравнивательных тенденций ниже точки N_0 , имеет, однако, принципиально другие объективные причины. Так что в любой стране всегда будет существовать некое пороговое значение подоходной дифференциации, за которым экономический рост становится невозможным — хотя бы из-за отсутствия в этом случае массового покупателя отечественных товаров и услуг.

Конечно, конкретные формы связи между подоходным расслоением, с одной стороны, и хозяйственной динамикой национальной экономики, с другой, не могут быть однотипными в различных странах. Например, количественные оценки степени дифференциации россиян и американцев по уровню текущих доходов в настоящее время довольно близки. Но если в нашей стране данное обстоятельство начинает вызывать все большее социальное недовольство, то в США они куда менее заметны. И дело здесь, скорее, не в большей терпимости населения, а в том, что само качество американского неравенства оказывается существенно лучше нашего. В этой связи Э.Н. Соболев разделяет качество неравенства на хорошее и плохое. Он полагает, что «неравенство, в основе которого лежит величина трудового вклада, эффективность труда — экономически обосновано, социально справедливо и создает стимулы для развития (хорошее неравенство), а что сверх того, то от лукавого, создает почву для социальной напряженности — плохое неравенство» [22. С. 34–35]. При таком подходе проблемой современной России являются вовсе не сами по себе запредельные количественные характеристики подоходного расслоения населения, а его низкое качество, когда доходы граждан оказываются в определяющей зависимости не от их трудолюбия, образования, квалификации, стажа работы и других внутренних факторов, а скорее, от совокупности факторов внешних — таких как регион проживания, сфера приложения их труда, финансовое состояние организаций, на которых они трудятся, удача, наконец. В этих условиях заработная плата как ведущий доход закономерно утрачивает свои функции воспроизводства рабочей силы и стимула к труду, побуждая работника не к неуклонному улучшению качества своего человеческого капитала, а к неустанному поиску тех локальных рынков труда, где можно рассчитывать на достойный заработок.

Воздействие подоходного расслоения на динамику ВВП не может быть одинаковым в разных государствах и потому, что в немалой степени оно обусловлено различиями в самом менталитете наций. Многое здесь зависит и от степени лояльности населения к социальному расслоению. Так, американское об-

щество длительное время характеризовалось довольно спокойным отношением граждан к сочетанию роскоши и нищеты. Однако, Дж. Стиглиц, интенсивно изучающий проблему несправедливости распределения доходов, утверждает, что обострение этой проблемы (обусловленное, в частности, сокращением государственного финансирования общедоступных школ и медицинских учреждений) привело к утрате США своего главного конкурентного преимущества как страны равных возможностей для всех, независимо от уровня благосостояния семей [15. С. 138]. Что же касается России, то по результатам исследования, проведенного Е. Балацким, был сделан вывод о том, что «российское общество крайне нетерпимо к любым проявлениям чужого благополучия вообще и роста доходов в частности» [2. С. 49]. А потому нынешнее неравенство в распределении доходов, расцениваемое специалистами как, несомненно, чрезмерное, выступает значимым ограничителем дальнейшего роста ВВП. С этих позиций трудно не поставить под сомнение обоснованность результатов эконометрического исследования М.А. Юревича, который допустил возможность сохранения положительных темпов экономического роста в России вплоть до достижения индексом Джини отметки в 69,8, как, впрочем, и его вывода об обеспечении наивысшей скорости нарастания ВВП при значении этого коэффициента в 46,7, поскольку обе эти отметки далеко выходят на верхнее пороговое значение социально-экономической безопасности [26, С.43].

Таким образом, при ответе на вопрос, является ли неравенство нормальным или избыточным (а это крайне важно для оценки степени политической напряженности в стране), следует руководствоваться не только «объективными» показателями, опирающимися на методологию кривой Лоренца, но и субъективными оценками его со стороны различных социальных групп. Наиболее значимой проблемой здесь является вовсе не сам по себе масштаб подоходного неравенства, а его восприятие населением в качестве нормального или избыточного. Характерно, что представления жителей скандинавских стран о сложившемся уровне неравенства в распределении доходов в целом тождественны взглядам граждан англосаксонских стран (неравенство признают здесь высоким лишь 30% населения), а между тем коэффициент Джини в последних существенно выше. Данное обстоятельство свидетельствует, во-первых, о признании скандинавами вполне приемлемыми глубоких пороков перераспределительной системы, связанных с уравнительными тенденциями. Во-вторых, это говорит о гораздо большей терпимости англосаксов к неравенству и во многом объясняет факт «живучести» здесь неоклассической модели государственного регулирования экономики с ее крайне низкой долей ВВП, перераспределяемого через бюджет. А вот во Франции и Германии подобная модель регулярно отвергается обществом, коль скоро до 70% населения считает активное

перераспределение доходов безусловно необходимым. И хотя дифференциация доходов французов невелика, накал протестных настроений на улицах Парижа и других крупных городов в последние годы крайне высок.

Подобный же спрос на перераспределение, который коррелирует с субъективным восприятием неравенства, типичен и для многих постсоциалистических стран. При этом наивысшую степень недовольства сложившимися пропорциями распределения доходов, как отмечалось выше, проявляют именно россияне, что в немалой степени объясняется наследием многолетней, рекордно длительной планово-регулируемой системы. И столь острое восприятие ими проблемы неравенства связано не столько с количественными характеристиками последнего, сколько с характеристиками качественными, а именно — с осознанием крайне слабой связи между астрономическими доходами олигархических кланов и невпечатляющими конечными результатами их предпринимательской деятельности, с субъективным неприятием самого механизма возникновения их богатств. В подобной ситуации избыточное неравенство в распределении доходов (по данным Счетной палаты, 0,2% российских семей контролировали 70% национального богатства [5. С. 12]) выступает значимым ограничителем дальнейшего расширения масштабов отечественной экономики. На этом основании В. Бобков полагает, что «относительно успешное преодоление трансформационного системного кризиса... обеспечивается при поддержании низкой степени дифференциации доходов» [3. С. 15]. В противном случае усиление политической напряженности в стране, неизбежное в условиях нынешнего многолетнего сокращения реальных доходов граждан, может явиться мощным фактором подрыва экономической безопасности. Власть, не пожелавшая разумно сближать доходы мирным путем, вполне может быть сметена с исторической арены с последующим конфискационным перераспределением объектов собственности.

С учетом нынешнего размаха абсолютной и относительной бедности россиян, а также их избыточной поляризации по уровню текущих доходов и накопленного богатства чрезвычайно значимым инструментом обеспечения безопасности нашей страны выступает разумная государственная социальная политика. Ее формирование нельзя отдалять до момента запуска постсанкционного экономического роста, например, в 2024–2025 гг., опрометчиво полагая, что в обстановке нынешнего военного кризиса в бюджетной системе отсутствуют, якобы, необходимые для этого финансовые ресурсы. В случае реализации на практике этого излюбленного либералами тезиса подрыв покупательной способности большинства населения сделает качественный, несырьевой экономический рост невозможным во всей обозримой перспективе. Но недопустим и обратный подход государственников: вот преодолеем, мол, остроту социальных проблем, и тогда темпы наращивания ВВП сразу же возрастут. На деле экономические и социальные проблемы отечественной экономики необходимо разрешать

в тесном взаимодействии. Только расширяя средний класс, который формирует массовый платежеспособный спрос, нейтрализует действие парадокса бережливости и выступает гарантом социального здоровья общества, можно все-таки рассчитывать на высокие темпы экономического роста. Если же значительная часть россиян опускается за черту бедности, то сколько-нибудь заметного роста российского ВВП достичь не удастся.

В настоящее время от российского общества исходит все более мощный социальный запрос на распределительную справедливость, удовлетворение которого способно стать мощным триггером наращивания объема национального производства. Во всяком случае, нейтрализация угроз социальной безопасности нашей страны предполагает заметное ослабление подоходной дифференциации ее населения, обеспечивая которое, особо подчеркивает Э.Н. Соболев, «следует ставить вопрос не столько о снижении уровня дифференциации до некоего социально-нормального, сколько об изменении качества дифференциации, а именно: придания ей профессионально-квалификационного характера» [22. С. 41]. Укрепление этого фактора восходящей динамики ВВП немыслимо без принятия комплекса следующих стратегических решений:

- изъятие части средств у российских домохозяйств с высоким доходом в рамках известного кейнсианского принципа «все не могут быть богатыми, но никто не должен быть бедным». В этих целях необходимо установление следующей шкалы налога на доходы физических лиц: умеренно-прогрессивной в случае пребывания подоходного расслоения россиян в нормальной зоне; усиленно-прогрессивной в случае признания его нахождения в запретной зоне, что вполне может явиться результатом внимательного изучения налоговых деклараций всех представителей элиты со стороны неких независимых органов. Параллельно с этим целесообразно установление довольно высокого необлагаемого минимума доходов, введение сдержанно-прогрессивной шкалы имущественного налога, а также возвращение налога на наследство при освобождении от их уплаты обладателей наименее ценного имущества;

- обеспечение надежного контроля за использованием природных богатств страны через решительный отказ от действующего налогового маневра и, как результат, через социализацию ренты, означающую подчинение механизма ее формирования и последующее использование в интересах всего российского общества, в частности, на адресные трансфертные платежи. При этом требуется переход от категориального принципа при формировании системы социальной защиты населения к принципу нуждаемости, гарантирующему достаточный уровень поддержки самых бедных россиян. Например, вполне возможна дифференциация детских пособий, да и, думается, материнского капитала тоже, в строгой зависимости от уровня достатка семей. Давно назрела постановка вопроса о разумном повышении размера пособия по безработице, укреплении государственной пенсионной системы и фиксации размера пенсий на уровне

не ниже 40% от утрачиваемого среднего заработка, а также повышенных выплатах детских пособий, стипендий, натуральных трансфертов, продуктовых карточек для малоимущих граждан, сокращающих их расходы на питание;

- трансформация откровенно социально-ущербной общегосударственной региональной политики, нацеливая ее на выравнивание уровня жизни населения различных субъектов Федерации, прежде всего, посредством направления на эти цели несравненно большей доли рентных доходов федерального центра, которые выступают достоянием всего российского общества;

- серьезная корректировка в сравнительной динамике оплаты труда и его производительности. Если подоходное расслоение признается однозначно избыточным, то в рамках правительственного контроля доли заработной платы в ВВП вполне оправданно более стремительное ее повышение сравнительно со скоростью повышения производительности труда. При этом незначительный риск ускорения инфляции спроса окажется наверняка менее значимым, чем выгоды ускорения экономического роста в результате перераспределения определенной части валовой выручки компаний с наращивания прибыли на повышение заработной платы работников. В то же время нельзя допускать сколько-нибудь длительного отставания производительности труда от динамики заработной платы: без ее быстрого роста никакие перераспределительные механизмы не в состоянии устранить проблему хронической бедности россиян;

- осуществление разумного ценового регулирования, прежде всего, через поддержание на завышенном уровне закупочных цен на сельхозпродукцию и субсидирование реализации товаров первой необходимости, реализуемых из-за этого по заниженным ценам. При этом во избежание товарного дефицита регулирование цен на продовольствие предпочтительнее осуществлять не административными методами, а посредством закупок его за рубежом, использования госзакупок и товарных резервов, более щедрой финансовой поддержки отечественных производителей сельскохозяйственной продукции;

- устранение хронической недооценки труда в бюджетной сфере, поднятие уровня оплаты в ней до заработков в секторе частном, параллельно с поэтапным возвращением сэкономленных государством пенсий работающим пенсионерам, которое не приведет к сколько-нибудь существенному всплеску их потребительской активности, заведомо не будет сопровождаться переводом средств в офшоры и вызовет, тем самым, усиление мультипликативного эффекта;

- расширение потребительской корзины россиян до уровня обеспечения не только базовых, примитивных, а комплексных, современных потребностей работников, с одновременным доведением МРОТ до 130% этого обновленного прожиточного минимума, с решительным устранением гендерных различий в оплате труда, жесткой увязкой доходов топ-менеджеров со средней заработной платой работников и распространением требований ее своевременной индексации на всех предприятиях, независимо от форм собственности;

- замена регрессивной шкалы страховых взносов предпринимателей на шкалу пропорциональную, обеспечивающую сближение заработков работников и существенное пополнение внебюджетных социальных фондов, правда, при усилении рисков выплаты заработной платы «в конвертах» и дестимулирования дальнейшего повышения уровня оплаты труда;

- расширение масштабов государственных инвестиций в социальную сферу с четким акцентом на «процесс распространения знаний и инвестиции в повышение квалификации и образование» [17. С. 22]. Целесообразно бесплатное обеспечение всех россиян приемлемым уровнем услуг здравоохранения, образования и культуры путем поддержания высокой доли расходов государственного бюджета на эти цели, налоговое поощрение фирм, активно занимающихся благотворительной деятельностью, повышающих уровень квалификации и здоровья своих работников.

Думается, что реализация комплекса этих взаимосвязанных мер, приводя подходящую и имущественную дифференциацию россиян из категории избыточной в категорию нормальной, способна стать мощным фактором стремительного выхода отечественной экономики из состояния затянувшейся автономной рецессии с одновременным созданием предпосылок поддержания социальной стабильности в нашем обществе.

Литература

1. Балацкий Е.В. Институт социального неравенства и экономический рост // Journal of Institutional Studies. 2020. № 1. С. 66–83.
2. Балацкий Е. Отношение к неравенству доходов: количественная оценка // Экономист. 2007. № 6. С. 39–49.
3. Бобков В. Анализ социально-экономической дифференциации // Экономист. 2003. № 7. С. 10–20.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 10–34.
5. Главное – эффективность бюджетных расходов // Финансы. 2011. № 5. С. 3–15.
6. Гончаренко В.М., Шаповал А.Б. Влияние структуры спроса и размера рынка на безработицу, неравенство доходов и общественное благосостояние // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 12–33.
7. Григорьев Л.М., Макарова Е.А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24–46.
8. Ильин В.А., Морев М.В. Олигархический капитал и социальная несправедливость // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 4. С. 45–59.
9. Итоги 25-летней трансформации российской экономики и формирование новой экономической модели (интервью Р.С. Гринберга) // Вестник ИЭ РАН. 2017. № 6. С. 7–12.
10. Капелюшников Р.И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. – 64 с.
11. Капелюшников Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
12. Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.

13. *Картаев Ф.С., Самсонова М.С.* Влияет ли неравенство доходов на инфляцию в России? // Вопросы экономики. 2022. № 10. С. 5–19.
14. *Клинов В.Г., Сидоров А.А.* Мировые тенденции в распределении доходов и проблемы социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 30–44.
15. *Клинов В.* Актуальные проблемы экономической политики США // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 129–143.
16. *Лившиц В.Н.* Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом: Научный доклад. // М.: Институт экономики РАН. 2017. – 52 с.
17. *Неравенство в современном мире: экономический и социальный аспекты* // М, ИНИОН РАН. 2017. – 142 с.
18. *Половинкина Н.* Неравномерность распределения и экономическое развитие // Экономист. 2010. № 5. С.47–63.
19. *Рязанов В.* Новая экономическая политика (нэп) № 2: исторические уроки и перспективы госкапитализма в России // Экономист. 2018. № 3. С. 3–23.
20. *Савченко П.В., Федорова М.Н.* Важное звено социально-трудовых отношений: конвергенция // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 6. С. 60–72.
21. *Савченко П., Федорова М., Шелкова Е.* Уровень и качество жизни: понятие, индикаторы, современное состояние в России // Российский экономический журнал. 2000. № 7. С. 66–73.
22. *Соболев Э.Н.* Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: Научный доклад. // М.: Институт экономики РАН. 2017. – 48 с.
23. *Ханин Г.И.* Перераспределение доходов как фактор ускорения экономического развития и обеспечения социальной стабильности // ЭКО. 2002. № 6. С. 90–103.
24. *Шевяков А.* «Болевые точки» России: избыточное неравенство и депопуляция // Общество и экономика. 2005. № 12. С. 86–102.
25. *Шевяков А.* Снижение избыточного неравенства и бедности как фактор экономической динамики и роста инновационного потенциала России // Общество и экономика. 2006. № 11–12. С. 5–36.
26. *Юревич М.А.* Социальное неравенство, инвестиции и экономический рост // Вопросы регулирования экономики. 2019. №4. С. 35–46.
27. *Юрченко К.П., Савельева И.Н.* Траектории макроэкономической политики в условиях ловушки среднего дохода // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 5. С. 23–41.

Sergey Kapkanschchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Head of the Department of Economics,
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

EXCESSIVE INCOME INEQUALITY IN RUSSIA AS A THREAT TO ECONOMIC GROWTH AND SOCIETAL SECURITY

The author makes the case that the growth of the Russian economy in the 2000s was socially detrimental as it was accompanied by an increased inequality of Russians both in terms of current incomes and accumulated wealth.

A qualitative analysis of the socio-economic inequality that has developed in modern Russia is carried out in unity with its quantitative characteristics; the factors contributing to inequality in various countries are explained, both objective and influenced by policy. Inequality in income distribution, on one hand, is seen as a possible accelerator of economic growth, and on the other hand, the way it slows the GDP growth down is also revealed.

Describing the normal income stratification as accelerating and the excessive stratification as, on the contrary, slowing down the economic growth, the author, by analogy with the Laffer curve, proposes an original income stratification curve, on the basis of which a set of interconnected proposals is substantiated to return the excessive differentiation of Russians to the limits of normality in order to guarantee sustainable economic development and reliable societal security in Russia.

Keywords: socially detrimental economic growth, normal and excessive income stratification, income differentiation coefficient, Gini index, long-wave economic cycle; income stratification curve; normal and forbidden areas of the income stratification curve.

DOI: 10.31857/S020736760023988-5

© 2023

Елена Шестакова

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: eeshestakowa@gmail.com)

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО ИЛИ НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ: ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ГОСУДАРСТВАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Вопросы влияния изменения демографической структуры населения и связанных с этим масштабных социальных расходов на экономическое развитие уже длительное время являются темой серьезных обсуждений в научной и публицистической литературе экономически развитых стран. Новые аспекты социальной повестки дня, включающие задачи определения моделей, темпов, источников роста благосостояния населения, уровня социальных гарантий, предоставляемых государством гражданам, и степени охвата ими выдвигаются в число приоритетных и в государствах с формирующимися рынками, в том числе в быстро стареющих странах Восточной и Юго-Восточной Азии¹. В статье рассматривается разнообразный опыт решения проблем формирования отвечающих национальным условиям систем пенсионного обеспечения лиц старших возрастных групп в странах региона. Основной акцент сделан на анализе гибридных форм накопления на пенсии и текущие нужды (Малайзия, Сингапур) и сложных многоуровневых системах с практически полным охватом пожилого населения (КНР и Таиланд), в азиатских странах с наиболее быстро стареющим населением, не входящих в группу ОЭСР.

Ключевые слова: демографическая ситуация, социальная политика, человеческий капитал, пенсионное обеспечение.

DOI: 10.31857/S020736760023989-6

Важность социальной повестки в современных реалиях. После десятилетий ориентации на быстрый экономический рост, модернизации основных секторов производства, улучшения инвестиционного климата, привлечения иностранного капитала и связанной с этими процессами интенсификации перемещения рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда, значительная часть государств Азии начинает больше внимания уделять вопросам социальной повестки дня. Это происходит не только потому, что азиатские страны становятся богаче и могут позволить себе больше ресурсов направлять на решение социальных проблем, но и отражает растущее понимание, что традиционное узкое определение экономического роста может негативно сказываться на задачах обеспечения устойчивого и сбалансированного развития. Хорошо сформированная система социальной поддержки и помощи помогает экономическому росту, позволяет ускорить экономическую трансформацию, а гражданам и странам адаптироваться к экономическим шокам.

¹ В состав региона Восточной и Северо-Восточной Азии входят: Япония, КНР, Республика Корея и Монголия; Юго-Восточной Азии: Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

За последние два допандемийных десятилетия доля населения, живущего за чертой крайней бедности (1,9 долл. в день на человека), в Азиатско-Тихоокеанской регионе сократилось в 5 раз, до 7,5%, благодаря, прежде всего, фактической ликвидации экстремальной бедности в Китае (в КНР эта доля составляет 0,5%, а например, на Филиппинах – 4,5%, в Индонезии – 2,7%, по данным на 2019 г.) Но значительная часть населения региона находится в зоне если не крайней нищеты, то серьезной бедности (3,2 долл. день); если в Китае, который ведет активную борьбу с материальной необеспеченностью, она снизилась до 5,4%, то в Индонезии и на Филиппинах на такие доходы живет 20–25% населения [11. Р. 123]. На беспрецедентно высоком уровне сохраняется дифференциация доходов и благосостояния, углубляется сегментация на рынках труда. Ведущие мировые эксперты по вопросам неравенства отмечают относительно медленную конвергенцию базовых возможностей, сокращение численности и доли лиц, живущих в условиях нехватки продовольствия и крайней нищеты, и более быстрые темпы дивергенции расширенных возможностей, углубление социально-экономического неравенства в большинстве стран [10. Р. 9], но масштабы и темпы данных процессов в значительной степени определяются их политическим выбором. Средний годовой доход жителя Восточной Азии составляет половину от дохода жителя европейских стран, а соотношение доходов 10% наиболее обеспеченной части к 50% находящихся в нижней части спектра по доходам достигает 16 раз. В КНР это соотношение – 14 раз выше, чем в Европе (10), но меньше, чем в США (17) или Индии и Индонезии (21 и 19 раз). Намного более значительная дифференциация по доходным группам населения в отношении концентрации капитала (имущества, благосостояния) домашних хозяйств: 10% наиболее обеспеченного населения в КНР концентрируют почти 68% имущества, как и в США, но хотя средний уровень благосостояния домохозяйств в США в 3,5 раза больше, чем в Китае, 50% менее обеспеченного населения США владеют меньшим имуществом по PPP (по паритету покупательной способности), чем 50% менее обеспеченных китайских граждан [5. Р. 11, 28, 191, 230].

Большие надежды в государствах восточноазиатского региона возлагаются на цифровизацию не только финансового, но и реального секторов экономики, на внедрение новых технологий как импульса к экономическому росту и преодоления ловушки догоняющего развития. Технологический прорыв, переход от трудоемких технологий к техноемким видам деятельности, развитие роботизации в перспективе должны сопровождаться серьезными сдвигами на рынке труда, повышением качества рабочей силы и заменой человеческого труда машинами или искусственным интеллектом. По прогнозам, 1 из 5 региональных рабочих мест в таких областях, как автомобилестроение, электронная и электротехническая промышленность, текстильное производство, выпуск одежды и обуви, торговля может быть затронуто автоматизацией. Хотя автоматизация

ведет к созданию рабочих мест с более высокой производительностью труда, но есть и опасность существенного сокращения спроса на труд и сохранения высоких уровней неформальной занятости. По данным Экономической Комиссии для Азии и Тихоокеанского бассейна, в неформальной экономике в регионе суммарно занято около 68% рабочей силы [20. Р. 9]. Не в полной мере ясно пока и влияние на формализацию трудовых отношений новых платформенных форм занятости. Широко практикуемые новые формы занятости на современном этапе способствуют не только сохранению, но и расширяют неформальную занятость в ряде стран региона [4. Р.7–41].

Ситуация с нестандартной занятостью, в которую включаются различные категории работников без оформления трудовых контрактов на полное рабочее время (самозанятые, случайные работники, не полностью занятые и др.), напрямую связана с возможным участием работающего населения в различных схемах социального страхования. Работники с нестандартной и неформальной занятостью, как показывает практика, в наименьшей степени мотивированы к участию в программах страхования без специальной государственной поддержки, а их доля среди работающего населения – важный параметр для определения соотношения страховых и нестраховых частей пенсионной системы и роли государства в материальном обеспечении пожилого населения.

Доля активных участников социального страхования в Китае и Республике Корея составляет 80–75%, в Малайзии – 50%, а во Вьетнаме и Индонезии – около ¼ работающего населения [20. Р. 18]. Свою роль в достижении тех или иных уровней участия играют и законодательные ограничения, действующие в отношении отдельных категорий работников (самозанятых, временных работников, домашней прислуги, платформенных работников и др.), неустойчивый и низкий уровень доходов и стимулов для участия в страховых схемах, отсутствие доверия к действующим в данной сфере институтам. По данным обследований рабочей силы, проведенным МОТ во Вьетнаме, среди самозанятых и работников семейных предприятий страхуется 0,1–0,3%. Традиционно очень высок уровень зависимости участия в социальном страховании от величины предприятия или фирмы и от принадлежности к той или иной доходной группе работающих. В Индонезии, по данным на 2019 г., доля охваченных социальным страхованием работников, принадлежащих к 4 и 5 квинтилю, составляла, соответственно, 55 и 80%, а к 1 и 2 квинтилям – 5% и 10%. Более высоки показатели участия для нижних доходных групп во Вьетнаме, но разрыв между нижним и верхним квинтилями составляет более 4 раз. С течением времени доля участников повышается, но в основном за счет средних классов, и процесс идет очень медленно. Самозанятые с невысокими доходами не проявляют интереса к страхованию социальных рисков и накоплению пенсионных прав. Для широкого охвата, без дополнительных стимулирующих мер, необходимой инфраструктуры, более эффективных механизмов участия государства в формировании накопительных

пенсий и гарантий сохранности средств пенсионных накоплений, а также грамотной пропаганды, потребуются несколько десятилетий [20. Р. 20].

Особенности социальной защиты пожилого населения в государствах Восточной Азии. Для государств Восточной Азии, находящихся в авангарде процессов старения населения, особенно важным компонентом социальной повестки становятся задачи пенсионного обеспечения, защиты численно растущего пожилого населения от рисков недостаточных доходов и невозможности удовлетворять базовые потребности в медицинском обслуживании и долговременном уходе. На общемировом фоне показатели расходов на пенсионное обеспечение в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии (5,7% ВВП в среднем по странам в 2020 г.) существенно отставали от демографически значительно более «старых» стран Западной и Восточной Европы (11,3% и 10,7% соответственно), в меньшей степени от стран Северной Америки (6,8% ВВП), находясь на уровне латиноамериканских государств и значительно превышая показатели поддержки пожилых в странах Африки и Южной Азии [21. Р. 176]. Среди лиц пенсионного возраста доля получающих пенсии (страховые и нестраховые, базовые) превышает 88% (в Латинской Америке этот уровень составляет 75%, в государствах Западной и Восточной Европы и Северной Америки – 95–97%), пенсионным страхованием охвачено около 55% рабочей силы региона [21. Р. 171, 176]. В ряде стран региона, включая КНР и Таиланд, охват пожилого населения пенсионным обеспечением достигает 80%. КНР и Таиланд представляют собой примеры стран, где в результате реформ уровень пенсионного обеспечения лиц старше 60 лет за 2–3 года увеличился с 10% до 70% и более. Во Вьетнаме базовую (нестраховую) пенсию получают все лица старше 80 лет, а также более молодые, но одинокие лица пенсионного возраста [20. Р. 43].

Среди пенсионных систем, которые используются в странах, есть и традиционные распределительные страховые схемы, основанные на объединении рисков участников и перераспределении между ними пенсионных средств, и схемы индивидуальных счетов (резервные, провидентные фонды), и комбинированные схемы, а в отдельных случаях – профессиональные пенсии. Схемы с установленными взносами используются в Малайзии, Сингапуре, КНР, Индонезии; традиционные распределительные схемы с установленными выплатами действуют в рамках обязательного пенсионного обеспечения в Корее, Таиланде, Вьетнаме, на Филиппинах. В ограниченных масштабах сохраняются программы социальной защиты, отнесенные полностью к ответственности работодателя, создающие серьезные отрицательные стимулы при приеме на работу пожилых граждан и женщин. Хотя большинство пожилого населения получает пенсии, но во многих случаях эти выплаты недостаточны для удовлетворения базовых потребностей. Размер, например, базовых (нестраховых) пенсий в странах Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия, Вьетнам) ниже международных границ крайней бедности (1,9 долл. в день), колеблясь в пределах

0,9–1,5 долл. по PPP в день в душу [20. Р. 46]. В КНР, Малайзии, Сингапуре, Таиланде нет ни минимальных, ни базовых пенсий, а размер социальной помощи составляет, например, в Таиланде и Малайзии – 4,1–4,3% от средней заработной платы в стране [15. Р. 12].

Таблица 1

Структура государственных пенсионных систем

Страна	Базовая	Минимальная	Социальная помощь	Тип системы
Вьетнам		+	+	DB
Индонезия		+		DC
КНР			+	DB/DC
Корея			+	DB
Малайзия			+	DC
Таиланд			+	DB
Филиппины	+	+		DB

Источник: Pension at a Glance. Asia/Pacific 2018.

Сфера социальной политики, как правило, не является приоритетом для национальных бюджетов. Расходы на социальное обеспечение и защиту (без здравоохранения) находятся в пределах 7,2% ВВП (Китай), 6,3% (Республика Корея), 1,3% ВВП (Индонезия). Даже в относительно более развитых Сингапуре и Малайзии эти расходы составляют немногим более 4% ВВП. Кроме минимального, безвзносного уровня защиты, страны ориентируются (исходя как из традиционных установок, так и из законодательных норм) на неформальные внутрисемейные, межпоколенные источники финансовой и нефинансовой поддержки пожилых. Согласно материалам обследования доходов домашних хозяйств в Таиланде, основными источниками доходов пожилых неработающих граждан были внутрисемейные трансферты – 36% от общих доходов, пенсии – 31% и социальная помощь из различных несемейных источников – 17% [2. Р. 30]. Процессы ускорения экономического развития и урбанизации способствуют изменению традиционной системы семейных ценностей. В быстро стареющем Таиланде у граждан в возрасте 80 лет и старше в среднем 4 детей, у 50–54-летних – уже менее двух (1,9), а среди современных городских семей распространенным явлением становится вообще отсутствие детей [18. Р. 13]. Эти тенденции приближают определенную часть азиатских государств к странам Запада, в то же время в большинстве стран восточноазиатского региона домохозяйства пожилых граждан сохраняют иную модель потребления, отличающую их от западных образцов. В развитых странах душевые расходы лиц в возрасте 65 лет и старше на потребление, по расчетам, составляют 1,1–1,3 от потребления лиц основного трудоспособного возраста (25–64 года), детей –

0,85–0,9; в восточноазиатских государствах иными являются не только абсолютные, но и относительные показатели этого соотношения: в КНР, например, для пожилых – 0,8 от уровня лиц трудоспособного возраста, для детей – 1,1, в Корею – соответственно, 0,9 и 1,05 [1. Р. 3].

В структуре потребления пожилых граждан в странах, не входящих в группу наиболее развитых по региону, большую долю занимают расходы на питание (в КНР – 30%, Таиланде – 40%) и на очень низком уровне находится доля персональных услуг (в КНР – 5%, для сравнения: в Японии – 20–25%) [2. Р. 22]. Пожилые граждане в развитых странах значительно больше расходуют на услуги медицины, ремонта жилья, отдых и развлечения.

В отличие от европейских лиц старших возрастных групп, для пожилого населения Восточной Азии характерен длительный период занятости после достижения формального пенсионного возраста. Среди лиц в возрасте 65 лет и старше в странах ОЭСР в среднем работает 15%; в Корею, Таиланде Сингапуре – 28–29%, в Китае – 23% [2. Р. 29]. Традиционная модель: молодые работают и накапливают средства, и наибольший уровень накоплений отмечается в конце трудовой карьеры, а более старшие поколения расходуют аккумулированные средства, – не в полной мере соответствует положению в азиатских государствах. В странах региона, по которым есть информация (Филиппины, Республика Корея, Япония), снижение частных накоплений в расчете на душу населения начинается позже, чем в странах Европы и Северной Америки, с 76–80 лет [2. Р. 17].

Таблица 2

**Экономически активное население по возрастным группам
(2018 г. в % от численности данной возрастной группы)**

Страна	55–59 лет	60–64 года	65 лет и старше
Индия	92	71	44
Индонезия	88	77	55
КНР	80	58	27
Япония	93	80	31

Источник: Ageing societies. Policies and perspectives. Asian Development Bank Institute. 2019. Р. 62.

Старение в Восточной и в ряде государств Юго-Восточной Азии идет более быстрыми темпами, чем в других регионах мира. В развитых странах увеличение доли населения старше 65 лет с 7% до 14% (от категории «стареющего» с «старому» обществу) шло постепенно в течение многих десятилетий (во Франции 115 лет, в США – 69 лет). В азиатском регионе демографический переворот уже произошел или произойдет в течение 20–25 лет. Доля лиц в возрасте 65 лет и старше в 2020 г. составляла в Корею 15,8%, Сингапуре и Таиланде более 13%, в Китае – 12% населения. Корея и Сингапур станут, по прогнозам, «супер пожилыми» странами (доля лиц 65 лет и старше более 21% населения)

к 2030 г., КНР и Таиланд — к 2035 году. Демографический дивиденд сохраняется в Индонезии, на Филиппинах и во Вьетнаме, где доля лиц в возрасте 65 лет и старше может достичь уровня стареющего общества (7% населения) только после 2025 г. (доля лиц в возрасте 65 лет и старше в Индонезии — 6,6%, на Филиппинах — 5,5%, во Вьетнаме — 7,9%) [11. Р. 118].

Небольшие открытые и богатые экономики (Сингапур) могут снижать негативный демографический эффект за счет импорта рабочей силы. Для в основном многонаселенных стран региона более подходящими альтернативными сценариями являются продление трудовой жизни и повышение качества рабочей силы. Несмотря на низкий пенсионный возраст (как правило, за редким исключением 60–55 лет для мужчин и 55 для женщин), и необходимость прекращения работы для получения пенсии, занятость лиц старших возрастных групп и так уже значительная и составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ пожилого населения. В Японии и Корее действуют системы субсидий для компаний, нанимающих пожилых работников, в Сингапуре из специального фонда выплачиваются гранты организациям, переобучающим возрастных сотрудников, в ряде стран существует практика уплаты более низких страховых взносов за работников предпенсионного и пенсионного возраста, косвенно стимулирующая работодателей нанимать эти категории. Но в целом группа работников от 60 лет и старше, как и в других регионах, является наиболее уязвимой при официальном трудоустройстве и осуществлении трудовой деятельности, на минимальном уровне находится система переподготовки данной возрастной категории (менее половины от процентного участия в обучении других возрастных групп) [2. Р. 29]. Это связано со сложившимися стереотипами в обществе и существованием значительной возрастной дискриминации, которая на современном этапе развития информационных технологий только усилилась. Но в среднесрочной перспективе, по мере повышения уровня образования и расширения цифровых компетенций новых поколений, ситуация должна измениться. В настоящее время большинство пожилых занято в неформальном секторе экономики стран. Например, согласно исследованию рабочей силы в Таиланде в 2019 г., в возрастной группе 60–69 лет работало 66% мужчин и 45% женщин, а среди лиц в возрасте 70–74 года — соответственно, 31% и 16%. Но основной сектор приложения труда пожилых работников — плохо оплачиваемые рабочие места в секторе самозанятости, в возрасте 65–70 лет доля самозанятых составляла среди работающих 70%, в более старших возрастах — уже 80% [18. Р. 12].

Модели пенсионных систем. Страны региона используют разные модели пенсионного обеспечения, от солидарных до накопительных. Но общими главными задачами на современном этапе являются расширение охвата пенсионным страхованием и обеспечением, повышение уровня пенсионных выплат, решение вопросов их индексации и в перспективе нахождение механизмов обеспечения финансовой устойчивости пенсионных систем в условиях новой

демографической реальности. Многие вопросы, касающиеся страхования и адресной помощи пожилым, которые ранее представляли сложность, — например, ведение реестров, сбор данных, бухгалтер и др. в настоящее время решаются с помощью цифровизации. В силу высокой доли среди занятых работников неформального сектора, важной задачей остается привлечение их к участию в страховании, которое даже в относительно богатых странах — например, в Малайзии — далеко от универсального. А учитывая высокую мобильность азиатской рабочей силы, одним из представляющихся возможных решений является использование схем с установленными взносами, основанных на индивидуальных счетах.

Особый интерес в этом плане представляют гибридные формы накопления на пенсии и на текущие нужды под государственным управлением, резервные (провидентные) фонды в Малайзии и Сингапуре. В Малайзии действует сложная система, включающая разные схемы пенсионного обеспечения для работников государственного и частного секторов, для иностранных рабочих, для домохозяйек, для занятых с низкой заработной платой, но основным пенсионным институтом является Резервный (Провидентный) фонд для наемных работников частного сектора. На его участников заводят 2 вида счетов: первый — для пенсионного обеспечения; второй можно использовать до достижения пенсионного возраста на определенные расходы — лечение, получение образования, покупку жилья и др.; после достижения застрахованным 55 лет оба счета объединяются в один. Для наемных работников частного и части государственного секторов экономики страхование обязательно; для самозанятых, домашней прислуги, иностранных рабочих, жен предпринимателей — добровольное. Размер взносов для первой категории составляет 11% заработной платы (для занятых до 60 лет; наемные работники более старшего возраста с 2019 г. страховые взносы не выплачивают), для работодателей 13% за работников до 60 лет, за более старших — 4% [16. Р. 172].

Добровольные участники могут самостоятельно выбирать размер отчисляемых взносов (для отдельных категорий самозанятых предусмотрен небольшой размер софинансирования взносов со стороны государства). Государственные структуры инвестируют накопленные средства, гарантированная доходность размещенных в фонде средств 2,5%. При достижении определенного уровня накоплений на первом пенсионном счете застрахованный может инвестировать часть средств в другие финансовые структуры из разрешенного списка для повышения доходности вложений. Традиционной практикой таких фондов в общем, и в стране, в частности, является единовременная выплата всей суммы накоплений при выходе участника на пенсию, и по данным национальных исследований, до 70% пенсионеров расходуют аккумулированные средства в течение уже 3–5 лет после прекращения работы [3. Р. 56]. Социальная помощь предоставляется только одиноким пожилым гражданам после оценки нуждаемости.

Еще более высокий уровень взносов и более широкую гамму страховых и финансовых продуктов предоставляет Сингапурский Центральный провидентный (резервный) фонд. На участников заводится 4 вида накопительных индивидуальных счетов: обычный для финансирования расходов на жилье, разрешенные инвестиции, страхование жизни и имущества и образование застрахованного и его детей; специальный, предназначенный для пенсионного обеспечения и инвестиций в финансовые продукты, связанные с пенсией; еще один счет формируется для покрытия медицинских расходов; четвертый вид счетов заводится на граждан после 55 лет и предназначен для выплаты пенсий. Суммарный размер взносов в фонд работников и работодателей зависит от возраста застрахованного: максимальные взносы за работников в возрасте до 55 лет – 37% заработной платы, а минимальные для работающих после 65 лет – 12,5%. Лица с низким доходом от занятости делают взносы в фиксированном размере, также зависящем от возраста, основную часть которых субсидирует государство. Самозанятые в обязательном порядке должны делать взносы в размере 4-10,5% доходов только на счет медицинского страхования [16. Р. 228]. Из значительного объема индивидуального накопления непосредственно на пенсионное обеспечение идет только 6% (23% на общий счет, 8% на накопления для оплаты услуг здравоохранения), что ведет к недостаточному уровню накоплений у значительной части пенсионеров, как и в Малайзии. Отдельную проблему составляет задача улучшения инвестиционной отдачи резервных (провидентных) фондов.

Даже при условии хорошей организации систем с установленными взносами существует большой комплекс причин получения недостаточного размера накоплений при выходе на пенсию как субъективных, так и не зависящих от поведения застрахованных лиц. Среди этих причин – сложности соблюдения баланса между текущим и будущим потреблением, рост продолжительности жизни, низкий уровень и интенсивность уплаты взносов, перерывы в занятости, невысокий уровень доходности вложений, ситуация на финансовых рынках и т.д. Данные системы не предусматривают сколь-либо существенных элементов перераспределения, а высокий уровень рисков и низкая платежеспособность значительной части самозанятых и работников неформального сектора ограничивает возможности добровольного страхования в странах со средним и невысоким уровнями экономического развития. Альтернативой считаются многоуровневые системы, содержащие и распределительные, и накопительные компоненты, включая, как дополнительную опцию, резервные фонды для самозанятых и других категорий, заинтересованных в пенсионном накоплении.

Многоуровневые пенсионные системы КНР и Таиланда. С 2021 г. КНР вступил в этап сокращения абсолютной численности лиц трудоспособного возраста

и исчезновения демографического дивиденда экономического роста, обеспечивавшего 2% к годовому росту экономики [19. Р. 6]. В результате длительного периода проведения политики «одна семья – один ребенок», к 2010 г. общий коэффициент рождаемости в стране снизился до минимальных размеров 1,18 детей на одну женщину. Для исправления ситуации власти дважды вносили коррективы в демографическую политику, в 2015 было принято решение разрешить семьям иметь 2 детей без использования штрафных санкций, в 2021 г. – 3, но, по мнению экспертов, принципиально это ситуацию не изменит. Для поддержания общего коэффициента рождаемости даже на уровне 1,3–1,6 ребенка на женщину потребуются меры по субсидированию ухода за детьми, поддержки гибкой занятости, дальнейшего развития системы образования и переподготовки. Одновременно улучшаются общие показатели популяционного здоровья; продолжительность предстоящей жизни в 2021 г. в стране, несмотря на пандемию, продолжала расти и составила 77 лет, что неизбежно усиливает внимание к вопросам материального и медицинского обеспечения растущего числа пожилых граждан.

Формирование современной пенсионной системы страны идет со второй половины 90-х годов прошлого века. До 2015 г. государственная пенсионная система состояла из 4 отдельных схем; в настоящее время действуют 2 параллельные программы: Базовая система пенсионного страхования (BOAI Basic Old Age Insurance) для городских наемных работников частного и государственного секторов экономики, в том числе и работников с гибкой занятостью, и Единая пенсионная схема для городских и сельских жителей (URRPS), включающая работников сельского хозяйства и неформально занятую рабочую силу в городах [7]. К 2020 г. охват этими двумя системами составил 84% взрослого населения страны, из них 456 млн составили участники Базовой системы для наемных работников города и 532 млн – Единой пенсионной системы для городских и сельских резидентов [13. Р. 5]. Обе схемы содержат распределительные и накопительные (условно накопительные) элементы, но значительно отличаются по ряду параметров.

В Базовой системе для городских работников многие параметры определяются региональными властями с учетом местных социально-экономических показателей, что вполне объяснимо, исходя из разницы демографических и экономических условий регионов. Работодатели должны отчислять не более 20% фонда заработной платы в первый солидарный распределительный уровень (поскольку руководством страны поставлена задача снижения налоговой нагрузки на труд, то в основном размер взносов по регионам составляет 14–16%) [22. Р. 4]. Расчет пенсии для первого уровня осуществляется с учетом средней заработной платы в регионе (региональный уровень может быть уровнем средней заработной платы в провинции, городе или даже районе, в зависимости от административно-территориального деления страны) и индивидуальной

заработной платы и длительности страхования. Минимальный стаж для получения солидарной части пенсии составляет 15 лет, в противном случае необходимо продолжить работу до достижения этого уровня.

Работники вносят 8% заработка (до верхнего лимита 3 средних заработных плат по региону) на индивидуальный накопительный счет. При введении системы предполагалось осуществлять реальное накопление этих взносов, но во многих регионах собранные средства шли на выплату текущих пенсий и постепенно данные счета приобретали характер условно накопительных, без реального инвестирования. Ежегодно на средства на пенсионных счетах начисляются проценты, размер которых определяется региональными властями, исходя из параметров роста средней региональной заработной платы и показателей деятельности местного финансового рынка.

При расчете будущей пенсии учитывается предполагаемый период дожития, в зависимости от возраста выхода на пенсию (от 233 месяцев при выходе на пенсию в 40 лет, до 56 месяцев – в 70 лет) [15. Р. 42]. Минимальный размер базовой пенсии и выплат из средств индивидуального счета при выполнении необходимых условий по длительности страхования составляет 40-60% от средней месячной заработной платы работника за предыдущий год (в зависимости от региона). Правила расчета взносов и пенсий определяются центральным правительством, но региональные власти имеют право корректировать в значительных масштабах их реальные размеры. Относительно ниже взносы и выше пенсии в провинциях с более широкими возможностями трудоустройства, где существенно лучше и показатели демографической структуры. (Соотношение числа плательщиков взносов и численности пенсионеров колеблется от 9,28 в провинции Гуандун до 1,34 в провинции Хэйлунцзян (в среднем по стране 2,75) [9. Р. 34].

Во второй схеме пенсионного обеспечения сельских и городских резидентов также предусмотрены базовая и накопительная части, но применяются иные правила выплаты взносов и расчета пенсий. Плательщиком взносов в базовую часть выступает не работодатель, а государство. Финансирование базовой пенсии для застрахованных по этой системе лиц из Центральных и Западных провинций осуществляется в фиксированном размере в расчете на каждого участника полностью из централизованных бюджетных средств, в более благополучных с экономической точки зрения Восточных провинциях часть расходов по пенсионному софинансированию берут на себя местные власти, которые могут делать и дополнительные взносы в пенсионные фонды. Финансированием индивидуальных счетов занимаются сами застрахованные, которым предоставлено право выбирать размер взносов по 12-балльной шкале: от 100 до 2000 юаней в год. Но так как размер взносов мало коррелирует с величиной государственных субсидий и размером пенсий, большинство участников выбирает ми-

нимальный уровень взносов и период страхования (15 лет). Тем не менее благодаря введению этой пенсионной схемы, субсидируемой государством, в конце 2020 г. более 30 млн бедных граждан, достигших 60 лет, стали получать пенсии [6].

Самозанятые, включенные в Базовую схему для наемных городских работников, должны выплачивать 12% от местной заработной платы в солидарную часть и 8% от своих доходов на индивидуальный счет. В случае подключения ко второй схеме они выбирают размер взносов на индивидуальный счет по действующей в регионе 12-балльной шкале. Несмотря на формирование специальной схемы, сложную проблему для пенсионной системы страны продолжают составлять внутренние мигранты, которые не страхуются по месту работы, а продолжают оставаться на социальном учете по месту первоначальной регистрации (хукоу). Доля внутренних мигрантов составляет более трети занятого населения в стране, а в таких городах как Шанхай и Пекин – до половины [12. Р. 20]. Самозанятые, работники, включенные как в традиционные, так и в новые гибкие формы занятости, живут в условиях очень высокой неопределенности и сталкиваются с более серьезным уровнем риска, но невысокая платежеспособность превращают их в малоинтересный сегмент для страхового рынка, тем не менее продолжается поиск различных схем привлечения их к пенсионному страхованию, реформирование системы социальной регистрации (хукоу).

Китайские специалисты признают сохранение большой разницы в пенсионном обеспечении городских наемных работников и застрахованных по схеме для сельских и городских жителей: средний размер пенсии в 2020 г. по первой схеме составлял 3350 юаней в месяц, или около 70% от средней заработной платы в городе; во второй добровольной схеме, при значительно более низких взносах, – 174 юаня в месяц и не достигал прожиточного минимума жителя села. Уровень базовой части пенсии для сельских и городских резидентов находится в пределах 10–25% от величины душевого потребления жителей сельской местности, в зависимости от региона [9. Р. 22].

Одними из широко используемых в мировой практике мер ответа на изменение соотношения работающего населения и пенсионеров являются повышение пенсионного возраста и изменение правил назначения пенсионных выплат, в частности, продление необходимого страхового стажа. Действующий пенсионный возраст в КНР, установленный еще в 1950 г., составляет 60 лет для мужчин и 55 или 50 лет для женщин. (Среди женской рабочей силы более 90% выходят на пенсию в 50 лет). Есть планы постепенного повышения пенсионного возраста и необходимого страхового стажа до 20–30 лет и в будущем, возможно, введения автоматической корректировки пенсионного возраста в соответствии с повышением продолжительности жизни.

Другой актуальный вопрос, требующий решения, – вопрос сохранения финансовой стабильности системы в ближайшей перспективе. В период с начала

90-х годов прошлого века и до сегодняшнего дня доходы фондов Базового социального страхования ежегодно превышали их расходы (в 2019 г. доходы составляли 5,5% ВВП, а расходы – около 5%) [12. Р. 15]. Но порядка 20% доходов фондов, по данным на 2016 г., составляли субсидии из бюджета (около 0,9% ВВП), и их доля постепенно увеличивалась (в 2002 г. – 14%, 2010 г. – 15%). Предполагаемый период роста величины аккумулированных средств Базовой системы пенсионного страхования для наемных городских работников, при сохранении текущих параметров системы, продлится до конца 2020-х годов, далее прогнозируется начало процесса быстрого расходования накопленных резервов. Еще раньше проблемы с финансовой устойчивостью должны проявиться в системе фондов для сельских и городских резидентов. Эта группа фондов меньше по размеру и в большей степени зависит от государственного финансирования: в 2018 г. 72% доходов фондов составляли субсидии, 23% – взносы участников и около 4% доходы от инвестирования страховых резервов, но сами размеры субсидирования были существенно ниже (0,28% ВВП) [13. Р. 14]. Накопленный на начальных стадиях функционирования резервный фонд системы фондов для сельских и городских жителей, по оценкам отдельных экспертов, может быть полностью исчерпан в период 2035–2040 гг. [17. Р. 1–17].

В качестве одной из мер решения проблемы будущего финансирования пенсионного обеспечения в условиях ускоренного старения населения выступает организация Национального фонда социального страхования как стратегического резерва, аккумулирующего средства для поддержания будущих расходов на социальное обеспечение и другие социальные нужды. Источниками финансирования данного фонда выступают средства, поступающие из центрального бюджета, капитал и активы в виде акций предприятий с государственным участием при продаже долей государственных участников, другие источники, утвержденные Госсоветом страны (лотереи, плата за получение лицензий), инвестиционные доходы от размещения временно свободных средств.

Для оценки перспектив развития с 2018 г. в ряде наиболее экономически успешных провинций начали действовать пилотные программы по стимулированию добровольного индивидуального частного пенсионного страхования с использованием льготного налогообложения (по схеме освобождения от налогов взносов и инвестиционного дохода и налогообложения только выплачиваемых пенсий). В пилотном проекте Шанхая граждане могут до 1 тыс. юаней в месяц перечислять на покупку пенсионных страховых продуктов [8. Р. 5]. В 2020 г. в период введения ковидных ограничений начала реализовываться программа создания корпоративных пенсионных фондов, но пока что в ней участвует менее 0,5% от всех фирм в стране, в основном – крупные государственные или частные инфраструктурные компании (железные дороги, электросети), а охват новыми программами составляет 3,5% занятого населения.

Свой уникальный опыт формирования сложной многоуровневой системы в условиях быстрого изменения демографической структуры населения имеет и Таиланд. В действующую систему пенсионного обеспечения входит социальная пенсия, получившая с 2009 г. практически универсальное распространение в стране. Ее получают 85% лиц старше 60 лет, в том числе 51% получает только социальную, а 34% – социальную и какой-либо вид страховой пенсии. Размер социальной пенсии, в зависимости от возраста, составляет 600–1000 бат (20–30 долл. в месяц) или 3% от уровня ВВП в расчете на душу населения (это наиболее низкий относительный показатель выплат по линии социальных пенсий: в Индонезии и Вьетнаме, например, он составляет 5,5–6% от душевого уровня ВВП в этих странах). Для дополнительной поддержки низкодоходных групп населения используются и система карточек для приобретения товаров в специализированных магазинах, проезда на транспорте, получения скидок для приобретения бытового газа.

В состав следующего (первого) уровня пенсионного страхования входят: схема обязательного страхования наемных работников частного сектора (размер обязательных взносов – 3% для работодателя, 3% для работника и 1% вносит государство), добровольная схема для работников, которые ранее страховались в обязательном порядке, но поменяли свой трудовой статус (размер взносов составляет фиксированную величину, 9% от базовой заработной платы или 432 бат в месяц), добровольная схема для других категорий работающих, не застрахованных по каким-либо иным программам (размер взносов здесь также фиксируется: 100 или 300 бат в месяц с доплатой от государства, соответственно 50 или 150 бат.) Первые две схемы страхования относятся к категории схем с установленными выплатами (DB), последняя – к категории накопительных схем с установленными взносами (DC). Доля участников системы социального страхования по этим 3 схемам достигает 40% работающего населения, в том числе, в рамках обязательного страхования 31% и более 8% – в системе добровольного [18. Р. 39–45].

Отдельная система с распределительными и накопительными компонентами функционирует для госслужащих [14. Р. 3]. Кроме этого, в сегменте профессионального пенсионного страхования действуют накопительные резервные (провидентные) фонды, формируемые работодателями для своих сотрудников, в которые работодатели и работники могут отчислять от 2 до 15% заработной платы. Для неформально занятых и безработных с 2011 г. внедрена еще одна система – Национальный накопительный фонд, в который граждане могут делать взносы в пределах от 50 до 13,200 бат, а государство софинансирует эти платежи в зависимости от возраста плательщика (от 66 бат до 1,200 бат в год). По данным на 2019 г., в данной добровольной схеме накопления участвовало 6% занятого населения, или 10% от численности неформально занятых,

но реально платит взносы лишь часть формальных участников – главным образом из числа лиц более старших возрастов, для которых предусмотрены более высокие уровни государственного софинансирования.

Государственные расходы на пенсии в Таиланде, несмотря на введение практически универсальных социальных пенсий, низкие по международным стандартам 1,9% ВВП в 2019 г.; $\frac{2}{3}$ идет на пенсионное обеспечение госслужащих (1,4% ВВП), на выплату социальных пенсий – 0,4% ВВП [18. Р. 4].

Еще относительно недавно условная западная модель социальной политики, обеспечивающая высокий уровень социальных гарантий для всего населения, рассматривалась как безальтернативный эталон для государств с формирующимися рынками. В настоящее время в условиях роста нестабильности и возникновения новых категорий рисков идут процессы постепенного демонстража громоздкого и расточительного «государства благосостояния». Вопросы моделей социального обеспечения и уровня социальных гарантий, обеспечиваемого государством, выдвигаются в число наиболее значимых, наряду с ускорением развития и цифровизацией экономики, в ряде среднеразвитых азиатских экономик, которые в течение короткого периода времени столкнутся или уже столкнулись с новой демографической реальностью, не успев достигнуть высокого уровня благосостояния. В государствах Восточной Азии идут широкомащтабные процессы сокращения численности и доли лиц, живущих в условиях крайней нищеты, в том числе и за счет развития пенсионного обеспечения, но одновременно углубляется социально-экономическое неравенство, усиливается сегментация рынков труда, не сокращается доля неформального сектора в занятости. В атмосфере ускорения темпов старения населения особую важность приобретает вопрос использования отвечающей новым вызовам модели пенсионного обеспечения, стимулирующей расширение участия в пенсионном накоплении (реальном или условном) самых широких слоев работающего населения и защиты растущей доли пожилых от рисков неадекватных доходов и невозможности удовлетворения базовых потребностей. В странах Восточной и Юго-Восточной Азии накоплен важный опыт использования различных схем пенсионного обеспечения, включая гибридные формы накопления на пенсии и текущие нужды под государственным управлением (Малайзия, Сингапур) и сложные многоуровневые конструкции, соединяющие солидарные и накопительные компоненты, обязательное и добровольное участие в страховых схемах социальных партнеров и предполагающие активную роль различных уровней государственной власти в финансовой поддержке страховых программ.

Чудесной формулы пенсионного обеспечения не существует. Традиционно азиатское население рассчитывает на неформальную семейную поддержку и про-

должает работать до глубокой старости, если позволяет здоровье. Для региона характерны низкий уровень государственных расходов на пенсионное обеспечение и длительная традиция использования индивидуального накопления для поддержки пожилых. В современных условиях роста неопределенности и возникновения новых рисков, страховые принципы пенсионного обеспечения сохраняют свою основную стабилизирующую роль. Другой сектор пенсионной системы, нестраховые (не предполагающие уплату взносов) схемы в основном носят адресный характер и служат дополнением к страховым, основной проблемой здесь является сложность дифференциации и выделения нуждающихся групп в условиях низкой разницы в доходах основной массы населения.

Китайское очень большое, сложное и быстро меняющееся общество с огромными региональными вариациями, на современном этапе сформировало многоуровневую систему, направленную на достижение универсального охвата пенсионным обеспечением, стимулирование включения в страховые схемы широких слоев самозанятого населения и внутренних мигрантов, развитие в перспективе профессиональных пенсий и частного индивидуального страхования. Новые экономические реалии и риски для многомиллионных азиатских государств диктуют необходимость постепенного и взвешенного внедрения новых элементов пенсионного обеспечения с учетом экономических, фискальных и социальных последствий, сокращения зоны неблагополучия среди лиц старших возрастных групп.

Литература

1. Aging societies. Policies and perspectives. Tokyo: Asian Development Bank Institute. 2019. P. 3.
2. *Ahmed E., Phoo T., Amerasinghe S., Narayanan C., Oh K.B.* Special Report. Aging-passing the baton to Asia. Standard Chartered Bank. Singapore. 2017. P. 22.
3. *Asher M.G., Balk A.S.* Malaysia in Pension systems in East and Southeast Asia. Promoting fairness and sustainability. Ed. by D. Park. Manila: Asian Development Bank. 2012. P. 56.
4. *Behrendt C., Nguyen Q., Rany U.* Social protection systems and the future of work: ensuring security for digital platform workers // International security review. Vol. 72. N 3. 2019. P. 7–41.
5. *Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman Q.* World inequality report. 2022. P. 11, 28, 191, 230.
6. China labour bulletin 18 august 2021.
7. *Deng Y., Fang M., Hanewald K., Wu S.* Delay the pension age or adjust the pension benefit? Implications for labor supply and individual welfare in China. NBER working paper 28897. Cambridge 2021.
8. *Dong K., Park D.* Reforming pension insurance in the People's Republic of China. ADB East Asia Working paper series N19. 2019. P. 5.
9. *Feng H., Feng J.* The Chinese pension system. NBER Working paper series. Working paper 25088. Cambridge. 2018. P. 22.
10. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the XXI st. century.
11. Key indicators for Asia and Pacific 2021. Bangkok: Asian Development Bank. P. 123. DOI: <https://dx.doi.org/10.22617/FLS210322-3>

12. *Lee M., Ginting E., Wang L., Wang M.* Maintaining social cohesion in the People's Republic of China in the new era. ADB East Asia Working paper N 22. 2019. P. 20. DOI: <http://dx.doi.org/10.222617/WPS190598-2>
13. *Li Yang.* Towards equity and sustainability? China's pension system reform moves center stage. 2021. P. 5. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3879895>
14. *Pawechawat S.W., Liao L.* Labor supply of older workers in Thailand: the role of co-residence, health and pensions. ADBI Working paper series N1224. 2021. P. 3.
15. Pension at a glance. Asia/Pacific 2018. P. 42. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/pension_asia_2018_en
16. Social Security Programs throughout the world: Asia and Pacific, 2018. SSA Publication N 13-11802. March 2019. P. 228.
17. *Sun L., Su C., Xian X.* Assessing the sustainability of China's basic pension funding for urban and rural residents. Sustainability N 12(7). 2020. P. 1–17.
18. Thailand Social protection diagnostic review. Review of pension system of Thailand. ILO 2022. P. 12.
19. The challenges of population aging in the People's Republic of China. N 2021-2. Asian Development Bank. 2021. P. 6.
20. The protection we want. Social outlook for Asia and Pacific. Economic and social commission for Asia and Pacific, ILO. Bangkok. 2021. P. 9.
21. World Social Protection Report 2020–22. Social protection at the crossroads – in pursuit of better future. Geneva: ILO 2021. P. 176.
22. *Zhao Q., Mi H.* Evaluation on the sustainability of urban public pension system in China. Sustainability, 11, 1418. 2019. P. 4 DOI: 10.3390/SU11051418

Yelena Shestakova (e-mail: eeshestakowa@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics Russian Academy of Sciences (RAS), (Moscow, Russia)

ADHESION TO WELL-ESTABLISHED PRACTICES OR A NEW LOOK AT THE PROBLEM: PENSION SYSTEMS IN THE STATES OF EAST ASIA

The impact of changes in the demographic structure of the population and the associated large-scale social spending on economic development has long been a topic of serious discussion by scientists and journalists from economically developed countries. In the rapidly aging countries of East and Southeast Asia with emerging markets, governments are prioritizing new aspects of the social agenda, including the choice of models, rates and sources for raising the living standard, and the scope of social guarantees provided by the state.

The article discusses a variety of experience in creating pension systems that meet local conditions for senior citizens in the countries of the region.

The main focus is on the analysis of hybrid forms of savings to ensure pensions and meet current needs (Malaysia, Singapore) and complex multi-level systems with almost complete coverage of the elderly people (PRC and Thailand) in Asian countries with the most rapidly aging populations that are not included in the OECD group.

Keywords: demographic situation, social policy, human capital, pension provision.

DOI: 10.31857/S020736760023989-6

© 2023

Татьяна Ладыженская

кандидат экономических наук, доцент Института цифровой экономики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет» (г. Ханты-Мансийск, Россия)
(e-mail: Tladd@mail.ru)

Ольга Костина

кандидат экономических наук, доцент Института цифровой экономики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет» (г. Ханты-Мансийск, Россия)
(e-mail: kostinaov58@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РЕГИОНАХ

Статья посвящена вопросам использования информационных технологий для государственного сектора экономики. По мнению авторов, отсутствие общего платформенного решения, плана цифровой трансформации в сфере государственного управления имуществом не способствует повышению качества оказания услуг и требует разработки мер межведомственного взаимодействия с использованием современных подходов. Результаты исследования:

— осуществлена оценка программных продуктов, используемых в сфере управления имуществом в автономном округе. Выявлено, что в настоящее время Департамент использует восемь мало интегрированных между собой программных комплексов. На основании проведенного нами исследования предлагается разработать единую платформу для управления государственным имуществом, используя кросс-функциональные связи;

— проведен анализ действующего законодательства, который позволил установить характер проблем и основные причины, с ними связанные. Исследование показало, что при совокупном объеме финансирования мероприятий по цифровому развитию округа до 2030 года более чем в 10 млрд рублей, программой не предусмотрены конкретные мероприятия в сфере цифровизации управления имуществом.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке проектов государственных программ, связанных с повышением эффективности управления имуществом в цифровой трансформации.

Ключевые слова: программные комплексы, информационные системы, цифровизация, госсектор, органы власти, государственная собственность, эффективность использования, имущество, цифровая экономика, дублирование информации.

DOI: 10.31857/S020736760023990-8

В настоящее время государственная политика ориентирована на развитие цифровой экономики, которая, в свою очередь, направлена на реализацию приоритетных направлений в развитии страны. Процесс становления цифровой экономики в России затруднен, так как для полного внедрения цифровых технологий необходима благоприятная среда, которая в настоящее время сама

проходит стадию формирования. Можно предположить, что ускорению развития благоприятной среды будет способствовать обеспечение взаимосвязи цифровой экономики с реальной экономикой.

В мире становится очевидным факт роста влияния государства на процесс цифровизации. Данного мнения придерживается большинство современных экономистов, поскольку в настоящее время невозможно осуществление деятельности предприятий и организаций, а также эффективная работа в органах власти, без использования современных средств обработки информации. При этом необходимо учитывать, что государство реализует свои права на объекты собственности посредством функционирования системы управления государственной собственностью, в которую включены органы власти различного уровня.

У цифровой экономики много преимуществ. Она сокращает срок оказания услуг, снижает стоимость транзакций и открывает новые источники дохода. В режиме «онлайн» стоимость услуг ниже, чем в традиционной экономике (прежде всего, за счет снижения затрат на обработку информации и продвижение), а сами услуги, как государственные, так и коммерческие – доступнее. Кроме того, товары и услуги в цифровом мире могут быстро выйти на глобальный рынок, стать доступными людям в любой точке страны и мира в целом.

В современном мире информационные технологии вплетены во все аспекты жизни, в том числе – в деятельность организаций. Для того, чтобы на достойном уровне конкурировать на рынке предоставляемых услуг, организации необходимо быстро подстраиваться под постоянно меняющиеся условия. Такую гибкость может дать достаточная и своевременная цифровизация сферы государственной деятельности. Из чего можно предположить, что цифровизация – это процесс перехода из текущего состояния в более «гибкое».

В отечественной и зарубежной теории и практике недостаточно изучены и используются возможности цифровых технологий, в том числе и в сфере управления государственным имуществом [1; 2. С. 297; 3. С. 46; 4. С. 1169].

Исследования за рубежом также подтверждают, что вопрос вовлечения людей, вносящих свой вклад в инновационный процесс, особенно полезен на начальном этапе управления идеями, когда речь заходит о сборе максимально широкого разнообразия идей [5. С. 19; 6. С. 32]. В основном, соревнования идей проводятся через интернет на определенных платформах [7. С. 80].

Сейчас осуществляется поиск решения проблем управления с помощью краудсорсинга – как внутреннего, в первую очередь, так и внешнего, при котором используются выделенные платформы [8. С. 369].

Л.М. Борщ, С.В. Герасимова, А.С. Тюлин, А.Р. Жарова в своих трудах указывают, что процесс развития современных технологий способствует модернизации производств и росту национальной экономики [9. С. 2141; 10. С. 717].

По мнению В.А. Гордева, С.В. Шкиотова, М.И. Маркина, в настоящее время происходит модернизация технологий и взглядов в экономической теории с целью обеспечения конкурентоспособности экономики [11. С. 69; 12. С. 74].

Я.П. Силин, О.Г. Анимица, Н.В. Новикова, О.С. Сухарев констатируют в своих работах, что под действием новой индустриализации происходит экономический рост [13. С. 5; 14. С. 359].

Как пишет М.И. Воейков, в эпоху цифровизации государство начинает активно вмешиваться в повседневную жизнь граждан, минимизируя социальные риски и содействуя экономическому прогрессу. Государство становится активным и основным экономическим агентом [15. С. 163; 16. С. 49].

Опираясь на взгляды современных отечественных учёных-экономистов, можно предположить, что использование передовых технологий оказывает непосредственное влияние на экономический рост, который проявляется, прежде всего, в росте ВВП.

На данном этапе управления имуществом используются федеральные, региональные, муниципальные информационные системы. Реестр информационных технологий и средств коммуникации, в том числе – в сфере государственного управления имуществом, размещен на портале «Открытые данные России». Однако следует отметить их разрозненность, в ряде случаев дублирование информации, и при этом – узкий охват разработанных платформенных решений по сферам, а также слабую нацеленность на эффективность управления [17. С. 42].

При написании статьи были использованы общедоступные официальные источники: законодательные и нормативные правовые акты в сфере цифровой экономики, труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные данным проблемам.

Исследование включает логические методы анализа и синтеза практических знаний в области управления имуществом, в том числе – методы статистического анализа, графического моделирования и стратегирования.

В своих выводах авторы исходили из методов теоретического и эмпирического познания, ориентированных на правовое обеспечение цифровизации учреждений органов власти, сравнительно-правовой метод в изучении федерального и регионального законодательства, а также методы научного наблюдения: группировку, обобщение, выборку.

Цифровая экономика, основанная на научных знаниях, подталкивает многих отечественных экономистов к проведению исследований в данном направлении.

В этой связи актуальной и полезной может быть оценка используемых и потенциальных возможностей цифровых технологий для управления государственным имуществом.

Задачами теории цифровой экономики является поиск и реализация дополнительных возможностей ее использования на практике, разработка условий и алгоритмов их реализации, в том числе, используя региональные ресурсы.

Одним из острых вопросов развития государственного сектора экономики является эффективность использования государственного имущества. Однако решение данной задачи возможно только в результате консолидации усилий региональных и федеральных властей. С учетом масштаба проблемы, количества государственного имущества и трудозатратности его учета, возникает объективная необходимость использования современных технологий для решения указанных задач. Инструментом для этого выступает цифровая экономика с ее универсальными возможностями.

С целью ускорения процесса внедрения цифровизации на государственном уровне принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В настоящее время основные мероприятия по цифровизации государственного управления сформулированы в рамках разработанного федерального проекта «Цифровое государственное управление», включенного в состав национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации».

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (далее – автономный округ, ХМАО – Югра) принята государственная программа «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», утверждена Стратегия цифровой трансформации автономного округа.

Вопросами реализации единой государственной политики, нормативному правовому регулированию, управлению государственным имуществом, оказанию государственных услуг в сферах управления государственным имуществом, земельных и кадастровых отношений в автономном округе занимается Департамент по управлению государственным имуществом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – Департамент), который является исполнительным органом государственной власти автономного округа и осуществляет соответствующие функции.

Для обеспечения деятельности по управлению имуществом используется ряд информационных систем, которые можно сгруппировать следующим образом:

- информационные ресурсы, обеспечивающие осуществление специальной деятельности, направленной на реализацию полномочий Департамента, автоматизирующие процессы предоставления государственных услуг и осуществления государственных функций;
- информационные ресурсы, обеспечивающие осуществление основной и вспомогательной деятельности, непосредственно не связанной с реализацией полномочий Департамента;
- служебные и инфраструктурные системы и сегменты (табл. 1).

Анализ табл. 1 позволяет сделать вывод о том, что для осуществления деятельности Департамента и подведомственного ему учреждения используется большое количество программных продуктов (8 программных комплексов). Принимая во внимание численность персонала, по нашему мнению, это весомое количество. Кроме того, работа сотрудников существенно усложняется

необходимостью размещать информацию на различных сайтах, порталах и информационных системах.

Количество информационных систем и программ обращает на себя внимание, из чего можно сделать вывод, что до настоящего времени нет полной картины по управлению имуществом. Так, например, программный продукт «ИНЕК Холдинг» не интегрирован с «БАРС-имущество», в котором также предусмотрена возможность финансового анализа организаций, но только в усеченном виде; нет полной интеграции между 1С. Бухгалтерия: Предприятие.8, с 1С. Учет казны и «БАРС-имущество». В связи с этим, с учетом объема поступающей информации возможен многократный ввод одних и тех же данных в ручном режиме и повышения риска ошибок ввода. Интеграция региональных информационных систем отстает от консолидации федеральных систем. В автономном округе примером является работа государственной информационной системы «Государственный заказ» и Единой Информационной Системы в сфере закупок.

Нами проведен углубленный анализ используемого специфического программного обеспечения. Так, программный комплекс «БАРС-имущество» предназначен для формирования актуальной и достоверной информации об объектах имущества. Посредством использования данного программного продукта может решаться ряд задач:

- учет сведений об объектах, включая денежные средства, управление и распоряжение которыми осуществляют государственные и муниципальные органы;
- учет правоотношений и документов, возникающих при управлении государственным имуществом;
- выполнение задач по аналитической обработке информации, ведению учета и составлению отчетности, включая бюджетную отчетность;
- составление единого информационного ресурса для управления объектами, включая государственное и муниципальное имущество, денежные средства и т.п.;
- внедрение информационной системы для предоставления государственных услуг;
- администрирование неналоговых доходов бюджетов;
- мониторинг, контроль и анализ результатов управления объектами;
- взаимодействие между участниками информационной системы, а также участников информационной системы с внешними участниками информационной системы на основе электронного документооборота.

Программой предусмотрена возможность получения из реестра всей необходимой информации, касающейся государственного имущества, которое закреплено за определенным контрагентом (субъектом или организацией),

включая поступления денежных средств по заключенным договорам аренды и купли-продажи.

Кроме этого, посредством данного программного комплекса Департаментом осуществляется взаимодействие с различными организациями (Рис. 1).

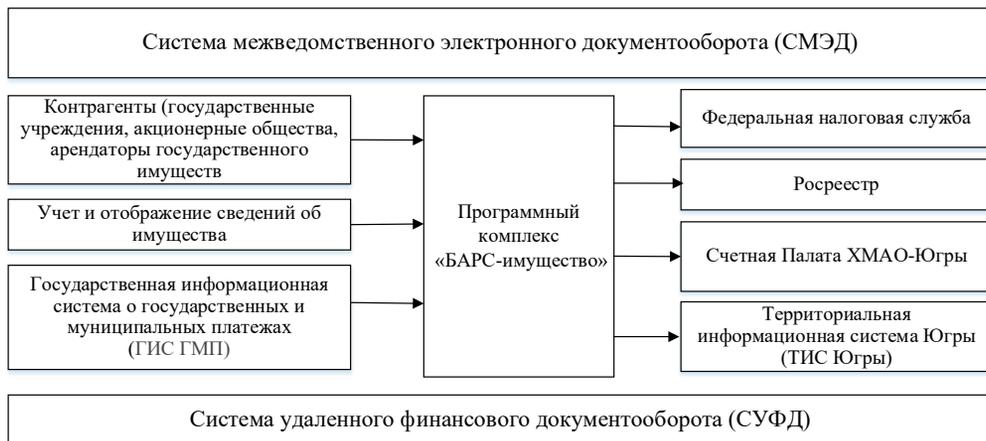

Рис. 1. Схема взаимодействия посредством Программного комплекса «БАРС-имущество»

Источник: составлено авторами.

Основное взаимодействие производится по следующему алгоритму:

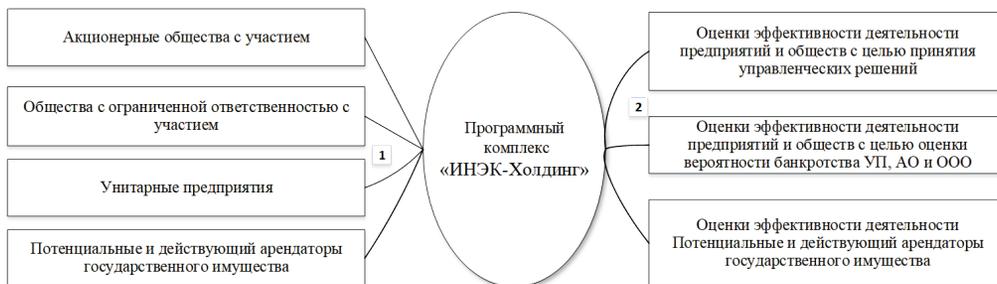
- контрагенты отправляют через личный кабинет документы по имуществу, подписанные ЭЦП со своей стороны, а также обновляют информацию;
- операционист рассматривает поступивший документ.

В случае недостаточной или некорректной информации – связывается с контрагентом. Корректные данные, подписанные ЭЦП всеми участниками процесса, вводятся в реестр госсобственности.

Программный комплекс «ИНЭК-Холдинг» направлен на оперативное выполнение финансово-экономического анализа, планирования и контроля результатов деятельности предприятий всех отраслей, оценки риска банкротства и стоимости чистых активов хозяйствующего субъекта (Рис. 2).

Акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью с участием автономного округа ежеквартально направляют бухгалтерскую отчетность в адрес Департамента, поскольку информация об эффективности их финансово-хозяйственной деятельности необходима для принятия соответствующих управленческих решений, в том числе, в целях реализации государственной программы «Управление государственным имуществом». Вместе с тем, информация о стоимости чистых активов, стоимости бизнеса необходима для

определения целевой функции имущества при принятии эффективных решений об инвестициях, реструктуризации или принятии решения о продаже организаций путем приватизации.

1 – предоставление отчетности Унитарными предприятиями ХМАО-Югры, Акционерными обществами и Обществами с ограниченной ответственностью ХМАО-Югры.

2 – результаты анализа финансово-хозяйственной деятельности.

Рис. 2. Схема взаимодействия Департамента посредством Программного комплекса «ИНЭК-Холдинг»

Источник: составлено авторами.

В ходе реализации договоров аренды государственного имущества в ряде случаев возникают ситуации, при которых арендаторы не имеют возможности погасить арендную плату. Качественный анализ бухгалтерской отчетности контрагента с применением программного комплекса «ИНЭК-Холдинг» позволяет принять своевременные решения по взысканию возникшего долга в судебном или добровольном порядке.

Вместе с тем с целью заключения контрактов на аренду государственного имущества, потенциальные арендаторы могут представлять отчетность в составе пакета документов для участия в торгах. Данные отчетности также анализируются с использованием программного комплекса «ИНЭК-Холдинг».

Программа «Полигон: Изменения кадастра» (Рис. 3) предназначена для внесения изменений характеристик земельных участков и объектов недвижимости в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) органами государственной власти и местного самоуправления посредством подготовки электронных XML-документов (картографических). Она обеспечивает:

- ввод, сохранение, редактирование передаваемых сведений об изменениях характеристик земельных участков и объектов недвижимости;
- проверку введенных данных на соответствие XML-схеме, соответствие логическим взаимосвязям, предупреждает о наличии ошибок;
- настройку шаблонов документов до распечатки, редактирование и сохранение файлов в программе Word (Writer);

- сохранение постоянных данных, например, о заявителе (также имеются справочные классификаторы, в том числе, адресные);
- добавление электронно-цифровой подписи и ее проверку;
- представление документа в электронном формате.

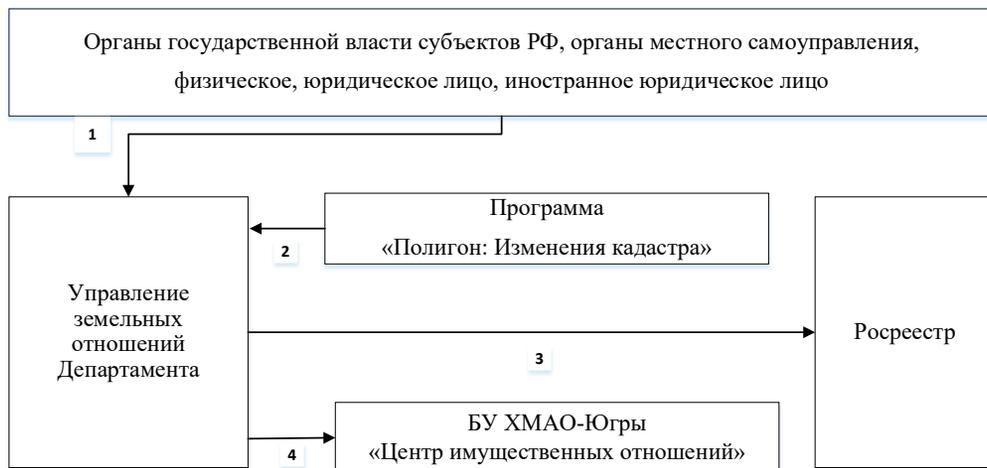

Рис. 3. Схема взаимодействия посредством Программных комплексов Полигон: Изменения кадастра и Кадастровая оценка

Источник: составлено авторами.

В 2021 году подведомственное учреждение Департамента БУ «Центр имущественных отношений» запустило в промышленную эксплуатацию геодезическую сеть специального назначения «Сеть высокочастотного спутникового позиционирования ХМАО-Югры» на базе 20 базовых («референчных») станций и управляющего программного комплекса «Пилот». Основными задачами создания и эксплуатации данной системы является автоматизация процессов сбора, обработки, анализа и предоставления данных об объектах, находящихся на территории автономного округа. Результатом решения поставленных задач являются достоинства данного комплекса:

- высокая точность измерений параметров для геодезистов и кадастровых инженеров;
- упрощение геодезических работ на объектах;
- высокая скорость обработки полученных данных.

Данный программный комплекс может использоваться как специалистами Департамента и работниками подведомственного учреждения, так и другими заинтересованными пользователями за плату в рамках внебюджетной деятельности о предоставлении доступа к данным геодезической сети специального назначения.

Вместе с тем сеть базовых («референсных») станций автономного округа может дополнительно использоваться в целях проведения мониторинга деформаций зданий и стратегически важных сооружений, а также опасных геодинамических процессов, цифровизации и создании 3D-моделей городской инфраструктуры, паспортизации дорожной и городской инфраструктуры, создании цифровых двойников дорог и контроля качества дорожного покрытия (например, в рамках программы «Безопасные дороги»), автопилотирования транспорта и контроля за соблюдением ПДД.

Результаты проведенного нами исследования не только не опровергают, но и подтверждают выводы Е.А. Горбашко и Н.Р. Камыниной о том, что сосредоточение данных о земельных участках (вместе с данными о находящихся на них объектах) позволяет пользователям цифровых сервисов земельных информационных систем более рационально и экономно осуществлять процедуры передачи прав собственности на недвижимое имущество, а субъектам государственного управления недвижимым имуществом организаций – эффективнее управлять процессами в секторе недвижимого имущества страны [18. С. 28].

Вместе с тем задачи экономической науки, в том числе теоретические, заключаются в том, чтобы вскрывать дополнительные возможности развития, в том числе и цифрового [19. С. 25; 20. С. 28], и одновременно показывать механизмы и условия реализации, в том числе, используя региональные компоненты и их плюсы [21. С. 39; 22. С. 38]. В стране существует масса острых вопросов, одним из которых является эффективность использования собственности [23. С. 2036;], поскольку эффективное управление в принципе возможно только в условиях сотрудничества федеральных и региональных властей [24. С. 7; 25. С. 22]. Принимая во внимание актуальность проблемы эффективного управления имуществом, его объёмы в РФ, учитывая новые вызовы и угрозы и их влияние на экономику, необходимо оперативно и с наименьшими затратами использовать инструменты цифровой экономики для создания новой универсальной системы учета и управления имуществом не только в автономном округе, но и во всей сфере в целом [11. С. 42].

Кроме использования специфических программных комплексов, Департамент использует в своей деятельности и общераспространённые информационные ресурсы. В частности, для учета расчетов с персоналом по оплате труда применяются «1С: Бухгалтерия государственного учреждения 8» и «Учет труда и заработной платы – АМБа», для обеспечения электронного документооборота – СЭД «Дело».

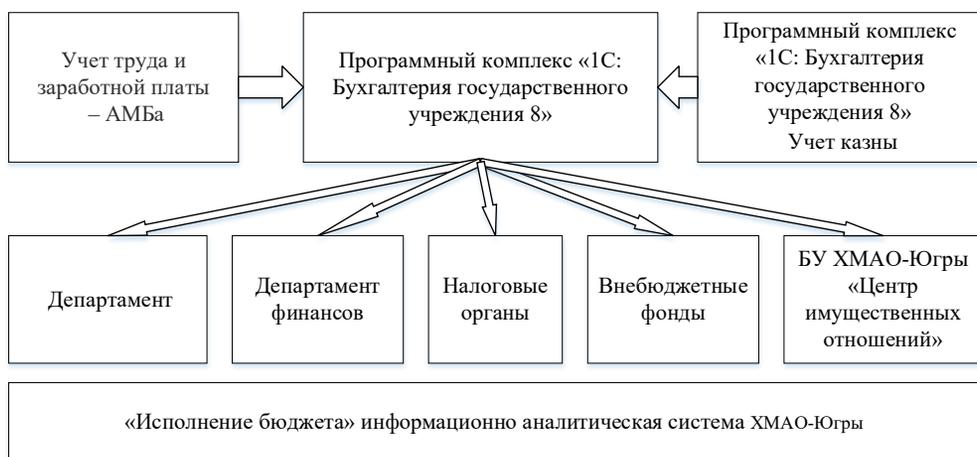

Рис. 4. Схема взаимодействия Департамента при использовании информационно-аналитической системы ХМАО-Югры «Исполнение бюджета»

Источник: составлено авторами.

Программа «1С: Бухгалтерия государственного учреждения 8» предназначена для автоматизации бухгалтерского учета, в том числе государственных учреждений, являющихся главными распорядителями бюджетных средств. Программа учитывает требования, предъявляемые законодательством к бюджетному учету, и позволяет составлять не только бухгалтерскую отчетность, но и формировать отчеты в государственные внебюджетные фонды и составлять налоговую отчетность (Рис. 4).

Вместе с тем Департаментом используется подсистема программы «1С: Бухгалтерия государственного учреждения 8», в которой учитывается наличие и движение имущества казны.

Кроме того, для учета расчетов с сотрудниками используется программа «Учет труда и заработной платы – АМБа». Программа позволяет осуществлять начисление заработной платы и удержания из нее, формировать лицевые счета, списки перечислений в банк заработной платы, расчетные листки для выдачи работникам и другие документы. Данные этой программы ежемесячно выгружаются в программу «1С: Бухгалтерия государственного учреждения 8».

Для осуществления электронного взаимодействия между органами власти и муниципальными образованиями Департаментом используется система электронного документооборота «ДЕЛО», которая представляет собой программное обеспечение для работы с электронными документами на всех стадиях их жизненного цикла: создание, редактирование, хранение. Система поддерживает возможности маршрутизации документов и такие базовые функции, как поиск, классификация и т.п. Доступ в «Дело» происходит через веб-клиент с возможностью подписания и шифрования документов.

Анализ расходов по государственной программе «Управление государственным имуществом» выявил отсутствие средств на цифровизацию, программой также не предусмотрены мероприятия в данном направлении. Вместе с тем в государственной программе «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», срок реализации которой рассчитан на период до 2030 г., сформулирована следующая цель: формирование информационного пространства на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий для повышения качества жизни граждан, улучшения условий деятельности организаций автономного округа и обеспечение условий реализации эффективной системы управления в органах государственной власти автономного округа. Инструментом для достижения данной цели являются подпрограммы: «Цифровой регион» и «Создание устойчивой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры». Совокупный объем финансирования – 10334175,3 тыс. рублей. Наиболее значимыми результатами реализации должны стать:

- увеличение доли массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде, предоставляемых с использованием Единого портала государственных услуг, от общего количества таких услуг, предоставляемых в электронном виде, с 0% до 95%;
- увеличение доли расходов на закупки и/или аренду отечественного программного обеспечения и платформ от общих расходов на закупку или аренду программного обеспечения с 0% до 80%;
- рост цифровой зрелости исполнительных органов государственной власти автономного округа, органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающей использование ими отечественных информационно-технологических решений с 4% до 39%.

При этом конкретные мероприятия, направленные на сферу управления имуществом, не предусматриваются.

Кроме того, стоит отметить Стратегию цифрового развития на период до 2024 г. (далее – Стратегия), принятую Росимуществом в 2019 г., разработанную в целях обеспечения полноты, достоверности и актуальности данных о федеральном имуществе; увеличения доходов федерального бюджета от распоряжения федеральным имуществом; повышения качества оказываемых государственных услуг и функций. Стратегия уже сегодня позволила Росимуществу продвинуться в вопросах цифровизации дальше других, поскольку создана и эксплуатируется Федеральная государственная информационно-аналитическая система «Единая система управления государственным имуществом». Система обеспечивает процесс управления государственным имуществом с применением современных компьютерных возможностей и позволяет составлять

и представлять отчетность о состоянии и движении имущества, принадлежащего РФ.

Однако доступа в данную систему Департамент, как и органы по управлению имуществом других субъектов РФ и муниципальных образований, не имеет. С нашей точки зрения, значительным упущением Стратегии является то, что в ней отсутствуют подходы для охвата всей сферы управления государственным имуществом и, тем более сферы управления муниципальным имуществом [26. С. 225].

Одним из решений данного вопроса является разработка единого платформенного решения в целях управления государственным (муниципальным) имуществом и повышения эффективности его использования, что также позволит уменьшить бюджетные расходы за счет единообразия алгоритмов, в том числе учета и стандартизации подходов, поскольку в настоящее время не все субъекты и муниципалитеты могут позволить себе тратить необходимые бюджетные средства на данные разработки [17. С. 22].

* * *

Проведенный нами анализ практики использования программных продуктов для целей управления государственным имуществом показывает, что необходимы оптимизация расходов и повышение эффективности вложений в информационные технологии. В настоящее время Департамент использует избыточное число мало интегрированных между собой информационных систем, преимущественно направленных на решение каждой из поставленных задач по отдельности. Разработка мероприятий по оптимизации расходов на закупку и обновление используемых программ не представляется возможной в рамках данной статьи за отсутствием данных о фактических транзакционных издержках на указанные услуги, ввиду того что эти расходы заложены в бюджет Департамента информационных технологий автономного округа. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос совершенствования подходов к управлению государственным имуществом, основанных на кросс-отраслевом сетевом взаимодействии структур в цифровой экономике, базирующемся на кросс-функциональных связях. В данном случае речь идет о взаимодействии между различными департаментами. Например, между Департаментом по управлению государственным имуществом и Департаментом информационных технологий в части приобретения, обновления программных продуктов и оборудования.

В процессе цифровой трансформации необходимо нарабатывать устойчивую нормативную базу развития цифровой экономики в регионах, анализировать объем финансирования мероприятий по информатизации за счет средств субъектов РФ. Вместе с тем интеграция программ между собой позволит сократить время обработки информации за счет устранения дублирования

при формировании баз данных и размещения данных в различных информационных системах и комплексах.

Учитывая все вызовы и угрозы, их влияние на экономику страны, необходимо при разработке и использовании инструментов цифровой экономики изначально продумывать возможность их использования и проводить анализ предложений всех заинтересованных пользователей для создания универсальной системы учета и управления имуществом не только в автономном округе, но и в России в целом. Для этого подходит краудсорсинг с использованием выделенной платформы, в котором поиск решения проблемы происходит с помощью специалистов из различных органов и уровней власти, представителей общественности и бизнеса, вносящих свой вклад, поскольку они могут быть экспертами, потенциальными клиентами или заинтересованными пользователями.

Литература

1. *Parida V., Sjödin D., Reim W.* Reviewing literature on digitalization, business model innovation, and sustainable industry: past achievements and future promises // Sustainability. 2019. № (391). URL: <https://doi.org/10.3390/su11020391/> (дата обращения: 06.11.2021).
2. *Klostermeier, R., Haag, S., Benlian, A.* Digitale Zwillinge – Eine explorative Fallstudie zur Untersuchung von Geschäftsmodellen // HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik. 2018. № 55. Pp. 297–311.
3. Szabo, Roland, and Reka Csontos. "Efficient Organisational Renewal: The Role of Technological and Management Innovation." International Journal of Business Management & Research (IJBMR) ISSN (P) (2016): 2249-6920; ISSN (E): 2249-8036 Volume 6, Issue 3, June 2016, 35–50, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2838810/> (дата обращения: 06.11.2021).
4. *Grosheva T.A., Kostina O.V., Ladyzhenskaya T.P., Ptitsyna D.D.* Economic efficiency assessment of state property management activities (case study of the Khanty-Mansi autonomous okrug—Yugra, Russia). Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. 2020. Т. 12. № 5 Special Issue. С. 1167–1175. URL: <https://doi.org/10.5373/JARDCS/V12SP5/20201871> (дата обращения 06.11.2021).
5. *Knöchel, M., North, K.* Kundeneinbindung im Innovationsprozess – Methoden // Wiesbaden: Springer Gabler. 2018. P.19.
6. *Brening A., Hofbauer G.* Open Innovation Toolkatalog // Berlin: uni-edition, 2017. Pp. 1 – 84.
7. *Piller F.* Interaktive Wertschöpfung kompakt: Open Innovation, Individualisierung und neue Formen der Arbeitsteilung // Wiesbaden: Springer Gabler. 2017. Pp. 1 – 90.
8. *Hofbauer G., Sangl A.* Professionelles Produktmanagement: Der prozessorientierte Ansatz. Rahmenbedingungen und Strategien. 3rd Ed // Erlangen: Publicis, 2018. Pp. 369-371.
9. *Борщ Л.М., Жарова А.Р.* Методология развития человеческого капитала с позиций цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. № 11. С. 2141–2158. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.13.11.41351> (дата обращения 06.11.2021).
10. *Борщ Л.М., Герасимова С.В., Тюлин А.С.* О вопросах трансформации экономики и модернизации технологических процессов в России // Креативная экономика. 2018. № 6. С. 717–732. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.12.6.39206> (дата обращения 06.11.2021).

11. *Гордеев В.А., Майорова М.А., Шкиотов С.В., Маркин М.И.* Цифровая экономика в зеркале теоретической экономики // Теоретическая экономика. № 6. 2018. С. 66–69. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения 06.11.2021).
12. *Шкиотов С.В., Маркин М.И.* Развитие цифровой экономики в России как фактор роста национальной конкурентоспособности // Теоретическая экономика. № 3. 2019. С. 74–79. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения 06.11.2021).
13. *Силин Я.П., Анимича Е.Г., Новикова Н.В.* Теории экономического роста и экономического цикла в исследовании региональных процессов новой индустриализации // Journal of New Economy. 2019. № 2. С. 5–29. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-2-1> (дата обращения 06.11.2021).
14. *Сухарев О.С.* Экономический рост быстро изменяющейся экономики: теоретическая постановка // Экономика региона. 2016. № 2. С. 359–370. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17059/2016-2-3> (дата обращения 06.11.2021).
15. *Воейков М.И.* Эволюция экономических функций государства в условиях ноономики. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Том 1 // Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова // М.: ИНИР. 2021. 296 с.
16. *Воейков М.И.* Государство в эпоху цифровой экономики // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». 2019. № 1. С. 47–50. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru> (дата обращения 06.11.2021).
17. *Ладыженская Т.П.* Цифровизация в управлении государственной (муниципальной) собственностью, проблемы и перспективы внедрения в управлении государственным (муниципальным) имуществом на примере Ханты – Мансийского автономного округа // Югры журнал «Теоретическая экономика». 2021. № 74 (2). С. 42–53.
18. *Горбашко Е.А. и Камынина Н.Р.* 2019 Цифровизация в государственном управлении недвижимым имуществом организации // Экономические науки. 2019. № 2. С. 28–34. <https://doi.org/10.14451/1.17128/> (дата обращения 06.11.2021).
19. *Панюшкина Е.В.* Теоретические аспекты новой экономической системы: экономические интересы и «цифровые» барьеры // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». 2019. № 5(59). С. 35–38. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru>.
20. *Хашиева А.М.* Анализ эволюции подходов к определению понятия и сущности цифровой экономики // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». 2020. №7. С. 22–31. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru>.
21. *Юдина Т.Н.* «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и / или «цифровое общество». 2018. № 4(46). С. 13–17. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru>.
22. *Юдина Т.Н.* Государство как господарство, псевдогосударство как корпорация и / или как цифровая платформа (переформатирование экономической домостроительной роли государства и власти)// Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». 2020. № 7. С.32–41. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru>.
23. *Пивоварова О.В.* Анализ существующих подходов к оценке эффективности управления государственным имуществом: преимущества, недостатки, направления совершенствования // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 13. С. 2035–2048.

24. *Радыгин А.Д.* Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г. Аналитический доклад [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/02/Doklad_effektivnoe_upravlenie_gossobstvennostyu_Web.pdf (дата обращения 06.11.2021).
25. *Романовская Н.Ю.* Модели управления государственным сектором экономики // Современные технологии управления. ISSN 2226-9339. № 5 (29). Номер статьи: 2902. С. 17–22. Дата публикации: 2013-05-08. Режим доступа: <https://sovman.ru/article/2902/> (дата обращения 06.11.2021).
26. *Ладыженская Т.П., Костина О.В.* Проблемы оценки экономической эффективности в системе управления государственным имуществом и перспективы внедрения элементов цифровизации. // Сборник содержит статьи участников Международной научно-практической конференции «Вопросы развития современной науки и техники», состоявшейся 9 ноября 2021 г. в г. Мельбурн, Австралия. С. 222–231.

Tatyana Ladygenskaya (e-mail: Tladd@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Institute of Digital Economy of the Yugra State University
(Khanty-Mansiysk, Russia)

Olga Kostina (e-mail: kostinaov58@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Institute of Digital Economy of the Yugra State University
(Khanty-Mansiysk, Russia)

THE IMPACT OF THE DIGITAL ECONOMY ON THE MANAGEMENT OF STATE PROPERTY: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN THE REGIONS

The article is devoted to the use of information technologies for the public sector of the economy. According to the author, the lack of a single public platform and a plan for digitalization of state property management hinders the improvement of the quality of public services and requires the enhancement of departmental interaction using modern approaches.

The results of the research:

- the software products used for state property management in the Autonomous Okrug have been evaluated; it has been revealed that at present the Department uses 8 poorly integrated software systems; based on the research, it is proposed to develop a single platform for managing state property using cross-functional links;
- an analysis of the current legislation was carried out, which made it possible to establish the nature of the problems and the main causes associated with them; the study showed that with the total amount of funding for the digital development of the region reaching 103334175.3 thousand rubles, the program is inefficient in the digitalization of management.

The results of this study can be used for the development of governmental programs aimed at improving the efficiency of property management by means of digital transformation.

Keywords: software systems, information systems, digitalization, public sector, authorities, state property, efficiency of use, property, digital economy, duplication of information.

DOI: 10.31857/S020736760023990-8

© 2023

Дания Тазетдинова

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)
(e-mail: tazetdinova.dania@yandex.ru)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА В РАМКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Исследования, посвящённые изучению доходной стратификации, не теряют своей актуальности на протяжении многих лет. Различные меры социально-экономической политики направлены не только на уменьшение бедности, но и на сглаживание неравенства и увеличение численности среднего класса. Поэтому важно определить не только границы бедности, но и границы принадлежности к среднему классу – для этого существуют различные подходы. В рамках данной работы будет представлен обзор экономических подходов, использующих критерии распределения по доходу. Приведены границы, используемые сторонниками «абсолютного» и «относительного» подходов. Обзор выполнен на основе подробного анализа зарубежных и российских источников и будет полезен исследователям, занимающимся изучением такой социальной группы, как средний класс.

Ключевые слова: средний класс, абсолютный подход, относительный подход, границы доходных групп, стратификационная шкала.

DOI: 10.31857/S020736760023991-9

«Средний класс» не имеет общепринятого определения и представляет собой изменчивую и неопределённую концепцию. Можно было бы определить его на основе ряда точек зрения, показателей и подходов. Доход является хорошим показателем уровня жизни, но существует ряд факторов, помимо дохода, которые необходимо учитывать – таких как социально-экономический статус, стремления, материальные ресурсы или, напротив, лишения; многомерные подходы представляются весьма перспективными. Разные определения среднего класса, естественно, приведут к разной численности, доле доходов и характеристикам среднего класса.

Целью данного исследования является анализ и систематизация существующих подходов к определению среднего класса на основе доходных критериев.

Если попытаться обобщить существующие подходы к определению среднего класса, то можно сказать, что средний класс – это группа людей, которые обладают определённым уровнем дохода, профессиональным образованием и квалификацией, идентифицируют себя со средним классом и умеренно вовлечены в политическую жизнь общества [3].

Подходы к оценке численности среднего класса могут быть классифицированы относительно того, опираются ли они на экономические и/или социальные критерии. Первый относится к диапазону доходов, расходов, потребления, имущества, богатства, который сегментирует распределение населения [11, 17,

18, 32, 33]. Второй подход опирается на конкретные поведенческие характеристики, такие как образование, профессиональный статус и модели потребления. Опросы общественного мнения представляют собой альтернативный способ выявления среднего класса (например, «Евробарометр»).

В данной работе будет приведен обзор экономических подходов к определению среднего класса, а именно, использующих критерии распределения по доходу. Несмотря на существующие недостатки экономического подхода, он имеет очевидные преимущества, такие как простота измерения и возможность сопоставления результатов для разных обществ.

Абсолютный подход. Определения, основанные на доходах, можно разделить на абсолютные и относительные. Первый вариант предполагает фиксированные (то есть, абсолютные) диапазоны доходов (с поправкой на ППС при межстрановых исследованиях); второй опирается на диапазоны распределения национального дохода (квинтили, децили) либо на средние или медианные доходы. Хотя определения, основанные на доходах, обладают более высокой аналитической строгостью, чем концепции, основанные на субъективном восприятии, они остаются дискуссионными.

Абсолютные границы страдают от неправильной интерпретации, которая возникает при сравнении стран или регионов с разным уровнем развития [15]. В то время как границы бедности определены четко, границы среднего класса (особенно верхняя) определяются разными исследователями по-разному. Абсолютный показатель, хотя и дает общую картину, может не учитывать особенности и уровень развития конкретной страны или региона. Относительные определения могут обеспечивать менее однородные границы, поскольку они адаптированы к конкретной стране или региону (то есть, для каждой страны предполагаются свои границы среднего класса).

В рамках абсолютного подхода Bhalla [9] критерием принадлежности к среднему классу называет годовой доход в размере 3900 долларов США по ППС на человека. Другое мнение представлено Banerjee и Duflo [8], Ncube и соавторами [27], специалистами Африканского Банка развития [23]. Согласно им, ежедневные доходы на душу населения в размере от 2 до 10 долларов США позволяют обрести статус среднего класса. Ravallion (2010) и Wheary [34] предложили границы 2–13 долларов США в день, Kohut [24] – 10 долларов США, Kharas [21, 22] к среднему классу отнес людей с ежедневными доходами от 10 до 100 долларов США.

Отметим, что исследователи, как правило, предлагают границы среднего класса в рамках абсолютного подхода для стран, близких по уровню развития. Например, вышеупомянутый Ravallion в 1990 году в исследовании для отчета Всемирного Банка впервые предложил глобальный показатель бедности (черту бедности) на уровне 1 доллара США на человека в день (по ППС 1985 г), исследовав выборку из 33 стран с низким уровнем дохода. Сейчас данное значение обновляется (1,9 доллара с 2015 года) Всемирным банком и активно используется для международных

сопоставлений. В 2010 г. Ravallion, также для развивающихся стран, предложил границы среднего класса от 2 до 13 долларов США на человека в день. Нижняя граница установлена на основе того, что в более чем в половине развивающихся стран выборки черта бедности установлена на уровне менее 2 долларов США в день. Самая высокая черта бедности отмечена в Уругвае — 9 долларов в день; это, по мнению автора, может быть названо нижней границей «верхнего» среднего класса. В качестве верхней границы Ravallion использует черту бедности США — 13 долларов на человека в день, показывая, что к среднему классу в развивающихся странах можно отнести тех, кто не беден по стандартам своих стран, но беден по стандартам развитых стран [35].

Недавние подходы к определению среднего класса используют понятие подверженности риску бедности (*vulnerability to poverty*, букв.: «уязвимости к бедности»). В рамках данного подхода Lopez-Calva и Ortíz-Juarez [25] считают, что довольно большое количество людей за чертой бедности не должно классифицироваться как средний класс, поскольку их подверженность риску бедности высока. Данная часть уже не относится к бедным, согласно официальным критериям, поэтому не имеет права участвовать в программах борьбы с бедностью, хотя в этом нуждается.

Относительный подход. Абсолютный подход к выделению доходных групп обычно используется при исследовании развивающихся стран или исследованиях на мировом уровне. При анализе развитых стран и стран с доходом выше среднего (к которым Всемирный Банк отнес Россию) чаще применяют относительный подход.

Относительный подход выделения среднего класса опирается на диапазоны распределения национального дохода.

Деление населения на процентильные группы представляет собой симметричное распределение. Исследователи часто применяют данный подход для построения стратификационной шкалы или выделения отдельных доходных групп [1]. Easterly [17] к среднему классу отнес 60% населения — всех, за исключением нижних 20% распределения (бедных или тех, кто подвержен риску бедности) и верхних 20% (зажиточных). Такой же критерий используют Dallingер [16], Cavusgil и Kardes [14]. При этом последние производят деление внутри среднего класса. Dallingер [16] к «нижнему» среднему классу относит 2 квинтиль распределения, «среднего» — 3, «верхнего» — 4 квинтиль. Cavusgil и Kardes [14] границами «нижнего» среднего класса считают 3-6 децили распределения по доходам, «верхнего» среднего класса — 7-9 децили. Европейский союз использует в качестве основного показателя неравенства в доходах отношение доли дохода верхних 20% к доле нижних 20%. Остальные 60% составляют средний класс. Очевидно, что данный подход неприменим для изучения динамики среднего класса, так как его размер фиксирован, он не может расшириться или сузиться.

Альтернативой в рамках относительного подхода является использование медианного или среднего дохода. Чаще рассчитывают медианный доход, так

как медиана менее чувствительна к очень высоким или низким значениям дохода, то есть менее чувствительна к глубине неравенства.

Согласно подходу ОЭР, к среднему классу относится население, получающее 0,75–2 медианного дохода. Ряд исследователей [10, 29, 32, 33] сужают диапазон среднего класса до 0,75–1,25 медианы. Однако здесь определение границ так же неоднозначно, как и в рамках абсолютного подхода. Ravallion [30] следует предпосылке, что уровень жизни среднего класса начинается там, где заканчивается бедность. В то же время Horigan и Haugen [20] предполагают, что нижняя граница среднего класса должна обеспечить доход, значительно превышающий уровень бедности. Следуя предпосылке Ravallion, можно определить нижнюю границу среднего класса равной черте бедности и установить на уровне 60% от медианы. Более требовательный подход устанавливает нижнюю границу на уровне 75% медианы (на четверть выше, чем уровень черты бедности), что позволит избежать риска попадания бедных в данную группу.

Установление же верхней границы на уровне 1,25 медианы гораздо менее очевидно, не считая факта симметрии.

Anthony V. Atkinson и Andrea Brandolini [7], пользуясь логикой отсека пропорциональных групп, разделили население не на три доходные группы, а на пять. Авторы выделяют «нижний» средний класс (уже не бедные, но еще не средний класс) – 0,6–0,75 медианного дохода; средний класс – 0,75–1,25 медианы и «верхний» средний класс (еще не богатые) – 1,25–1,67 медианы.

Grabka и Frick [19] в качестве верхнего предела среднего класса выбирают уровень 1,5 медианного дохода (в качестве нижнего предела – 0,7 медианы), показывая на примере Германии 2006 года, что, для того чтобы войти в верхние 20 процентов доходного распределения, нужно иметь доход выше 150 процентов от медианы. Peichl, Schaefer и Scheicher [27] верхнюю границу среднего класса (и нижнюю границу богатства) устанавливают на уровне двух медиан, Brzezinski [12] – на уровне 3–4 медиан.

Российские исследователи также применяют относительный подход на основе медианы к измерению среднего класса. Например, в работах Тихоновой и соавторов [1, 6] бесспорной границей благополучия для российского общества назван уровень 1,25 медианы. При этом авторы приводят достаточно подробное объяснение выбора именно такой нижней границы, используя статистические данные. Среди них: снижение риска попадания в бедность до уровня менее 10%, массовое использование образовательных, туристических и платных медицинских услуг, а также более здоровые условия жизни. На основе данного критерия размер среднего класса (среднедушевой доход от 1,25 поселенческой медианы и без верхней границы) в 2019 году составил 32,4%.

Подход, основанный на медианном доходе, является достаточно гибким и применяется в исследованиях заметно чаще остальных, хотя и у него есть недостатки. К главному из них Dallinger [16] отнес то, что реальная численность

среднего класса получается завышенной при использовании критерия медианного дохода.

Проминимумный подход. Отдельно можно выделить способ измерения среднего класса на основе черты бедности (прожиточного минимума) и коэффициента мультипликации, который является сочетанием абсолютного и относительного подходов [1, 5]. Например, Castellani and Parent [13] в исследовании некоторых стран ОЭСР и Латинской Америки в качестве нижней границы среднего класса используют национальный показатель черты бедности, умноженный на 3. Rose [31] на данных США к «нижнему» среднему классу отнес население с душевым месячным доходом на уровне 1,5–2,5 значения черты бедности, к «среднему» – 2,5–5, к «верхнему» – 5–17,5 уровня черты бедности. М. Можина [4] трехкратный размер прожиточного минимума называет нижней границей высокодоходной группы населения, к среднедоходным относит домохозяйства с душевым доходом на уровне двух-трех прожиточных минимумов. Т. Богомолова [2] к верхнему среднему слою относит людей с доходами на уровне двух-четырех региональных прожиточных минимумов. В российской литературе за данным подходом закрепилось название «проминимумного» [1, 5].

Помимо доходов, споры о среднем классе часто сосредоточены на уровне жизни. Это подразумевает владение товарами длительного пользования, уровень образования и профессиональный статус. Образ жизни среднего класса обычно ассоциируется с владением товарами длительного пользования (автомобилями, холодильниками, телефонами) до такой степени, что в некоторых публикациях владение товарами длительного пользования рассматривается как «определяющая мера» уровня развития страны [26].

Критериями выделения среднего класса являются также накопленное богатство или имущество. Мы делаем выбор в пользу доходного критерия, так как доходы лучше демонстрируют текущий образ жизни, в то время как распределение по уровню богатства не столь неоднородно [1,5]. Кроме того, наш выбор объясняется доступностью данных официальной статистики на региональном уровне.

* * *

В исследовании представлен обзор существующих подходов к определению среднего класса в контексте доходной стратификации общества. Очевидно, что экономический критерий является не единственным для выделения среднего класса. Ряд социально-экономических исследований опирается на многомерные подходы, которые учитывают профессиональные, образовательные, демографические характеристики населения. Даже в рамках экономического подхода, как мы увидели, среди авторов нет единого мнения по определению границ среднего класса. Тем не менее нельзя отрицать широкое применение именно доходных критериев в силу простоты измерения, возможности сопоставления результатов и других преимуществ.

Литература

1. *Аникин В.А., Лежнина Ю.П.* Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–273.
2. *Богомолова Т.* Экономическая мобильность населения России в пространстве «бедность-не бедность»: траектории переходов в 1990-ые и 2000-ые гг. // SPERO. 2011. № 14. С. 41–56.
3. *Бондаренко Н.А., Слезко Ю.В.* Проблемы формирования среднего класса в России. Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2015. Том 6. № 4. С. 768–771. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_6_259.pdf
4. *Можина М.* Распределительные отношения: доходы и потребление населения // Москва. 2001.
5. *Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Аникин В.А., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д.* Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред.: Н. Е. Тихонова. // Издательство Нестор-История. 2018.
6. *Anikin V., Lezhnina Y., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N.* (2016). Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. NRU HSE. Series WP BRP / PSP Public and Social Policy. No. WP BRP 02/ PSP/2016. -36 p.
7. *Atkinson A.B., Brandolini A.* (2013). On the Identification of the Middle Class. Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries (eds. J. Gornick, M. Jantti), Stanford: Stanford University Press. Pp. 77–100.
8. *Banerjee A.V., Duflo E.* (2008). What Is Middle Class About the Middle Classes around the World? // Journal of Economic Perspectives. Vol. 22. No 2. Pp. 3–41.
9. *Bhalla S.* (2009). The Middle Class Kingdoms of India and China, Washington: Peterson Institute for International Economics.
10. *Birdsall N., Graham C., Pettinato S.* (2000) Stuck in Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle? Center on Social and Economic Dynamics working paper No 14.
11. *Birdsall N.* (2010). The (Indispensable) Middle Class in Developing Countries; or The Rich and the Rest, Not the Poor and the Rest, Working Paper 207, Center for Global Development, Washington, DC.
12. *Brzezinski Michal.* (2010). Income Affluence in Poland. Social Indicators Research 99(2): 285–299.
13. *Castellani F., G. Parent* (2010). Being Middle Class in Latin America, mimeo, OECD development Centre, Paris.
14. *Cavusgil E., Kardes I.* (2013). Managing global megaprojects: Complexity and Risk Management, International Business Review, 22: 905–17.
15. *Cowell F.* (2011). Measuring Inequality, Oxford: Oxford University Press.
16. *Dallinger U.* (2013). The Endangered Middle Class? A Comparative Analysis of the Role Played by Income Redistribution. Journal of European Social Polic. Vol. 23. No 1. Pp. 83–101.
17. *Easterly W.* (2001). The middle class consensus and economic development // Journal of Economic Growth. Vol. 6(4). Pp. 317–35.
18. *Eisenhauer J.G.* (2008). An Economic Definition of the Middle Class, Forum for Social Economics. Vol. 37. No. 2. Pp. 103–113.
19. *Grabka M.M., Frick J.R.* (2008). The Shrinking German Middle Class: Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? Weekly Report. Vol. 4. No 4. Pp. 21–27.
20. *Horrigan Michael W. and Steven E. Haugen.* (1988). “The Declining Middle-Class Thesis: A Sensitivity Analysis.” Monthly Labor Review 111(5): 3–13.
21. *Kharas Homi and Geoffrey Gertz* (2010). The New Global Middle Class ed. China Emerging Middle Class: Beyond Economic Transformation, Washington Press.
22. *Kharas H.* (2010). The Emerging Middle Class in Developing Countries. OECD Development Center Working Paper 285. Washington DC: Brookings Institution.

23. *Kodila-Tedika, Oasis and Asongu Simplice A.* (2014). Middle class in Africa: Determinants and Consequences 3 December 2014, Online at <https://mpr.ub.uni-muenchen.de/63797/>
24. *Kohut A.* (2009). The Global Middle Class: Views on Democracy, Religion, Values and Life Satisfaction in Emerging Nations. Global Pew Attitudes Survey. Washington DC: Pew Research Center.
25. *Lopez-Calva L.F. and E. Ortiz-Juarez* (2011). A vulnerability approach to the definition of the middle class., Policy research working paper series 5902, The World Bank, Washington D.C.
26. *Martinez E., Parent G.* (2012). Middle Class Determinants in Latin America, Working paper .
27. *Ncube M., Lufumpa C. L., and Kayizzi-Mugerwa S.* (2011). The Middle of the Pyramid: Dynamics of the Middle Class in Africa, BAD Market Brief.
28. *Peich, Andreas, Thilo Schaefer and Christoph Scheicher.* (2010). Measuring Richness and Poverty: A Micro Data Application to Europe and Germany // Review of Income and Wealth 56(3): 597–619.
29. *Pressman S.* (2007). The Decline of the Middle Class: An International Perspective // Journal of Economic Issues. Vol. 41. No 1. Pp. 181–200.
30. *Ravallion M.* (2010). The Developing World's Bulging (but Vulnerable) Middle Class // World Development. Vol. 38. No 4. Pp. 445–454.
31. *Rose S.J.* (2016). The Growing Size and Incomes of the Upper Middle Class. Urban Institute research report. URL: <http://www.urban.org/sites/default/files/alfresco/publication-pdfs/2000819-The-Growing-Size-and-Incomes-of-the-Upper-Middle-Class.pdf>
32. *Thurow L.C.* (1984). The Disappearance of the Middle Class // New York Times, 3, 2.
33. *Thurow L.C.* (1987). A Surge in Inequality. Scientific American. Vol. 256. N 5. P. 30.
34. *Wheary J.* (2009). The Global Middle Class is Here: Now What? // World Policy Journal 26. Pp. 75–83.
35. World Bank (2015). Russia Economic Report 33: The Dawn of a New Economic Era? Washington: World Bank Group.

Dania Tazetdinova (e-mail: tazetdinova.dania@yandex.ru)

Postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

THE DEFINITION OF THE MIDDLE CLASS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ECONOMIC APPROACH

Research devoted to the study of income stratification has been relevant for many years; in many countries, various measures of socio-economic policy are aimed not only at reducing poverty, but also at smoothing out inequality and increasing the size of the middle class. Therefore, it is important to define both the boundaries of poverty and the boundaries of the middle class – there are various approaches to this. As part of this paper, an overview of economic approaches using income distribution criteria is presented. The boundaries used by the supporters of the "absolute" and "relative" approaches are shown. The review is based on a detailed analysis of foreign and Russian sources and will be useful to researchers studying social groups, particularly the middle class.

Keywords: middle class; absolute approach; relative approach; boundaries of income groups; stratification scale.

DOI: 10.31857/S020736760023991-9

© 2023

Константин Ушаков

аспирант кафедры поиска и разведки полезных ископаемых

Ухтинского Государственного Технического Университета (г. Ухта, Россия)

(e-mail: k.m.ushakov@mail.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСВОЕНИЯ РЕСУРСОВ ТЕРРИТОРИЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА: РЕСПУБЛИКА КОМИ

Приведена демографическая статистика по городам Республики Коми. Представлена сформировавшаяся тенденция перманентного снижения численности населения (депопуляции). Задачи по освоению Крайнего Севера сопоставляются с собственными возможностями данного региона. Делается вывод о необходимости улучшения демографической ситуации с целью долговременного освоения северного региона России.

Ключевые слова: культура горных работ, социокультурный аспект, демография районов Крайнего Севера, общество.

DOI: 10.31857/S020736760023992-0

Задача освоения Севера долгое время представлялась как задача освоения конкретных месторождений полезных ископаемых или других необходимых ресурсов, но никогда не представлялась как задача комплексного освоения территорий, т.е. в социальном аспекте (ведь территории осваиваются только людьми). Вопрос о Северном Морском пути сегодня также ставится в ином формате, предполагающем его существование в качестве «Арктического шелкового пути», глобальной логистической нити, связывающей Азию и Европу, и это заставляет нас заново рассмотреть вопрос освоения Северных и Арктических территорий Российской Федерации. По-новому определиться с задачами и по-новому выбрать методики их решения.

Переход на комплексное освоение территорий Арктической зоны и районов Крайнего Севера прослеживается во многих правовых актах – таких как Указ президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». С точки зрения перспектив развития, в представленной Стратегии северные территории рассмотрены уже не как отдельные анклавные инвестиционные проекты, направленными исключительно внутрь региона, а как территории, способные при всеобщем взаимодействии соседствующих регионов получить от инфраструктурных проектов еще и синергический эффект, ускоряющий развитие проектов и региона в целом.

Одной из основных проблем освоения районов Крайнего Севера является демографическая. Крайне малая плотность населения северных регионов и депопуляция Севера Российской Федерации никогда не представлялись критически важными. Выбранное решение данной проблемы – вахтовый метод разработки

месторождений полезных ископаемых — не привел к полноценному освоению территорий. Вахтовый метод работы принес в районы, климат которых чрезвычайно суров, факторы, ускоряющие отток трудовых ресурсов и человеческого капитала, показав этим свою несостоятельность в работе на перспективу.

Ярким представителем регионов Арктического пояса, иллюстрирующим проблему демографии, является Республика Коми, территория которой частично включает районы Крайнего Севера, частично — местности, приравненные к таковым. На 01.01.2022 г. численность населения в Республике Коми — 803477 человек на территории площадью 416,8 тыс. км². Средняя плотность населения Республики составляет 1,93 на 1 км². Это, конечно, не плотность 0,25 чел./км² Ненецкого автономного округа, инфраструктурного компаньона по реализации логистического проекта железнодорожной магистрали Сосногорск — Индига, но и не средняя плотность населения регионов Европейской части Российской Федерации, позволяющая реализовывать огромные технические и технологически сложные проекты строительства и эксплуатации.

Депопуляция населения, проживающего на территории Республики Коми, за прошедший период нового века составила 24%. Линейная зависимость данного процесса представлена на рисунке 1.

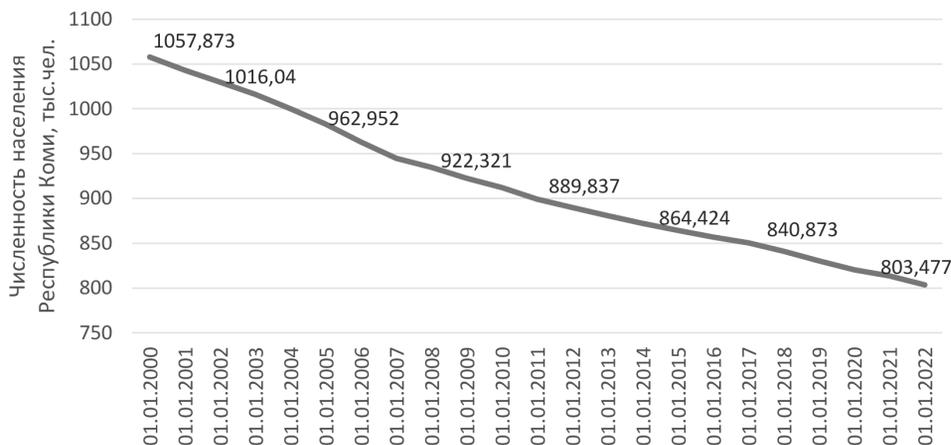

Рис. 1. Депопуляция Республики Коми
(данные Федеральной службы государственной статистики)

Источник: [3].

Но, помимо фактического уменьшения численности населения Республики Коми, можно говорить о формировании тенденции снижения численности населения в муниципальных районах Северной части Республики Коми. Данная тенденция прослеживается на графиках, приведенных автором ниже

(Рис. 2, Рис. 3 и Рис. 4 – данные представлены территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми).

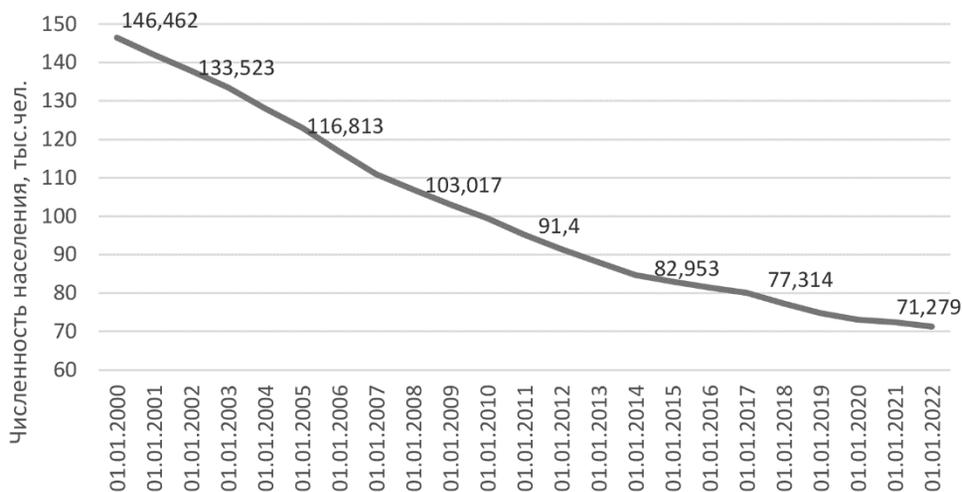

Рис. 2. Депопуляция МО ГО «Воркута»
(данные Федеральной службы государственной статистики)

Источник: [3].

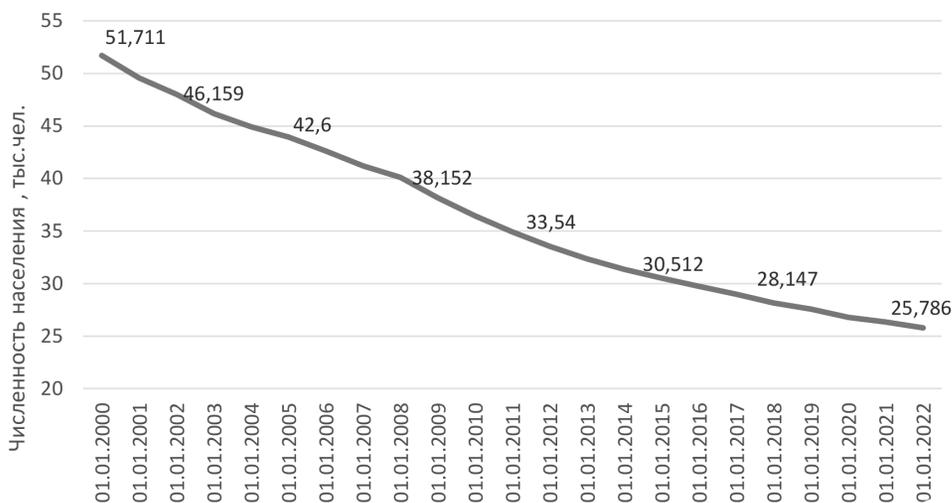

Рис. 3. Депопуляция МО ГО «Инта»
(данные Федеральной службы государственной статистики)

Источник: [3].

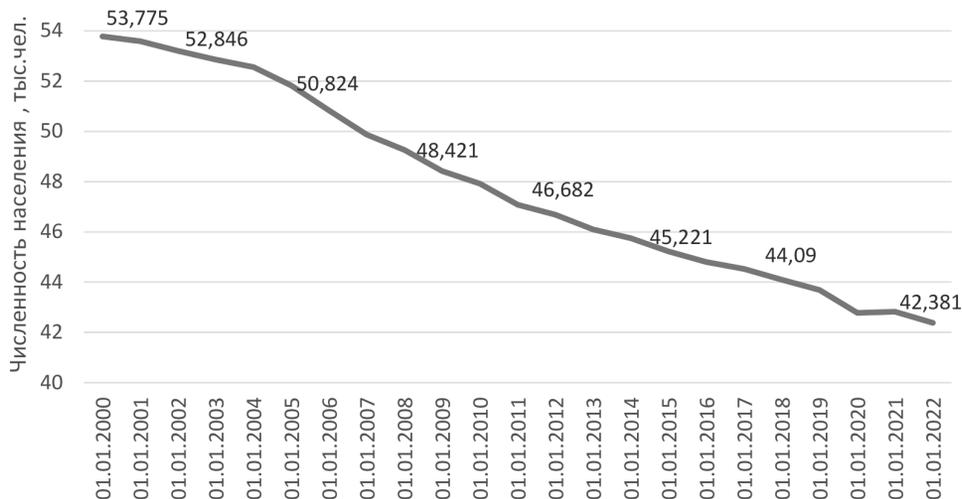

Рис. 4. Депопуляция МО ГО «Усинск»
(данные Федеральной службы государственной статистики)

Источник: [3].

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 г. № 1946 "Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей приравненных к районам крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях» только муниципальные образования городских округов Воркуты, Инты и Усинска признаны в качестве территорий Крайнего Севера.

Арктическая стратегия развития региона основана на формировании горно-промышленных кластеров, работах по вскрытию, добыче и переработке минеральных невозобновляемых ресурсов (в том числе и глубокой переработке с получением конечного продукта, — такой какая осуществляется на первом в России крупном производстве высокосортных титановых концентратов и искусственного игольчатого волластонита, а также продуктов на их основе). Основными локомотивами преобразований региона должны стать:

- развитие угольных минерально-сырьевых центров на базе Печорского угольного бассейна, создание на их основе комплексов глубокой переработки угольного сырья, углехимии;

- формирование и развитие нефтегазовых минерально-сырьевых центров на базе Тимано-Печорской нефтегазодобывающей провинции, в том числе создание мощностей по переработке нефти и газа;

- создание и развитие вертикально интегрированного горно-металлургического комплекса, предназначенного для переработки титановых руд и кварцевых песков Пижемского месторождения;

– формирование и развитие Парнокского железомарганцевого минерально-сырьевого центра.

Все четыре предполагаемых локомотива Республики Коми нуждаются в огромном количестве специалистов высочайшего класса (даже водитель на территории особо опасного объекта (ОПО) должен пройти соответствующее обучение и получить Свидетельство о подготовке к ДОПОГ (дорожная перевозка опасных грузов). Прочим специалистам необходимо будет не просто эксплуатировать сложное оборудование, но выполнить первоначальное оформление проектов на территории и, приступив к освоению, выстроить с нуля технологические цепочки внутри кластеров, а также – выстроить максимально продуктивные отношения с внешними контрагентами.

Помимо количественного фактора депопуляции, необходимо отметить, что специалистам, имеющим высокий уровень горного образования и опыт (в том числе и самого сложного способа освоения недр – шахтного), проще всего найти высокооплачиваемую работу вне территории Республики Коми, что, в свою очередь, свидетельствует об оттоке именно самых активных, образованных и опытных специалистов-горняков.

В свою очередь, такие инициативы, как Соглашение по вопросам строительства инфраструктуры национального горнопромышленного кластера в целях комплексного освоения месторождений титанового, кварцевого и других видов минерального сырья, с задействованием труда осужденных и оказания им помощи в социальной адаптации после освобождения, подписанное 03.09.2020 Группой компаний «Русские титановые ресурсы» (ГК «РУСТИТАН»), ФСИН России и Правительство Республики Коми подкрепляют желание профессионалов искать рабочие места подальше от реализации таких проектов.

Точное количество необходимых специалистов на данный момент нигде не отражено, но, по словам генерального директора ГК «РУСТИТАН» Алексея Новикова, для реализации лишь одного проекта освоения Пижемского месторождения потребуется создать более тысячи рабочих мест [5].

Критическая необходимость привлечения квалифицированных специалистов для освоения Арктической зоны страны очевидным образом диссонирует с тенденцией перманентной депопуляции, устоявшейся на территории районов Крайнего Севера, включенных в Арктическую стратегию Российской Федерации. В социальном смысле территории не осваиваются, а приезжие специалисты, приобретая профессиональный опыт, разъезжаются в более обжитые места. В то же время мы видим, как страны, не имеющие выход в Арктику, уже не скрывают своего интереса к освоению не только морских, но и континентальных земель Крайнего Севера (яркий пример – «Белая книга» Китая по Арктике). При наблюдаемом в мире ресурсном голоде, существование необитаемых, «бесхозных» территорий, богатых полезными ископаемыми, представляет большой соблазн для всех заинтересованных государств. Поэтому тенденцию

обезлюдения наших северных территорий надо как можно скорее обратить вспять. Откладывать решение данной проблемы не следует.

Литература

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Ненецкого автономного округа в 2021 году»: гос. доклад / Департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа [и др.]. – электронная версия. – Нарьян-мар: Департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа. 2022. – 141 с.
2. Государственный доклад «О состоянии окружающей среды Республики Коми в 2021 году»: гос. доклад / Минприроды Республики Коми [и др.]; под общ. ред. ГБУ РК «ТФИ РК». – электронная версия. – Сыктывкар: Минприроды Республики Коми, 2022. – 167 с.
3. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – Москва. - URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.08.2022). – Текст: электронный.
4. О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Текст]: указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 44, ст. 6970.
5. RUSTITANIUM GROUP (2021. декабрь.01). Алексей Новиков – О реализации стратегии развития Арктики [Видео файл]. Взято из <https://www.youtube.com/watch?v=3WnXfjnWH7s&t=20s>

Konstantin Ushakov (e-mail: k.m.usakov@mail.ru)

Postgraduate student, Department of Prospecting and Exploration of Mineral Resources Ukhta State Technical University (Ukhta, Russia)

DEMOGRAPHIC TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RESOURCES IN THE TERRITORIES OF THE FAR NORTH: THE REPUBLIC OF KOMI

In the article the demographic statistics for the cities of the Komi Republic is given. The emerging trend of permanent population decline (depopulation) is presented. The tasks for the development of the Far North are compared with the own capabilities of this region. It is concluded that it is necessary to improve the demographic situation for the long-term development of the northern region of Russia.

Keywords: mining culture, socio-cultural aspect, demography of the Far North regions, society.

DOI: 10.31857/S020736760023992-0

© 2023

Даниил Фролов

доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и предпринимательство» факультета экономики и управления Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия)
(e-mail: ecodev@mail.ru)

Алексей Дмитриев

младший научный сотрудник кафедры «Экономика и предпринимательство» факультета экономики и управления Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия)
(e-mail: basement.dmitriev@gmail.com)

Сергей Волков

кандидат экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия)
(e-mail: ambiente2@rambler.ru)

Ольга Акимова

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство» факультета экономики и управления Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия)
(e-mail: akimovann25@mail.ru)

**ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
(СОНКО) ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ
СТАРОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье рассматривается роль социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) в процессе формирования институтов развития старопромышленного региона (на примере Волгоградской области). Для оценки соответствия региональной ситуации общероссийской рассматривается срез статистических данных, касающихся положения сектора СОНКО. В работе применяется инструментальный статистический анализ данных. По итогам исследования делается вывод об укреплении финансового положения субъектов некоммерческого сектора экономики Волгоградской области и повышении вовлеченности населения в их деятельность.

Ключевые слова: некоммерческие организации, устойчивое развитие, гражданское общество, финансирование, институты, старопромышленный регион.

DOI: 10.31857/S020736760023993-1

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00271 в рамках проекта «Логика, институты и стратегии развития «сжимающихся» старопромышленных городов: синтез гетеродоксальных подходов».

Общественная жизнь региона представляет собой комплексное явление, включающее в себя экономику, социальную и политическую сферы, культуру и многое другое. Изменения в одной из компонент общественной жизни неизбежно сказываются на других ее составных частях, поскольку система в конечном итоге стремится к балансу. При этом состояние социальной среды фактически представляет собой отражение уровня эффективности функционирования иных институтов, поскольку ключевой задачей управления является обеспечение комфорта и удобства жизни в регионе.

В наиболее эффективных моделях регулирования отношений, возникающих в социальной среде, роль проводников созидательных и социально полезных норм играет не только государство, но и образования, чья деятельность направлена на формирование самоуправляемой общественной среды, т.е. гражданского общества. Подобная деятельность является прерогативой разного рода некоммерческих и неправительственных организаций. В свою очередь, в отечественной практике автономность социальной сферы повышается за счет работы социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО).

Исследования в области деятельности СОНКО, направлений повышения ее эффективности и поиска основных проблем развития подобных организаций составляют обширный пласт российской научной периодики. Одни труды – как статьи А.В. Иванова [4. С. 47] и А.И. Андриенко [1. С. 66], посвящены классификации некоммерческих организаций (что может быть полезным, например, при проведении конкурсов на соискание грантов), а также иным теоретическим аспектам их функционирования. Другие исследователи, к числу которых можно отнести О.Ю. Рудакову [7. С. 87], М.Б. Полякова [6. С. 249] и М.Ю. Милованову [5. С. 80] сосредоточиваются на изучении особенностей практической реализации государственной политики в области поддержки социально ориентированных организаций. Реже встречаются работы, посвященные изучению опыта регионов и муниципальных образований в вопросах обеспечения деятельности СОНКО [2. С. 550].

Вместе с тем следует отметить недостаточный уровень теоретического обоснования полезности деятельности социально ориентированных организаций в разрезе субъектов России, подкрепленного статистическими данными. Практически не уделяется внимания СОНКО, выступающим в качестве проводников институтов развития экономики и социальной сферы регионов. Данная статья призвана частично заполнить пробелы в этой сфере, рассмотрев роль некоммерческих организаций в процессе обеспечения развития Волгоградской области.

Краткая характеристика общероссийской ситуации. Внимание государственных структур к положению социально ориентированных организаций, состоящее в выработке мер поддержки, разработке стратегических документов,

направленных на развитие данного сектора и обилие проводимых конкурсов на соискание финансовой поддержки свидетельствует о заинтересованности властных структур в развитии СОНКО. Подобная ситуация обуславливается как необходимостью развития социальной сферы, повышения ее автономности и возможности передачи части государственных полномочий в области социальной поддержки СОНКО, так и факторами политической выгоды от взаимодействия с организациями, имеющими влияние в обществе. В любом случае поддержка некоммерческого сектора экономики полезна как для государства, так и для СОНКО и, собственно, общества.

О росте потребности общества и государства в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций свидетельствует в числе прочего существенное возрастание объемов финансирования СОНКО по итогам 2021 года по сравнению с предыдущими периодами. Так, в целом по Российской Федерации прирост составил 38,1%. Позитивные изменения коснулись также численности работников СОНКО (+1,7%) и добровольцев (+13,1%), чья численность приблизилась к допандемийному уровню. В структуре доходов СОНКО в 2021 году существенно возросли объемы пожертвований от российских коммерческих организаций (относительный прирост величины составил 47,1% к уровню 2020 года, тогда как сама статья доходов составила 22,3% от общего объема), ресурсов из бюджетов субъектов Российской Федерации (возросли на 97,8% и составили 9,7% доходов) и поступлений из федерального бюджета (таковые выросли на 77,0%, составив 10,2% общего объема доходов СОНКО) [8].

Общий объем расходов социально ориентированных организаций увеличился на 32,0% относительно уровня 2020 года. Показатель расходов на оплату труда сотрудников возрос на 18,3%. При сопоставлении данного показателя с величиной прироста численности работников можно сделать вывод о возрастании среднего объема оплаты труда (включая страховые взносы и иные обязательные платежи). Отношение объема затрат по данной статье к численности работников СОНКО в 2020 и 2021 годах составляет 45062,4 рубля и 52418,0 рублей соответственно (прирост составляет 16,3%). Даже с учетом уровня инфляции, составившей в 2021 году 8,4% (по данным Росстата) подобное изменение указывает на рост привлекательности СОНКО как работодателей.

По мнению авторов, улучшению финансового положения СОНКО во многом способствовало создание «Пушкинской карты» – проекта Минкультуры, Министерства цифрового развития и «Почта Банка», целью которого стало вовлечение молодежи в культурную жизнь страны посредством предоставления возможности посещать культурные и образовательные мероприятия за счет государства. Подобную меру можно назвать одной из самых эффективных и оригинальных в последние годы – способствуя культурному просвещению

молодого поколения, она вместе с тем стимулирует спрос на услуги, предоставляемые СОНКО в соответствующих сферах деятельности.

Положение СОНКО в Волгоградской области. Значительным числом исследователей Волгоградская область признается старопромышленным регионом. В данное понятие включено представление о территории как о некогда промышленно развитой, но к настоящему времени частично утратившей преимущества в этой сфере. В современных условиях ключевую роль в процессе обеспечения развития таких регионов приобретает совершенствование форм интеграции хозяйствующих субъектов. Помимо этого, важным становится создание институтов общественного контроля за деятельностью предприятий и организаций, участвующих в работе подобных объединений. Последнее возможно только при наличии в регионе развитого гражданского общества, проводниками институтов которого выступают социально ориентированные некоммерческие организации.

Поскольку развитие старопромышленных регионов требует формирования институтов развития, отличных от таковых на территориях с иной спецификой, вопросы их создания и формализации приобретают особую сложность. Главной целью подобных норм становится увязка существующих институтов в области промышленных производств с новыми институтами интеграции экономических субъектов и обеспечения процесса конвергенции знаний и разработок. Подобные институты выполняют функцию катализаторов инновационного развития экономики и позволяют осуществлять реиндустриализацию предприятий, чья материальная база характеризуется обилием решений прошлых технологических укладов.

В этой связи следует говорить о высоком потенциале развития социально ориентированных некоммерческих организаций как проводников институтов устойчивого развития, предполагающих, в числе прочего, формирование новых форм взаимодействия хозяйствующих субъектов, направленных на достижение синергетического эффекта.

Численность действующих в регионе социально ориентированных некоммерческих организаций по итогам 2021 года снизилась на 4% по сравнению с прошлым периодом. Объем поступлений финансовых ресурсов, напротив, увеличился на 10,2%, что существенно ниже среднего показателя по России. Средний показатель финансирования на одну СОНКО составил 2869,2 тысячи рублей (в 2019 и 2020 годах таковой составлял 2058,1 и 2499,8 тысяч рублей, соответственно). На приведенных ниже рисунках 1 и 2 отражена структура доходов и расходов социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградской области по итогам 2021 года.

Рис. 1. Структура доходов СОНКО Волгоградской области по итогам 2021 года (в % к итогу)

Источник: составлено авторами по материалам [8].

В структуре доходов региональных СОНКО, как и прежде, преобладает выручка от реализации товаров, работ и услуг. По итогам 2021 года ее доля в общем объеме составила 41,5%, тогда как годом ранее достигала отметки 42,0%, а в 2016 году – 34,4%. Следует отметить, что в течение пятилетнего периода выручка волгоградских СОНКО всегда составляла значительную часть общего объема поступлений, но в 2016 году к ее абсолютному значению приблизился показатель поступлений со стороны российских коммерческих организаций, который в последующие годы существенно снизился (величина 2021 года, составляющая 10,4% общего объема доходов, достигла отметки лишь в 36,0% от уровня 2016 года). Помимо тенденции к снижению объемов поступлений со стороны бизнеса, следует отметить и другую – к возрастанию объема поступлений от российских физических лиц. В структуре доходов региональных СОНКО данная группа поступлений составила 22,6% по итогам 2021 года (годом ранее величина достигала 20,0%). Подобная динамика указывает на возрастание уровня доверия населения к социально ориентированным некоммерческим организациям, которое выражается в готовности жертвовать средства на реализацию тех или иных мероприятий. Этому способствовал и умеренный рост реальных располагаемых денежных доходов жителей региона (на 3,1% по итогам 2021 года).

Рис. 2. Структура расходов СОНКО Волгоградской области по итогам 2021 года (в % к итогу)
 Источник: составлено авторами по материалам [8].

Структура расходов региональных СОНКО практически не претерпела изменений относительно периода 2019–2020 гг. В ней по-прежнему преобладают расходы на оплату труда и страховые взносы, которые составляют 45,0% от общего объема затрат (в 2020 году данный показатель достигал 46,3%, а в 2019 – 43,1%). Вторую позицию в структуре занимают расходы на содержание и обслуживание организации (28,1%, в 2020 и 2019 годах – 28,5% и 26,9%, соответственно). Незначительно выросла доля расходов на предоставление благотворительной помощи, пожертвований и грантов другим СОНКО и физическим лицам – с 6,9% в 2019–2020 гг. до 7,1% по итогам 2021 года. Следует также отметить тенденцию к возрастанию структурной доли расходов на приобретение основных средств, зданий, сооружений и строительство, которая по итогам последнего периода достигла отметки в 5,2% (при 4,3% в 2020 году и 3,5% – в 2019). Данный факт указывает на совершенствование уровня оснащенности социально ориентированных организаций, которое вполне укладывается в существующий курс на развитие и вовлечение в деятельность субъектов данного сектора большего числа граждан и организаций.

Численность работников социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградской области незначительно увеличилась по сравнению с прошлым годом – прирост составил 0,4% (в показатель, помимо штатных сотрудников, включены внешние совместители и лица, выполнявшие работу по договорам гражданско-правового характера). Средний объем оплаты труда,

приходящийся на одного работника, составил 35075,8 рублей (включая страховые взносы и иные обязательные платежи), увеличившись на 9,9% по сравнению с уровнем 2020 года. По итогам периода ощутимо сократилось количество добровольцев, задействованных в работе организаций на 8% относительно 2020 года (сокращение явилось продолжением нисходящей динамики показателя – так, численность волонтеров в 2020 году оказалось ниже таковой в 2019 на 28,9%). Следует отметить, что период 2019–2020 гг. характеризовался также сокращением числа действующих СОНКО, которое достигло отметки в 15,4%.

Обсуждение результатов исследования. Имеющиеся сведения свидетельствуют о повышении спроса на услуги социально ориентированных некоммерческих организаций в Волгоградской области. Существенный рост численности граждан, получивших услуги СОНКО, по итогам 2021 года относительно 2020, наблюдается в сферах здравоохранения (+180,7%), спорта (+16,0%), образования (+10,7%) и социальной политики (+7,0%). Совокупный показатель прироста по всем сферам составляет 10,5%.

Существенный рост показателя объема оказанных услуг в сфере здравоохранения обусловлен, в первую очередь, коронавирусной пандемией и связанной с этим вакцинацией жителей региона. Вместе с тем рост индикаторов в других сферах деятельности СОНКО указывает на повышение востребованности их услуг среди граждан. Такая динамика свидетельствует о повышении влияния некоммерческих организаций в социальной среде и степени их вовлеченности в общественную жизнь.

Заинтересованность администрации региона в развитии социально ориентированных организаций подтверждается также проведением конкурсов на предоставление СОНКО субсидий для реализации тех или иных мероприятий. Конкурсная процедура и механизм финансирования в целом схожи с таковыми в случае предоставления президентских грантов, однако понимание их организаторами ключевых проблем экономики и социальной сферы региона позволяет отбирать проекты, способные дать максимальный положительный эффект в случае реализации. Так, по итогам 2021 года, благодаря проведенному конкурсу 99 проектов региональных социально ориентированных некоммерческих организаций из 208, допущенных к участию, получили субсидии на общую сумму 49,9 млн рублей. В 2022 году к участию в конкурсе был допущен уже 281 проект. Большая часть поданных заявок предполагает реализацию проектов в области сохранения исторической памяти, экологии и образования. В числе последней группы имеется ряд проектов, посвященных популяризации результатов научных исследований и развитию технического творчества.

По мнению авторов, расширение возможностей СОНКО (в том числе и финансовых) ведет к образованию новых социально-экономических институтов, которые с каждым разом охватывают все более значительные доли населения

Волгоградской области. Принципиально важным является образование волонтерских движений, состав которых включает людей всех возрастов и профессий, взглядов и интересов. Именно такое консолидирующее начало является основой гражданского общества, создание которого является одной из основных целей субъектов некоммерческого сектора.

Таким образом, институты развития, формируемые СОНКО, включают не столько нормы в области совершенствования экономической среды, сколько «правила» социального взаимодействия и примеры позитивной деятельности граждан, направленной на развитие социальной сферы региона и формирование гражданского общества. В этом направлении в последние годы мы можем наблюдать значительный рост показателей эффективности деятельности социально ориентированных организаций, которые постепенно улучшают финансовое и имущественное положение и могут позволить себе реализацию новых мероприятий.

Литература

1. *Андрienко А.И.* О соотношении понятий «общественные объединения», «некоммерческие организации» и «социально ориентированные некоммерческие организации» // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 3(29). С. 64–69.
2. *Городицкая А.Р.* Проблемы и перспективы социально-ориентированных некоммерческих организаций (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Экономика и социум. 2020. № 6 (73). С. 546–560.
3. *Грошева Д.Н.* Системы контроля качества предоставляемых услуг некоммерческими организациями (на примере исследования социально ориентированных организаций Алтайского края) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2014. № 2. С. 139–141.
4. *Иванов А.В.* Некоммерческие организации – исполнители общественно полезных услуг как новый вид социально ориентированных некоммерческих организаций // Современные инновации. 2017. № 8 (22). С. 46–48.
5. *Милованова М.Ю.* Социально ориентированные некоммерческие организации как агент социальных изменений и нового социального дизайна современной России // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 1 (20). С. 74–84.
6. *Поляков М.Б.* Совершенствование государственной политики в сфере поддержки и развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Инновации и инвестиции. 2021. № 5. С. 247–250.
7. *Рудакова О.Ю.* Структура государственной финансовой поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в России // Экономика, социология и право. 2016. № 2. С. 86–89.
8. *Финансы: социально ориентированные некоммерческие организации [Росстат].* Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/finance> (дата обращения: 01.08.2022).

Daniil Frolov (e-mail: ecodev@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Department of Economics and Entrepreneurship, Faculty of Economics and Management, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)

Alexey Dmitriev (e-mail: basement.dmitriev@gmail.com)

Junior researcher,

Department of Economics and Entrepreneurship of the Faculty of Economics and Management, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)

Sergey Volkov (e-mail: ambiente2@rambler.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Dean of the Faculty of Economics and Management, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)

Olga Akimova (e-mail: akimovann25@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Department of Economics and Entrepreneurship of the Faculty of Economics and Management, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)

THE SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION OF DEVELOPMENT INSTITUTIONS BY SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN OLD INDUSTRIAL REGIONS (EXEMPLIFIED IN THE CASE OF THE VOLGOGRAD REGION)

The article discusses the role of socially oriented non-profit organizations (SONPOs) in the process of the formation of institutions for the development of an old industrial region (the case of the Volgograd region). To assess the compliance of the regional situation with the all-Russian one, a cross-section of statistical data concerning the state of the SONKO sector is considered. The work uses statistical data analysis tools. Based on the results of the study, a conclusion is drawn about strengthening the financial position of the actors in the non-profit sector of the Volgograd region and increasing the involvement of the population in their activities.

Keywords: non-profit organizations, sustainable development, civil society, financing, institutions, old industrial region.

DOI: 10.31857/S020736760023993-1

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff**, **eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Добавление Публикации**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Сохранить и отправить**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 18.01.2023 г.

Дата выхода в свет: 30.01.2023 г.

Тираж 150 экз. Зак. 13/1а. Цена свободная

70*100^{1/16}. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»
Свидетельство о регистрации СМИ в Государственном комитете Российской Федерации
по печати № 0110199 от 05.05.1999
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1